РОКОВЫЕ РЕШЕНИЯ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР

Siegfried Westphal, Werner Kreipe, Günther Blumentritt, Fritz Bayerlein, Kurt Zeitzler, Bodo Zimmerman, Hasso von Manteuffel

THE FATAL DECISIONS

NEW YORK — 1956

З. ВЕСТФАЛЬ, В. КРЕЙПЕ, Г. БЛЮМЕНТРИТ, Ф. БАЙЕРЛЕЙН,
К. ЦЕЙТЦЛЕР, Б. ЦИММЕРМАН, Х. МАНТЕЙФЕЛЬ

РОКОВЫЕ РЕШЕНИЯ

Перевод с английского

Под редакцией
доктора исторических наук
полковника П. А. ЖИЛИНА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1958

АННОТАЦИЯ

«Роковые решения» — книга о поражении фашистской Германии во второй мировой войне. Она написана группой генералов гитлеровского вермахта по заданию министерства обороны США.

Авторы книги — участники описываемых ими событий — рассказывают о подготовке вооруженных сил нацистской Германии к войне, о провале стратегических и оперативных планов немецкого командования, о поражениях немецко-фашистских войск в крупных операциях на различных театрах военных действий, а также о той атмосфере интриг и личной вражды, которая царила в высших штабах гитлеровской армии в наиболее критические периоды войны.

Особого внимания советского читателя заслуживают главы, посвященные разгрому немецко-фашистских войск под Москвой и Сталинградом.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Книга «Роковые решения», появившаяся в США в конце 1956 г., значительно отличается от других изданий, посвященных второй мировой войне. Она написана группой генералов немецко-фашистской армии по заданию министерства обороны США. О цели ее издания откровенно говорит в своем предисловии главный историк Европейского театра военных действий С. Л. А. Маршалл: «Книга «Роковые решения» выросла из специальных исследований, предпринятых немцами в 1946—1948 гг. по инициативе руководимого мной отдела. Мы, американцы, должны извлечь пользу из неудачного опыта других» (стр. 26).

Кто же эти генералы и какой опыт передают они своим покровителям?

Из семи авторов шесть — представители германского генерального штаба, в прошлом видные деятели гитлеровского вермахта, занимавшие во время второй мировой войны высокие штабные посты. Среди них начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Курт Цейтцлер, начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант Зигфрид Вестфаль, начальник штаба военно-воздушных сил генерал авиации Вернер Крейпе, начальник штаба 4-й армии генерал Гюнтер Блюментрит, начальник штаба Африканского корпуса генерал-лейтенант Фриц Байерлейн и начальник оперативного отдела штаба Западного фронта генерал-лейтенант Бодо Циммерман. И лишь генерал Хассо фон Мантейфель не принадлежал к штабным генералам. Мантейфель выступает

как «герой» Арденнского сражения, в котором он — тогда командующий 5-й танковой армией — сыграл весьма заметную роль.

Таким образом, вслед за Манштейном, Кессельрингом, Гудерианом и Типпельскирхом — бывшими командующими армиями и группами армий — слово предоставлено начальникам штабов. Но если в «Утраченных победах» Манштейна, «Мыслях о второй мировой войне» Кессельринга, «Воспоминаниях солдата» Гудериана и «Истории второй мировой войны» Типпельскирха больше говорится о победах немцев во второй мировой войне и меньше — о неудачах, то в «Роковых решениях» авторы повествуют только о черных днях немецко-фашистской армии.

«Роковые решения» — это книга о тяжелых поражениях гитлеровских войск во второй мировой войне, исповедь тех, кто близко стоял к принимавшим роковые решения и, безусловно, способствовал проведению их в жизнь.

Книга состоит из шести самостоятельных статей: 1) Битва за Англию, 2) Московская битва, 3) Эль-Аламейн, 4) Сталинградская битва, 5) Франция, 1944 год и 6) Арденны. Статьям предшествует краткое предисловие американского военного историка С. Л. А. Маршалла. Комментарии генерала Вестфаля, сопровождающие каждую статью, по замыслу издателей, призваны придать книге характер последовательного повествования о важнейших военных событиях второй мировой войны.

Свой рассказ немецкие генералы ведут в форме воспоминаний участников описываемых ими военных событий. Увлечение гитлеровских генералов воспоминаниями о минувшей войне объясняется отнюдь не тем, что эти воспоминания приятны им. Конечно, нет. Им не очень приятно писать о том, как и почему они проиграли отдельные сражения, операции и войну в целом. Два обстоятельства, однако, вынуждают немецких генералов вспоминать события многолетней давности. Во-первых, немецко-фашистская армия не только проиграла войну, но и потеряла национальную память — архивы, оказавшиеся в руках победителей. Во-вторых — и это, пожалуй, главное, — бывший гитлеровский генералитет старается выслужиться перед зачинщиками новой агрессии — империалистическими заправилами Североатлантического блока, и поэтому ему приходится оправдываться за поражения в минувшей войне. Манштейну, Типпельскирху, Цейтцлеру и

иже с ними нужно сейчас выискивать, а то и просто сочинять благовидные причины катастрофы, постигшей фашистскую Германию во второй мировой войне, на кого-то перекладывать вину за гибель многих миллионов людей и неисчислимые разрушения. Мемуары для этого — весьма подходящая литературная форма.

«Роковые решения» — это повесть о провале фашистской агрессии, рассказанная ее активными участниками, которые пытаются предостеречь западногерманских реваншистов и новых претендентов на мировое господство от повторения просчетов гитлеровского верховного командования.

Советский читатель найдет в книге довольно много сведений (прежде известных недостаточно широко) о разработке германским генеральным штабом стратегических планов войны, о подготовке вооруженных сил фашистской Германии к войне против Советского Союза, о разногласиях в верховном командовании на различных этапах войны и т. д. Авторы несколько приподнимают завесу и над тем, что происходило в ставке Гитлера, дают характеристики некоторым видным военным деятелям немецко-фашистской армии, сообщают любопытные факты из повседневной работы высших штабов. Все это небезынтересно знать советскому читателю. Но в воспоминаниях немецких генералов есть не только правда, но и неприкрытая ложь. Вдумчивый читатель без особого труда разберется в этом. Он увидит классовое лицо авторов и поймет глубоко тенденциозный характер освещения ими важнейших событий войны.

Первая статья — «Битва за Англию» — написана генералом авиации Вернером Крейпе. После падения Франции в июне 1940 г. Крейпе был назначен начальником оперативного отдела 3-го воздушного флота, того самого флота, на который была возложена бомбардировка Англии. Поэтому ему хорошо известны основные этапы битвы за Англию.

Небольшой обзор, сделанный генералом Крейпе, еще раз убеждает нас, что серьезной подготовки немецко-фашистских войск к вторжению в Англию не велось. Германское верховное командование, как видно, не намеревалось двинуть свои вооруженные силы через Ла-Манш.

Операция «Морской лев» (операция по вторжению на Британские острова), о которой много говорилось в выс-

ших и низших штабах, как о грандиозном военном мероприятии Гитлера, по сути дела была задумана как большой дезинформационный маневр. Кроме немецких военно-воздушных сил, ни флот, ни сухопутные войска участия в битве за Англию почти не принимали. Да и сама битва в сущности не состоялась. Все дело ограничилось ударами немецкой авиации (правда, иногда весьма чувствительными) по английским портовым городам, караванам торговых судов, промышленным центрам, военным базам и аэродромам.

Вернер Крейпе достаточно подробно сообщает о характере и результатах воздушных налетов на всех трех этапах битвы за Англию. По подсчетам Крейпе, в воздушных операциях участвовало около 1500 истребителей и 1350 бомбардировщиков. Это внушительная воздушная армада. Правда, Крейпе преувеличивает количество самолетов, имевшихся во 2-м и 3-м воздушных флотах. По данным Гальдера, их было значительно меньше. К октябрю 1940 г. против Англии действовало около 600 истребителей и 800 бомбардировщиков.

В воспоминаниях Крейпе следует обратить внимание на один весьма примечательный факт. Как видно из статьи, большинство армейских, флотских и авиационных офицеров были убеждены в том, что они готовятся к вторжению в Англию и что, как только выпадет несколько погожих дней, операция начнется. Неоднократно назначались дни начала вторжения, но каждый раз сроки изменялись, а день высадки десанта переносился якобы из-за плохой погоды. Рейхсмаршал Геринг все время требовал усилить налеты на жизненные центры Великобритании. В феврале 1941 г. он примчался с большой свитой в Париж и устроил скандал Кессельрингу и Шперрле за слабую эффективность воздушных операций против Англии, что будто бы задерживало операцию «Морской лев».

В таком заблуждении армейские офицеры пребывали долгое время. «Только в марте 1941 г., — пишет Крейпе,— некоторые высшие офицеры узнали о возможности столкновения между Германией и Россией, что должно было означать окончательный отказ от битвы за Англию» (стр. 54).

В действительности же от операции «Морской лев» в имперской канцелярии отказались давно. После окку-

пации Франции иные мысли одолевали Гитлера, другими делами занимались его военные советники Кейтель, Иодль, Браухич и Гальдер. Их взоры были обращены на Восток.

Массированные воздушные налеты на Англию, особенно на Лондон (Крейпе указывает, что на Лондон было совершено 65 налетов, в которых иногда участвовало до 800 самолетов), предпринимались с целью политического нажима на Англию, чтобы заставить английское правительство отказаться от войны с Германией. Кроме того, они служили маскировкой для подготовки к войне против Советского Союза.

Как показывают документы, летом и осенью 1940 г. германский генеральный штаб был занят не подготовкой операции «Морской лев», а разработкой плана войны против СССР. Уже в июле 1940 г. он начал тщательно изучать Восточный театр военных действий, обобщая сведения о группировке и вооружении советских войск, о состоянии западных границ Советского Союза. 31 июля 1940 г. начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер сделал в своем дневнике следующий предварительный вывод: «Если Россия будет разбита, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. На основании этого рассуждения Россия должна быть ликвидирована. Срок— весна 1941 г. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция только тогда будет иметь смысл, если мы одним стремительным ударом разгромим это государство».

Центральная задача, решить которую гитлеровские стратеги готовились стремительным ударом, состояла в том, чтобы разгромить Советский Союз, прежде чем Англия увеличит свои вооруженные силы. На основе этой стратегической концепции летом и осенью 1940 г. в широких масштабах развертывается подготовка немецко-фашистской армии к войне против Советского Союза: резко увеличивается количество пехотных и танковых дивизий, возрастает производство военной техники и боеприпасов, спешно готовятся офицерские кадры, создаются людские и материальные резервы.

Возможно, все это не было известно генералу Крейпе, как не было ему известно и то, что в первых числах октября 1940 г. верховное командование приняло решение отказаться от операции «Морской лев», а 13 октября на-

чальник оперативного отдела генерального штаба генерал Хойзингер уже представил Гальдеру план свертывания этой операции. И если для Крейпе и других офицеров операция «Морской лев» еще существовала как нечто реальное, то верховному командованию она служила лишь прикрытием для подготовки «Drang nach Osten». Отсюда заблуждения Крейпе и его ошибочная оценка битвы за Англию как поворотного пункта в истории второй мировой войны.

С большой статьей «Московская битва» выступает в книге генерал Гюнтер Блюментрит. Содержание этой статьи выходит за рамки ее названия. Большое место занимает в ней предыстория вторжения немецких войск в Советский Союз и описание военных событий на центральном — московском — направлении в летние месяцы 1941 г. Эти страницы представляют несомненный интерес. Они написаны с использованием записей личного дневника Блюментрита и содержат заслуживающие внимания данные.

Блюментрит находился в кругу штабных генералов и офицеров, в том числе и среди тех, кто был близок к имперской канцелярии. Поэтому он знает то, что было известно немногим. До войны Блюментрит продолжительное время работал в генеральном штабе, а с осени 1940 г. был начальником штаба 4-й армии. Эту должность он занимал до января 1942 г., когда был назначен начальником оперативного управления генерального штаба сухопутных сил.

В своей статье Блюментрит не ограничивается воспоминаниями. Он дает оценку событиям и делает политические и стратегические обобщения. Его основной вывод изложен в самом начале статьи. Он сформулирован так: «Первые роковые решения были приняты немецким командованием в России. С политической точки зрения самым главным роковым решением было решение напасть на эту страну» (стр. 64).

Слов нет, верный вывод. Но с Блюментритом нельзя согласиться, когда он всю вину возлагает на одного Гитлера, выгораживая и оправдывая германский генеральный штаб, высший генералитет и прежде всего Рундштедта, Браухича и Гальдера, которые якобы отговаривали Гитлера от войны с Россией.

В западногерманской литературе по истории второй мировой войны это довольно распространенный прием: всю вину за поражения немецко-фашистской армии переложить на Гитлера, а все успехи приписать генералитету и генеральному штабу. Блюментрит здесь придерживается совета немецкого историка Ф. Эрнста: «Почтительное преклонение и любовь к отечеству повелевают нам не разрушать престиж некоторых имен, с которыми мы привыкли связывать победы нашей армии» [1].

Истинная цель этого незамысловатого приема ясна. Реабилитация генералитета немецко-фашистской армии нужна сейчас как для бундесвера, офицерский корпус которого формируется целиком из бывших гитлеровских генералов и офицеров, так и для Североатлантического блока в целом. Она необходима реваншистам для того, чтобы сохранить военные кадры фашистской Германии и использовать их в будущей войне.

Но Блюментрит упускает одно весьма существенное обстоятельство: ему никто не поверит, будто немецкий генеральный штаб не причастен к авантюрной идее войны против СССР. Генеральный штаб имел прямое отношение к разработке планов войны с Советским Союзом и к их осуществлению.

Блюментрит утверждает, что Гальдер отговаривал Гитлера от войны с Россией. Однако достаточно ознакомиться с высказываниями Гальдера, чтобы убедиться в противоположном. Именно Гальдер был одним из инициаторов подготовки войны против СССР. Он выдвинул эту идею сразу же после оккупации Франции. В его дневнике мы находим такую запись от 22 июля 1940 г.: «Русская проблема должна быть разрешена наступлением. Следует продумать план предстоящей операции». В последующих записях Гальдера эта идея развивается настойчивее и увереннее с неоднократно повторяющимся выводом: «Следует как можно быстрее разгромить Россию». А когда все расчеты плана были уже готовы и проверены на штабных играх, Гальдер внес в дневник следующую запись: «Начать полным ходом подготовку в соответствии с основами предложенного нами плана. Ориентировочный срок начала операции — конец мая».

---

[1] «Die Welt als Geschichte». 1957, № 1,S. 55.

Таковы факты. Несостоятельность утверждений Блюментрита очевидна. Немецкий генеральный штаб безусловно причастен к принятию роковых решений, о которых идет речь в этой книге. Он несет полную ответственность за подготовку и развязывание войны, за те тяжелые последствия, которые она принесла.

Блюментрит сообщает о существовании нескольких стратегических планов войны с Советским Союзом. Гитлер считал, что в первую очередь нужно достичь экономических целей: захватить Украину, Донецкий бассейн, Северный Кавказ и таким образом получить хлеб, уголь и нефть. Браухич и Гальдер на первый план выдвигали уничтожение Советских Вооруженных Сил, рассчитывая, что после этого будет уже нетрудно осуществить политические и экономические цели.

Рундштедт, командовавший группой армий «Юг», был уверен, что выиграть войну одной кампанией в несколько месяцев невозможно. Война может затянуться надолго, говорил он, и поэтому в 1941 г. все усилия следует сосредоточить на одном — северном — направлении, овладеть Ленинградом и его районом. Войска же групп армий «Юг» и «Центр» должны выйти на линию Одесса — Киев — Орша — озеро Ильмень. Командующий 4-й армией фельдмаршал Клюге придерживался иного мнения. Он считал, что центром приложения всех сил должна явиться Москва, «голова и сердце советской системы», так как только с ее падением достигаются основные политические и стратегические цели войны. Наконец, сам Блюментрит видел решение задачи в одновременном овладении Москвой и Ленинградом — этими двумя крупнейшими политическими и экономическими центрами страны.

Существование различных взглядов, о которых сообщает Блюментрит, — свидетельство серьезных разногласий среди высшего генералитета немецко-фашистской армии по кардинальным вопросам ведения войны против Советского Союза. Хотя генеральный штаб, как отмечает автор, самым тщательным образом подготовился к войне и «все, что можно было сделать перед началом кампании, было сделано» (стр. 71), однако первые же трудности привели к новым столкновениям между верховным командованием вооруженных сил (Гитлер, Кейтель, Иодль) и

командованием сухопутных сил (Браухич, Гальдер, позже Цейтцлер). Непредвиденный ход войны заставил Гитлера и его стратегов вносить серьезные изменения в первоначальные планы и расчеты.

Блюментрит не умалчивает и о разногласиях, возникших в конце июля — начале августа 1941 г. по вопросу о дальнейших действиях на советско-германском фронте (см. стр. 87—89). Но верного истолкования причин этих разногласий он не дает. Блюментрит не объясняет, почему после овладения Смоленском гитлеровское командование вынуждено было решать проблему: куда наступать дальше? На Москву? Или повернуть значительную часть сил с московского направления на юг и добиваться решающих успехов в районе Киева?

Возросшее перед Москвой сопротивление советских войск склоняло Гитлера ко второму пути, который позволял, по его мнению, не приостанавливая наступления на других направлениях, быстро захватить Донецкий бассейн и богатые сельскохозяйственные районы Украины.

Эта идея нашла отражение в последовавших одна за другой директивах верховного командования. Уже 23 июля 1941 г. Кейтель отдал Браухичу распоряжение: «Сосредоточить усилия 1-й и 2-й танковых групп для овладения промышленным районом Харькова, а затем наступать через Дон на Кавказ. Основные силы пехоты в первую очередь должны занять Украину, Крым и центральные районы России до Дона» [1].

Если Кейтель еще ставил перед центральной группировкой немецких войск наступательные задачи и говорил о захвате Москвы, то директива Гитлера № 34 от 30 июля 1941 г. предлагала более радикальное решение. «Изменившаяся за последнее время обстановка, — говорится в директиве, — появление перед фронтом и на флангах группы армий «Центр» крупных сил противника, положение со снабжением и необходимость предоставить 2-й и 3-й танковым группам десять дней для отдыха и укомплектования заставили отказаться от задач и целей, указанных в директиве № 33 от 19.7 и в дополнении к ней от 23.7. Исходя из этого, я приказываю... группе армий «Центр», используя удобную местность, перейти к обороне.

---

[1] Дополнение к директиве № 33 от 23.7.1941 г.

В наступлении могут быть поставлены ограниченные цели»[1].

Браухич и Гальдер, естественно, были недовольны таким решением. Они попытались возражать Гитлеру и в специальном докладе доказывали ему, что необходимо сосредоточить основные усилия на центральном направлении и добиваться быстрейшего овладения Москвой. Ответ Гитлера последовал незамедлительно. «Соображения командования сухопутных сил относительно дальнейшего хода операций на востоке от 18 августа не согласуются с моими решениями. Я приказываю следующее: главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Дону и лишение русских возможности получать нефть с Кавказа; на севере — окружение Ленинграда и соединение с финнами»[2].

Гитлер разъяснял Браухичу, что взятие Крыма имеет колоссальное значение для обеспечения поставок нефти из Румынии, что только после достижения этой цели, а также окружения Ленинграда и соединения с финскими войсками освободятся достаточные силы и создадутся предпосылки для нового наступления на Москву.

Блюментрит пытается объяснить длительную паузу в наступлении гитлеровских войск на московском направлении затянувшимися спорами в немецком верховном командовании. Он усматривает в этом чуть ли не единственную причину остановки, а затем и провала немецкого наступления на Москву, умалчивая о том, что после Смоленска наступление немцев приостановилось не по их доброй воле, не из-за споров о высшей стратегии, а в результате все более возраставшего сопротивления советских войск.

В конце концов Гитлер, не добившись ни на южном, ни на северном крыле советско-германского фронта поставленных перед войсками целей, вынужден был вновь организовать наступление на Москву, которое и началось 30 сентября в полосе Брянского фронта, а 2 октября 1941 г. — против Западного и Резервного фронтов.

---

[1] Распоряжение верховного главнокомандующего вооруженными силами главнокомандующему сухопутными силами от 21.8.1941 г.

[2] Там же.

В статье Блюментрита читатель не найдет подробного и последовательного изложения боевых действий, происходивших осенью 1941 г. и зимой 1941/42 г. под Москвой. Воспоминания Блюментрита связаны главным образом с действиями 4-й армии, где он был начальником штаба. В них содержится и то, что представляет для нашего читателя интерес, обогащая его конкретными историческими фактами, и то, что должно быть отвергнуто, как вымышленное автором. Видимо, память сильно изменяет Блюментриту, когда он пишет о сплошной липкой грязи, о 30- и даже 42-градусных морозах под Москвой, о непроходимых снежных сугробах. Слов нет, осенью у нас кое-где бывает грязно, а зимой случаются иногда сильные морозы. Правда, все это не в такой степени, как пишет Блюментрит. Нужно быть слишком наивным человеком, мало компетентным в военном отношении, или заведомо враждебно настроенным к Советскому Союзу, чтобы всерьез выдвигать эти причины в качестве факторов, определивших поражение немецко-фашистских войск под Москвой.

Не грязь и не мороз спасли Москву, как это хочет внушить Блюментрит доверчивому американскому читателю. Первая крупная победа Советской Армии под Москвой была достигнута в результате героических усилий советских людей, беззаветно боровшихся с агрессором. Коммунистическая партия воодушевляла и организовывала народ и армию на защиту Родины. В битве под Москвой советское командование проявило уменье добиваться победы в условиях неблагоприятной стратегической обстановки, а советские войска показали свои высокие боевые и моральные качества.

И, разумеется, никак уж не вяжутся климатические и географические «теории» Блюментрита с его в целом правильным заключением о том, что «Московская битва нанесла первый сильнейший удар по Германии как в политическом, так и военном отношениях» (стр. 108).

Следующая статья книги знакомит читателя с событиями, развернувшимися осенью 1942 г. на другом театре военных действий — в Ливии и Египте. Автор статьи генерал Байерлейн долгое время служил в штабе танковой группы Гудериана, а летом 1942 г. стал начальником штаба у фельдмаршала Роммеля. Он был свидетелем и побед немецко-итальянских войск под Тобруком и их поражения под Эль-Аламейном.

Рисуя сложность положения немецко-итальянских войск, остановленных перед эль-аламейнскими укреплениями, — недостаток сил, растянутость коммуникаций и их уязвимость, трудности со снабжением, — Байерлейн в то же время утверждает, что наступление армии Роммеля к дельте Нила и Суэцкому каналу преследовало далеко идущие цели. Они якобы состояли в осуществлении огромного двухстороннего охвата, при котором одна немецкая армия должна была двигаться с Украины через Кавказ на юг, а другая — из Египта через Суэцкий канал на север. По замыслу гитлеровских стратегов, это должно было привести к захвату нефтяных районов Среднего Востока и разгрому всего южного крыла Советских Вооруженных Сил.

Стоит лишь трезво оценить обстановку, силы, средства и возможности немецко-фашистской армии на советско-германском и североафриканском фронтах, чтобы увидеть всю беспочвенность и иллюзорность подобных планов. В армии, находившейся под командованием Роммеля, было всего лишь 12 дивизий. На Кавказе безнадежно застряли 17-я полевая и 1-я танковая армии, а над 6-й армией, уткнувшейся в Сталинград, нависла угроза разгрома. О каком грандиозном двухстороннем охвате можно было мечтать при столь кризисном положении, в котором оказалась немецкая армия?

Наступившая вскоре развязка под Эль-Аламейном, а затем в неизмеримо больших размерах и под Сталинградом положила конец этим мечтаниям. Оба сражения происходили почти одновременно, и оба закончились тяжелым поражением немецких войск. Исходя только из этих внешних сопоставлений, некоторые необъективные военные писатели Запада (к ним надо причислить в первую очередь Черчилля, Лиддел Гарта и Манштейна) ставят эти события на одну доску и считают, что Эль-Аламейн и Сталинград в одинаковой мере стали поворотными пунктами второй мировой войны.

Такой точки зрения придерживается и генерал Вестфаль. Типпельскирх пошел еще дальше, утверждая, что победу под Сталинградом определили будто бы успехи английских войск в Северной Африке[1].

---

[1] К. Типпельскирх. История второй мировой войны. Изд-во иностранной литературы, М., 1956, стр. 256.

Зак. 909

Необъективность приведенных нами оценок очевидна. Аргументация всех этих авторов опровергается при первом же ознакомлении с общим ходом и результатами сражений под Сталинградом и Эль-Аламейном. Размах и результаты наступления советских войск под Сталинградом не идут ни в какое сравнение с операцией, проведенной 8-й английской армией в Африке.

Победа англичан под Эль-Аламейном, где им противостояло всего 12 немецко-итальянских дивизий (по данным Байерлейна), имела местный характер и не вышла за рамки данного театра военных действий. Под Сталинградом же Советская Армия нанесла немецко-фашистским войскам сокрушительное поражение Только в ходе контрнаступления с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. было разгромлено пять армий противника. 32 дивизии и 3 бригады были полностью уничтожены, 16 других вражеских дивизий понесли тяжелые потери. Историческая победа Советской Армии под Сталинградом имела огромное военно-политическое значение не только для последующего хода Великой Отечественной войны, но и для всей второй мировой войны в целом. Выиграв эту битву, Советская Армия добилась решительного поворота в ходе второй мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции.

Генерал-полковник Цейтцлер, выступающий в книге с воспоминаниями о поражении немецких войск в Сталинградской битве, подытоживая длительный спор генерального штаба с Гитлером, заявляет: «В ноябре я говорил Гитлеру, что потерять под Сталинградом четверть миллиона солдат — значит подорвать основу всего Восточного фронта. Ход событий показал, что я был прав. Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны» (стр. 209).

Воспоминания Цейтцлера, принадлежавшего к высшему кругу военных руководителей фашистской Германии, значительно отличаются от других статей сборника. Цейтцлер знакомит читателя с напряженными взаимоотношениями, сложившимися к тому времени между генеральным штабом сухопутных сил и главным командованием вооруженных сил, или, вернее, между Цейтцлером, с одной стороны, и Гитлером, Кейтелем, Иодлем — с другой. Цели, которые немецкое верховное командование ставило перед войсками, не достигались, а его замыслы про-

валивались. И хотя из-за этого были смещены Браухич, Бок, Лист и Гальдер, положение не улучшалось.

Цейтцлер был назначен начальником генерального штаба сухопутных сил именно в тот кризисный период осени 1942 г., когда в плане летней кампании немецко-фашистского командования обнаружились первые серьезные трещины. Как теперь стало известно, Гитлер еще в начале апреля 1942 г. поставил перед войсками задачу: овладеть богатыми сельскохозяйственными районами Дона и Кубани и захватить нефтяные месторождения Кавказа. Этим он надеялся парализовать экономику Советского Союза и в то же время увеличить материальные ресурсы своей армии.

Столь обширные цели были не по силам немецко-фашистской армии, уже перенесшей серьезное потрясение под Москвой. Кое-кто из генералов, трезво оценивавших положение, понимал нереальность этого плана. Видимо, понимал это и Цейтцлер. Пять требований, которые он выдвинул в своем докладе Гитлеру, были направлены на то, чтобы несколько улучшить условия войскам групп армий «А» и «Б», проводившим наступательную операцию на широком фронте.

Цейтцлер пишет о том, как настойчиво и долго боролся генеральный штаб за принятие выдвинутых им предложений. Однако Гитлер был непреклонен. Это и явилось причиной серьезных разногласий между Гальдером и Гитлером, который после снятия Браухича стал одновременно верховным главнокомандующим и главнокомандующим сухопутными силами.

Из статьи Цейтцлера читатель, пожалуй, впервые с такими подробностями узнает о том, что происходило в гитлеровской ставке, когда она находилась в Виннице, а затем в Растенбурге — в «Логовище волка», куда переместился Гитлер со своим штабом в ноябре 1942 г. Цейтцлер рассказывает, как в немецком генеральном штабе оценивались силы и возможности советских войск и планы Советского Верховного Командования, какие варианты рождались в ставке Гитлера для спасения 6-й армии, окруженной под Сталинградом.

Главная мысль, которая красной нитью проходит через всю статью Цейтцлера, выражена вполне отчетливо: в трагедии у берегов Волги виновен только Гитлер. Если бы он прислушался к своему начальнику штаба и согла-

сился с его предложениями, то 300-тысячная армия Паулюса была бы спасена, а летняя кампания 1942 г. успешно завершена. Таков общий ход рассуждений Цейтцлера.

Подобная трактовка причин поражения немецко-фашистских войск под Сталинградом и в целом на советско-германском фронте не нова. Она неоднократно высказывалась Гальдером, Гудерианом, Манштейном и другими бывшими гитлеровскими генералами. Цейтцлер лишь подчеркивает свою роль человека, который якобы сделал все, чтобы спасти армию от разгрома. По его убеждению, немецкие армии Восточного фронта попали в кризисное положение не по своей вине. Цейтцлер полагает, что, если бы войсками управляли правильно, положение коренным образом изменилось бы. При этом он, конечно, забывает упомянуть о советском народе и его армии, о тех факторах, которые в действительности определили судьбу немецко-фашистской армии под Сталинградом.

В последних двух статьях, помещенных в книге, изложен ход событий на Западном театре военных действий. Статья «Франция, 1944 год» написана генерал-лейтенантом Бодо Циммерманом — начальником оперативного отдела штаба Западного фронта. Главнокомандующие войсками Западного фронта менялись один за другим: Витцлебен, Рундштедт, Клюге, Модель и вновь Рундштедт. Менялись и начальники штабов: Шпейдель, Блюментрит, Вестфаль. Только Циммерман неизменно оставался на своем посту. Видимо, поэтому он и оказался наиболее информированным человеком и сумел более или менее обстоятельно рассказать о военных событиях на Западе летом 1944 г.

Циммерман знает и помнит многое. Он детально рассказывает о характере обороны, проходившей вдоль всего побережья от Голландии до Пиренейского полуострова, о том, что представлял собой «Атлантический вал» и каковы были силы немецких войск перед вторжением англо-американцев в Северную Францию. Особенно памятен Циммерману день 6 июня 1944 г., когда на берег Нормандии начали высаживаться американские и английские войска.

Сохранились в памяти у Циммермана и наиболее тяжелые моменты боевых действий на Западном фронте: бои в Фалезском мешке, сдача Парижа и отход на западные позиции. Обо всем этом он подробно говорит в

своей статье. Советские читатели, особенно офицеры, изучающие историю второй мировой войны, найдут в ней много интересного.

В статье приводится достаточно данных, свидетельствующих о том, что войска Западного фронта являлись своего рода крупным стратегическим резервом для советско-германского фронта. Тяжелые потери фашистской Германии в войне с Советским Союзом заставляли гитлеровское верховное командование снимать с Западного фронта наиболее боеспособные дивизии и перебрасывать их на советско-германский фронт. Разбитые же Советской Армией немецкие дивизии в свою очередь перебрасывались с Востока на Запад, где они получали новое пополнение, вооружались и обмундировывались, чтобы затем вновь отправиться на советско-германский фронт. Циммерман пишет: «Можно сказать без преувеличения, что Восточный фронт настойчиво выкачивал из немецких армий, находившихся на Западе, всю боеспособную живую силу и боевую технику» (стр. 219). Это признание генерала бывшей немецко-фашистской армии, занимавшего видный пост в штабе Западного фронта, весьма важно для понимания роли и значения советско-германского фронта во второй мировой войне.

Циммерман отчетливо проводит и еще одну заслуживающую внимания мысль. Он считает, что незавершенность оборонительных укреплений на побережье Северной Франции, ненадежность так называемого «Западного вала», отсутствие у немецкого командования достаточных сил и средств на Западе —все это создавало англо-американским войскам благоприятные условия для успешного наступления в глубь Германии. Командование Западного фронта (Рундштедт, Вестфаль) было крайне удивлено той нерешительностью, которую проявили англо-американские войска после успешного вторжения в Нормандию. Немецкое командование было уверено, что англо-американцы могут прорвать «Западный вал» в любом месте. «И вдруг, — пишет Циммерман, — к нашему величайшему удивлению, союзники остановились перед «Западным валом» (стр. 251).

Прекращение наступления и переход английской 21-й группы армий под командованием Монтгомери к обороне были вызваны, как видно, отнюдь не упорным

сопротивлением группы армий «Б» под командованием Роммеля. Действия англо-американцев были продиктованы иными соображениями, соображениями большого стратегического плана. Союзное командование не стремилось особенно активизировать боевые действия в Северной Франции, опасаясь, как бы это не привело к переброске немецких дивизий на Западный фронт с других фронтов, в первую очередь с советско-германского. И если переход англо-американских войск к обороне, по словам Циммермана, вначале был непонятен гитлеровскому командованию, то вскоре стабилизация фронта на Западе окрылила Гитлера идеей организации нового решающего наступления.

О далеко идущих планах задуманного Гитлером наступления рассказывает генерал Мантейфель в статье «Арденны». Мантейфель был близок к Гитлеру и не один раз с глазу на глаз беседовал с фюрером в имперской канцелярии в Берлине и в «Орлином гнезде» близ Цигенберга. Один такой разговор Гитлера с Мантейфелем состоялся 2 декабря 1944 г.

Как пишет Мантейфель, цель наступления в Арденнах летом 1944 г. заключалась в том, чтобы повернуть ход событий в обратную сторону. Гитлер считал, что в результате удачного исхода операции «планы союзников будут расстроены на длительный срок, и противнику придется произвести принципиальный пересмотр своей политики», а германскому верховному командованию удастся «перебросить войска с Запада на наиболее опасный — центральный — участок Восточного фронта» (стр. 265).

Мантейфель подробно описывает, как готовилась, проводилась и с каким треском провалилась эта операция. Причем, надо отдать ему должное, он в основном верно определяет причины поражения немецких войск в Арденнах, выделяя в качестве решающего фактора большое наступление советских войск в Польше, начавшееся 12 января 1945 г. Именно эти события и ускорили кризис немецко-фашистских войск на Западе. Переброска на Восточный фронт 6-й танковой армии СС, большого количества артиллерии и переправочных средств лишь ослабила немецко-фашистские войска на Западном фронте, но не дала никаких результатов на Восточном. Мощное январское наступление войск двух советских фронтов в

Польше развивалось в невиданных еще темпах. И прав Мантейфель, делая вывод, что «стремительное продвижение Красной Армии свело на нет последствия передышки, достигнутой Арденнским наступлением, и сделало неизбежным быстрое окончание войны» (стр. 303).

В «Роковых решениях» далеко не исчерпан список крупнейших поражений фашистской Германии во второй мировой войне. Нет здесь описания провалившейся операции «Цитадель» (то есть битвы на Курской дуге), которая так тщательно готовилась немецким командованием в 1943 г., нет рассказа о целой серии поражений на советско-германском фронте в 1944 г., об изгнании немецких войск из Центральной и Юго-Восточной Европы и катастрофическом финале войны.

На этом можно было бы и закончить краткое рассмотрение содержания книги, предлагаемой нашему читателю, но нельзя обойти молчанием комментарии генерала Вестфаля. В научном и познавательном отношении они не представляют особого интереса. Их функция, как об этом не трудно догадаться, иная: они служат своего рода идеологической приправой к тому, что сказано в основных статьях книги.

Комментарии Вестфаля не столько объясняют и дополняют содержание книги, сколько нарочито тенденциозно извращают важнейшие события второй мировой войны. Слишком очевидно необъективное и даже враждебное отношение автора к Советскому Союзу и его желание во что бы то ни стало извратить роль СССР во второй мировой войне. Вероломное нападение фашистской Германии на СССР он преподносит в качестве превентивной войны, имевшей целью якобы защитить Германию от «красной опасности». Эти фальсификаторские пропагандистские приемы реакционной историографии, вызываемые враждебным отношением к Советскому Союзу, давно разоблачены в нашей исторической литературе.

В том же русле фальсификации истории находятся и попытки Вестфаля ввести американского читателя в заблуждение относительно поставок Советскому Союзу по ленд-лизу. Знакомясь с приводимыми Вестфалем данными об американских поставках, доверчивый американский читатель может всерьез поверить, что эти поставки

«полились бурным потоком» и что «без такой огромной американской поддержки русские войска вряд ли были бы в состоянии перейти в наступление в 1943 г.» (стр. 114).

Никакого «бурного потока» американских поставок в СССР в действительности не было. Кроме того, Советский Союз часто получал не то, в чем он нуждался, и не тогда, когда эта помощь была крайне необходима. Опубликованная Министерством иностранных дел СССР «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» вносит ясность в этот вопрос. Помещенные здесь документы показывают, что поставки для СССР были каплей в море по сравнению с тем, что давали фронту советская промышленность и сельское хозяйство. Они не превышали и четырех процентов той продукции, которую поставило фронту народное хозяйство СССР. Известно ведь, что в течение последних трех лет войны наша страна производила ежегодно более 30 тысяч танков и бронемашин, до 40 тысяч самолетов, до 120 тысяч орудий всех калибров. Генералу Вестфалю понадобилось вспомнить об американском ленд-лизе для того, чтобы как-то очернить и принизить решающую роль Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии.

Что же касается открытия второго фронта в Европе в 1944 г., роль которого З. Вестфаль и Б. Циммерман чрезмерно преувеличивают, то американские и английские войска высадились во Франции лишь после того, как оба союзных правительства убедились, что Советский Союз и без помощи США и Англии сможет разгромить немецко-фашистские полчища. Открывая второй фронт, союзники стремились упредить Советский Союз в Европе, не дать ему занять всю территорию Германии и освободить Францию.

Великому немецкому революционеру Эрнсту Тельману принадлежат замечательные слова: «Правда не поддается фальсификации на длительное время, так как нет ничего непреложнее фактов». А факты неопровержимо свидетельствуют о том, что не американский ленд-лиз, не сильные морозы и снежные сугробы и даже не роковые решения Гитлера сокрушили «Третий рейх». Они лишь в той

или иной мере способствовали ускорению этого неотвратимого процесса. Судьбу гитлеровской Германии, ее падение и крах предопределили руководимые Коммунистической партией народы Советского Союза, его славные Вооруженные Силы.

Доктор исторических наук
полковник П. А. ЖИЛИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляя американским читателям семерых немецких генералов в качестве авторов новой книги, посвященной анализу стратегии и большой тактики, в основе которой лежало стремление Гитлера к мировому господству, я думаю, нет необходимости говорить о том, кто они такие и почему они имеют право излагать свою точку зрения по таким весьма спорным вопросам.

Их имена и авторитет, которым они пользуются спустя 11 лет после поражения Германии, являются лучшим свидетельством их компетентности в этих вопросах, поэтому остается только упомянуть об исключительной ценности их работ для истории.

До сих пор еще не выходило книги по военным вопросам, подобной сборнику «Роковые решения». Это коллективное исследование полководческого искусства, это попытка выяснить истину путем сравнения разноречивых мнений тех, кто принимал решения и кто нес на своих плечах всю тяжесть их выполнения. Если бы эта книга была просто очередным томом военных мемуаров, она показалась бы нескромным оправданием поражения в войне. Но в данном случае мы имеем дело с книгой, в которой дан тщательный анализ причин поражения самой дерзкой агрессии новейших времен.

По сравнению со своими американскими современниками немецкие генералы изучают историю несравненно прилежнее. Семь боевых генералов, написавших эту книгу, знают историю второй мировой войны гораздо лучше

остальных немцев. Правда, представители американской армии способствовали написанию этой книги в значительно большей степени, чем они сами себе представляют.

Книга «Роковые решения» выросла из специальных исследований, предпринятых немцами в 1946—1948 гг. по инициативе руководимого мной отдела. Мы, американцы, должны извлечь пользу из неудачного опыта других. Первый очерк такого исследования ошибок, совершенных немецким верховным командованием, был написан генералом Бодо Циммерманом, а Рундштедт, Бутлар и Шпейдель дали критический анализ описанных им событий. С нашей стороны работу направлял капитан Дж. Скоггин. Так было налажено сотрудничество, без которого предлагаемая читателю книга вряд ли была бы создана.

После окончания войны моей главной обязанностью стала организация работы немцев по описанию операций, проводившихся ими против наших войск. В пользу организации такой работы под единым началом говорили два аргумента. Во-первых, точку зрения противника на ход боевых действий нельзя было узнать никаким другим способом, потому что немцы находились у нас в плену и в наших руках была основная масса их официальных отчетов, а во-вторых, сбор материалов с нашей стороны находился под надежным руководством моего заместителя полковника Хью М. Коула, чем обеспечивался научно обоснованный анализ боевых действий наших войск.

Для выполнения задачи имелся только один путь. Хотя никогда ранее история еще не знала таких прецедентов, нам, очевидно, необходимо было взять под свое покровительство бывших немецких военных руководителей. Правда, с юридической точки зрения они находились у нас в плену со всеми вытекающими из этого унизительными последствиями, и мы должны были сделать все возможное, чтобы вдохновить их на добровольное сотрудничество.

То, что прежде никогда не практиковалось в среде военных, неизменно встречает больше противодействия, чем поддержки. Так случилось и здесь. Когда это предложение впервые было высказано на одном из совещаний в генеральном штабе, его встретили взрывами смеха, и решение вопроса на время было отложено. Только два

генерала, занимавшие, к счастью, важные посты, — генерал-лейтенант Джон Ли и генерал-майор Гарольд Билл — оценили все достоинства нашего предложения. Без их поддержки многое было бы потеряно для истории.

И все-таки упорное сопротивление офицеров в низших штабных инстанциях чуть было не похоронило идею. Чтобы спасти ее, мы были вынуждены прибегнуть к крайним мерам. Первая группа немецких генералов, начавшая сотрудничать с нами, — генералы 47-го танкового корпуса, действовавшего в Арденнах против американского 8-го корпуса,— была буквально похищена из лагеря Обер-Урзель. Мы попросили передать их нам для однодневных переговоров, а затем тайно вывезли в нашу резиденцию во Франции — Шато Аннемон в Сен-Жермене. Мы рассчитывали, что к тому времени, когда командование узнает о случившемся, работа уже продвинется вперед, и мы будем иметь документальное подтверждение ее успешности. Так и получилось.

Это было началом новой системы изучения опыта минувшей войны, которым впоследствии занялись все высшие немецкие военачальники, попавшие в плен к западным союзникам. Когда работа развернулась, мы сочли необходимым объединить немецких генералов и их бывших подчиненных, чтобы работать с ними, как с коллективом. Так мы поступили не потому, что все генералы, описывая операции, в которых они принимали участие, превращаются в лгунов, а потому, что у людей, особенно немолодых, часто происходят странные вещи с памятью. С точки зрения историка, самое опасное в человеческой памяти то, что никогда нельзя заранее определить, в какую сторону она может отклониться. Я знаю людей, которые отличались превосходной памятью, пока командовали войсками; но стоило назначить их на штабную работу с новым кругом обязанностей, как они, казалось, утрачивали это замечательное качество. Часто бывает, что человек, отлично помнящий все, что происходило месяц назад, через несколько месяцев многое забывает, в то время как другой человек, едва помнящий, что случилось накануне, на всю жизнь сохраняет смутное воспоминание о далеком прошлом. Я видел так много удивительных фокусов с человеческой памятью под влиянием нервного напряжения в бою, что не могу полностью доверять мемуарной литературе.

Незнание боевым командиром важного факта — вещь совершенно иного порядка, так как оно вскрывает недостатки этого человека или целой системы. В ходе моей работы с немецкими генералами я обнаружил, что они, по-видимому, больше наших генералов знали о действиях мелких подразделений и в то же время хуже представляли себе действия соединений. То, как они знали свои войска, не соответствовало нашим представлениям о функциональных обязанностях командного состава.

К подобным случаям относится описание Хассо Мантейфелем сражения в Арденнах и действий 5-й танковой армии, которой он сам в то время командовал. Статья Мантейфеля помещена в конце предлагаемой читателю книги. Мантейфель справедливо считал Бастонь основным звеном в обороне американских войск. Однако его разведывательные данные были неверными, а представление о действиях находившихся под его командованием дивизий в значительной мере ошибочным. Мантейфель даже не подозревал, что он мог бы взять Бастонь без боя. Если он не сделал этого, то только потому, что один из его командиров дивизий увидел угрозу там, где ее не было, и в решающий момент отвел свои части. Пункты, подобные Новилю, который, по его словам, удерживался «крупными силами», в действительности едва прикрывались дозорами. Но хотя Мантейфель ошибался, именно так он представлял себе обстановку в ходе боя, и его ошибки помогают судить, как рождались неправильные решения.

Историку так же важно знать ложные представления военачальников, как и действительную обстановку, поскольку только тогда можно объяснить события, которые в противном случае остались бы необъяснимыми.

Военная история, очевидно, всегда в какой-то мере вводит в заблуждение, так как нередко сталкиваешься с таким парадоксальным положением, что в любых решениях командира, даже совершенно неверных, есть элементы истины, которые способствуют достижению победы. Убеждение генерала Дуайта Эйзенхауэра, что немцы стремятся захватить Льеж, поддерживалось в ходе Арденнской битвы упорной обороной 2-й пехотной дивизии на хребте Эльзенборн и неудачной попыткой противника взять Монжуа. Бастони Эйзенхауэр уделял гораздо меньше внимания. То, что на самом деле немцы не ставили своей целью захват Льежа, имело, очевидно, мень-

шее значение, чем его уверенность в этом в тот критический момент.

Из тесного общения с неприятельскими генералами я вынес убеждение, что мир несколько переоценил «очищающее» воздействие немецкого генерального штаба. Обычно думают, что в немецком генеральном штабе человек проходит особую закалку, которая превращает его в надежную мыслящую машину и очищает от страха, нерешительности и других человеческих слабостей. Однако все генералы — люди, и никакая штабная подготовка не может сделать человека абсолютно твердым и воспитать в нем беспредельную дисциплинированность.

Работа с немцами мало отличалась от работы с группой американских генералов. Немцы стремились к сотрудничеству с нами и значительно больше, чем наши собственные генералы, склонны были вскрывать свои личные ошибки, которые в какой-то мере способствовали их поражению. На мой взгляд, в первую очередь это относится к Фрицу Байерлейну (в данной книге он пишет об Эль-Аламейне). С суровой откровенностью пишет он и о своих, и о чужих ошибках. Говоря о своей ошибочной оценке обстановки, Байерлейн, кажется, сам удивляется тому, что мог так жестоко заблуждаться.

Зато он без малейшего удивления рассказывает о событии, очевидцем которого он был, — о том, как Риттер фон Тома пошел прямо на английские орудия у Тель-эль-Мампсра, потому что ему надоела война, а просчеты Гитлера вывели его из себя. Немецкие генералы как будто не должны были так поступать, но Байерлейн отлично знал, что с ними случалось и такое. Он пережил у Бастони черный день, когда настолько пал духом, что послал донесение о безнадежном положении своей дивизии. Эта ошибочная оценка обстановки заставила Гитлера изменить план Арденнской битвы.

Встает вопрос: не так же ли просто объясняется таинственное двухдневное исчезновение Гюнтера фон Клюге, повлекшее за собой его самоубийство? Что случилось с главнокомандующим войсками Западного фронта, до сих пор остается одной из самых интригующих загадок войны. Описывая оборонительные бои немцев в Нормандии, Бодо Циммерман частично затрагивает историю Клюге и говорит о нем с большим сочувствием. Обычно самоубийство Клюге и Роммеля связывают с июльским «заго-

вором генералов»[1], однако Циммерман утверждает, что они не имели отношения к заговору. По-моему, Циммерман совершенно прав.

Достоверно известно лишь то, что в критический момент отступления немцев во Франции Клюге на два дня исчез из поля зрения. Когда он вновь появился, его сместили с занимаемой должности, а вскоре он отравился цианистым калием. Циммерман утверждает, что Клюге ездил в Фалезский котел с целью договориться с генералом Паттоном об условиях сдачи в плен. Дело против Клюге было возбуждено после того, указывает он, как немецкое верховное командование перехватило радиограмму Клюге, адресованную Паттону. Эта легенда долго ходила среди немцев.

Когда летом 1945 г. я впервые встретился с немецкими генералами, они спросили прежде всего о Клюге. Этот вопрос очень интересовал их. «Куда он поехал, когда пытался договориться о сдаче? С кем вел переговоры? Почему потерпел неудачу?»

Мы были крайне удивлены. Такого случая вообще не было. До самого конца войны ни один немецкий генерал не передавал никаких радиограмм о сдаче в плен. Позже мы выяснили этот вопрос в штабе верховного командования союзных экспедиционных сил, а затем в штабе 3-й армии — просто чтобы лишний раз убедиться в том, что мы уже знали. Результат был тот же самый. Клюге никогда не пытался войти в контакт с американцами. Вся история оказалась выдумкой.

Обстоятельства гибели Клюге, приводимые Циммерманом, наводят на мысль, что история с перехватом радиограммы была специально придумана приближенными Гитлера, дабы оправдать расправу с некогда блестящим солдатом, дух которого был поколеблен.

В целом немецкие генералы дают хорошо продуманный анализ сражений, проигранных нацистской Германией, но при этом много говорят о пагубном влиянии Гитлера. Тем, кто привык читать быстро и поверхностно, может показаться, что гитлеровские фельдмаршалы и генералы были безупречными знатоками военного искусства и что если они в конце концов и были повержены в прах,

---

[1] Здесь речь идет о неудавшемся покушении на Гитлера 20 июля 1944 г. (*Прим. ред.*)

то только вследствие бестолкового вмешательства Гитлера в дела, в которых он ровно ничего не понимал. Пусть они прочтут эту книгу еще раз, да повнимательнее!

Мнение Гитлера было решающим в военном совете лишь потому, что большинство профессиональных военных поддерживало его и соглашалось с его решениями. Наиболее рискованные решения Гитлер принимал отнюдь не против воли большинства немецких военных руководителей — многие из них разделяли его взгляды до конца. И даже те, кто иногда сомневался в интуитивной способности Гитлера правильно оценивать обстановку, все же шли за ним, пока еще оставалась какая-то надежда на успешный исход войны. Особенно характерно в этом отношении поведение Курта Цейтцлера, который был начальником генерального штаба во время Сталинградской битвы [1]. Цейтцлер возмущался преступным пренебрежением Гитлера к судьбе 250 тысяч человек, составлявших немецкую армию под Сталинградом. Однако вымуштрованный долгими годами солдатской службы, он не нашел в себе мужества сказать: «Я не приму участия в этом преступлении!» — и пытался лавировать, оставаясь на посту начальника генерального штаба. Может быть, он считал, что его отставка все равно ничего не изменит. Лично не принимавший участия в Сталинградской битве, Цейтцлер в своей статье воздерживается от анализа хода операции, ограничиваясь изложением разногласий среди военной верхушки гитлеровской армии.

Ценность любой книги определяется главным образом тем, что́ в ней надеются найти. Так же обстоит дело и с этой книгой. Мне думается, что странная картина отношений между нацистскими военными руководителями, которая впервые так ярко описывается здесь немецкими генералами, гораздо увлекательнее, чем последовательный анализ тех роковых решений, которые привели к разгрому гитлеризма. Его роковой конец был неизбежен, так как ему было органически присуще стремление захватить больше, чем возможно. Еще в июне 1940 г. стало достаточно ясно, что гитлеровская военная машина остро нуж-

---

[1] Генерал-полковник Цейтцлер был назначен начальником генерального штаба сухопутных сил в сентябре 1942 г. вместо отстраненного от этой должности генерал-полковника Гальдера. (*Прим. ред.*)

дается в осадной артиллерии, автомобильном и гусеничном транспорте; ей не хватало единства командования и уважения других народов в их стремлении к победе. Было очевидно, что со временем нацистская Германия поплатится за свое безрассудство. Вопрос заключался лишь в том, когда и где.

В битвах за Англию, Эль-Аламейн, Сталинград, Москву, Нормандию и Арденны немцы потерпели жестокое поражение, и не столько из-за сопротивления тех, кто поднялся против Гитлера, сколько из-за чрезмерного растяжения линии фронта. Если человек съедает за столом больше, чем он может переварить, это вызывает лишь икоту, но на поле боя неумеренный аппетит ведет к катастрофе. В этом наши подразделения и части убеждаются каждый раз, когда пытаются занять слишком большой участок слишком малочисленными силами.

Тактика в известной мере допускает растяжение линии фронта, которое, являясь сравнительно небольшим грехом, постоянно соблазняет командира. В стратегии же оно непростительно. И все-таки, как я уже ранее указывал и теперь подчеркиваю снова, когда какое-либо государство или политическая система стремится возвеличить себя любой ценой, это рискованное стремление захватить как можно больше становится хроническим и неизлечимым. Поэтому я должен отметить, что мои немецкие друзья видят только следствие и ошибочно принимают его за причину. А это в конце концов к лучшему, так как неправильная оценка события заставляет еще раз изучить его. Думая об агрессии, утешаешься тем, что она неизменно порождает свое собственное противоядие. Так будет до тех пор, пока люди доброй воли не объединятся, чтобы противодействовать ей.

С. Л. А. МАРШАЛЛ,
Главный историк Европейского театра военных действий

РОКОВОЙ ГОД

(1939 — 1940)

Генерал-лейтенант ЗИГФРИД ВЕСТФАЛЬ

Мы все хорошо помним ту первую вспышку, которая вызвала грандиозный взрыв — вторую мировую войну. Поводом послужили напряженные отношения между Польшей и Германией, связанные с вопросом о «польском коридоре» (по условиям Версальского договора Восточная Пруссия была отрезана от остальной части Германии) и требованием немцев вновь включить вольный город Данциг в состав Германии. Отношения ухудшились в апреле 1939 г., когда немецкое правительство денонсировало польско-германский пакт о ненападении, заключенный пятью годами ранее. Летом 1939 г. обстановка продолжала накаляться. Было очевидно, что Гитлер не согласится ни на какие компромиссные решения. Как теперь известно, нежелание польского правительства идти на какие бы то ни было уступки тоже оказало свое влияние на резкое обострение отношений во второй половине августа.

В период между оккупацией Судетской области и весной 1939 г. Германия имела только один план на случай начала войны. Этот план строился на предположении, что Франция будет наступать, и предусматривал лишь строго оборонительные мероприятия как на французской

границе, так и на польской [1]. Основные силы наших войск, готовые к выступлению, до особого распоряжения должны были оставаться в мобилизационных районах. Однако в начале 1939 г. Гитлер приказал штабам трех видов вооруженных сил срочно разработать план наступления на Польшу на случай, если немецко-польский спор не будет разрешен мирными средствами. Этот план получил наименование операции «Вейс» (принятый ранее оборонительный план назывался операцией «Рот»). Он предусматривал использование против Польши основных сил сухопутных войск и авиации. Западные границы должны были прикрываться лишь незначительным количеством войск. Гитлер считал, что Франция и Англия, несмотря на гарантии, данные Польше, в действительности не вступят в войну. Эти расчеты Гитлера подкреплялись успешными переговорами 23 августа со Сталиным относительно пакта о ненападении [2].

Военные приготовления к вторжению в Польшу начались весной 1939 г. К восточным границам было переброшено большое количество регулярных дивизий, которые начали там строительство полевых укреплений. Первоначально наступление было назначено на 25 августа. Однако накануне, в самый последний момент, Гитлер заколебался. С большим трудом удалось остановить уже начавшееся продвижение немецких войск к границе. Все вздохнули с облегчением. Немецкое командование считало, что удалось еще раз избежать, казалось, неминуемой войны. К сожалению, радость была преждевременной: надежды на то, что мир все еще может быть сохранен, оказались тщетными. 31 августа вновь поступил

---

[1] Генерал Вестфаль неправильно излагает планы фашистской Германии к тому времени. Эти планы носили не оборонительный, а наступательный характер. Еще в 1935 г. германский генеральный штаб приступил к составлению плана войны против Франции. Агрессивные замыслы фашистской Германии по отношению к соседним странам отчетливо выражены в директиве верховного главнокомандующего фельдмаршала Бломберга, появившейся в июне 1937 г. В ней сказано: «Общая политическая обстановка позволяет полагать, что Германии не следует ожидать никакого нападения с чьей-либо стороны». *(Прим ред.)*

[2] И здесь Вестфаль фальшивит. Советское Правительство, заключая договор о ненападении с Германией, преследовало цель расколоть блок империалистических государств, стремившихся пойти на открытый сговор с фашистами, направленный против СССР. *(Прим. ред.)*

приказ начать наступление, и на этот раз он не был отменен. В 5 часов 45 минут 1 сентября 1939 г. 44 немецкие дивизии, включая все механизированные и моторизованные дивизии Германии, пересекли немецко-польскую границу, чтобы уничтожить вооруженные силы польского государства.

Немцы восприняли начало войны торжественно и серьезно. Не осталось и следа от того патриотического подъема, который был так характерен для 1914 г. Мужчины призывного возраста молча являлись на призывные пункты. Казалось, мужчины и женщины, военные и штатские — все понимали роковое значение происходящего.

Гитлер и Геринг, очевидно, тоже чувствовали, что Рубикон перейден и принято первое роковое решение. В своей речи в рейхстаге 1 сентября Гитлер клялся, что он вернется победителем или не вернется совсем. А когда Геринг узнал 3 сентября, что Англия и Франция объявили войну Германии, он воскликнул: «Да поможет нам бог, если нам суждено проиграть эту войну!»

Однако польская кампания началась успешно. Польская армия сражалась храбро, но ее нельзя было сравнить с немецкими войсками ни по вооружению, ни по подготовке, ни по руководству, и в течение трех недель она была полностью разгромлена.

Контролируемая немцами западная часть Польши была официально названа «генерал-губернаторством». В Кракове, в замке Вавель, который поляки почитали как национальную святыню, учредил свою резиденцию губернатор.

Сразу же после захвата Польши началась переброска немецких дивизий на Запад. Несмотря на все утверждения немецкой пропаганды, «Западный вал», известный за границей под названием «линии Зигфрида», все еще не был закончен и был далеко не неприступным: во время польской кампании он прикрывался всего 35 немецкими дивизиями, состоявшими в основном из плохо подготовленных частей резерва и ополчения. Французская армия насчитывала 65 кадровых и 45 резервных дивизий. Если бы французская армия предприняла крупное наступление на широком фронте против слабых немецких войск, прикрывавших границу (их трудно назвать более мягко, чем силы охранения), то почти не подлежит сомнению, что

она прорвала бы немецкую оборону, особенно в первые десять дней сентября. Такое наступление, начатое до переброски значительных сил немецких войск из Польши на Запад, почти наверняка дало бы французам возможность легко дойти до Рейна и, может быть, даже форсировать его. Это могло существенно изменить дальнейший ход войны.

Однако, к изумлению многих немецких генералов, французы, которые не могли не знать о нашей временной слабости, ничего не предприняли. Только в районах Саарбрюккена и Перля, расположенного южнее Трира, на стыке границ Германии, Франции и Люксембурга, происходили перестрелки передовых постов. На всем остальном протяжении фронта, особенно в верхнем течении Рейна, шла «странная война». Целыми неделями ни с одной стороны не производилось ни одного выстрела, и рабочие могли днем и ночью продолжать строительство оборонительных сооружений в непосредственной близости от границы. Такое положение сохранилось даже после того, как почти все дивизии немецкой действующей армии были сосредоточены на Западе. Гитлер, утверждавший, что французы не сумеют использовать эту превосходную возможность, снова оказался прав. Не воспользовавшись временной слабостью Германии на Западном фронте для немедленного нанесения удара, французы упустили возможность поставить гитлеровскую Германию под угрозу тяжелого поражения. А теперь на повестке дня стоял разгром Франции. В соответствии с этим была изменена группировка немецких войск. Теперь на Западе вместо трех было сосредоточено восемь армий. Плохо подготовленные части ополчения были заменены кадровыми дивизиями, завершившими свою подготовку боевыми действиями в Польше.

С конца августа тень войны мрачным пятном легла на все провинции Германии, которые теперь назывались «внутренним военным районом». Все дома и транспортные средства были затемнены в целях светомаскировки. Зимой 1939/40 г. Германия лишь изредка подвергалась воздушным бомбардировкам. Потребление продовольственных товаров и всех видов сырья строго нормировалось, и их можно было получить лишь по продовольственной карточке или по другому соответствующему документу. Продолжалась мобилизация. Это позволило к

весне 1940 г. довести численность немецких войск на Западе до 136 дивизий.

Гитлер хотел напасть на Францию еще 12 ноября 1939 г. Однако главнокомандующий сухопутными силами не одобрил этого плана, ссылаясь на метеорологические условия и все еще недостаточные наступательные возможности немецкой армии. После бурной сцены Браухичу удалось убедить Гитлера отложить начало наступления. По первоначальному плану, являвшемуся улучшенным вариантом плана 1914 г., основной удар наносился правым флангом немецких войск, которые должны были наступать через Голландию и Бельгию. В феврале 1940 г. вместо этого плана был принят так называемый «план Манштейна», предусматривавший нанесение главного удара в центре.

В течение зимы день начала наступления назначался более десятка раз, но затем его отменили в самый последний момент вследствие необычно холодной погоды. Наконец, 10 мая 1940 г. в 5 часов 45 минут хорошо подготовленные к тому времени немецкие армии начали наступление по всем фронту от Эмдена до Карлсруэ. Наступление велось по «плану Манштейна».

Боевые действия развивались быстрее и успешнее, чем ожидалось. Уже 14 мая голландская армия была вынуждена сложить оружие. Ровно через две недели прекратили сопротивление вооруженные силы Бельгии, вынужденные сдаться в плен вместе с королем Леопольдом II. Сдача в плен бельгийских войск привела к тому, что английский экспедиционный корпус был отброшен к морю и избежал разгрома лишь благодаря тому, что Гитлер изменил первоначальное решение. Он остановил немецкие войска, наступавшие с севера и с юга с целью завершить окружение английского экспедиционного корпуса, и приказал, по предложению Геринга, ограничить боевые действия в этом районе бомбардировочными ударами немецких ВВС. Однако немецкая авиация явно была не в состоянии помешать эвакуации английских войск, тем более что погода ухудшилась. К 4 июня бóльшая часть храбро сражавшихся английских дивизий была переброшена в Англию вместе с небольшим количеством французских и бельгийских войск.

Немецкая пропаганда всеми силами старалась очернить Дюнкерк и представить его как поражение англичан.

Действительно, англичане потеряли там все свое вооружение, но зато они спасли войска, которые позже участвовали в разгроме немцев в Африке, в Италии и на Западе.

Между тем кампания продолжалась. 5 июня была форсирована Сена. 14 июня немецкие войска заняли Париж, объявленный открытым городом. Передовые отряды немцев приближались к Луаре. 17 июня премьер-министр Франции маршал Петен был вынужден предложить перемирие. Немцы не соглашались на перемирие до тех пор, пока их войска не вышли к Атлантическому океану в районе Бордо. 10 июня в войну вступила Италия. Наконец, перемирие было подписано в Компьенском лесу, на том самом месте, где было подписано перемирие в 1918 г.

Кампания продолжалась 44 дня. За это время немецкие войска разгромили вооруженные силы Франции, Бельгии и Голландии и оккупировали бóльшую часть Франции. Только один из наших противников — Англия — не был выведен из войны. Эта ошибка дорого обошлась нам.

Незадолго до кампании на Западе была успешно проведена другая смелая операция — оккупация Дании и Норвегии. Значительную часть железной руды для своей промышленности Германия давно получала из Швеции через Норвегию. Для Германии было чрезвычайно важно сохранить этот путь открытым, в то время как Англия стремилась перерезать его. Теперь нам известно, что соответствующие решения были приняты обеими сторонами почти одновременно, так что в любом случае нейтралитет скандинавских стран был бы нарушен. Подготовка к операции проводилась зимой 1939/40 г.

Гитлер действовал быстрее, чем его противники, и 9 апреля немецкие войска заняли все крупные норвежские порты от Осло до Нарвика. Только через пять дней после этого английские и французские войска высадились в Намсусе и Ондальснесе. Дания отказалась от бессмысленного сопротивления и была оккупирована без всякого кровопролития. Норвежцы, напротив, оказали упорное сопротивление под руководством своего старого короля. Немецкий флот понес большие потери, особенно в крейсерах и эскадренных миноносцах, и к маю положение в районе Нарвика настолько осложнилось, что Гитлер стал подумывать о прекращении боевых действий на севере

Норвегии. Однако действовавшие там немецкие горнострелковые части сражались храбро. 8 июня Норвегия прекратила сопротивление, и союзники вывели из нее свои войска.

Теперь все побережье Атлантического океана от Нарвика до франко-испанской границы было в руках немцев. Империя Гитлера простиралась от Бреста на западе до Бреста на востоке. Это был апогей его величия. Все прежние противники Гитлера, за исключением Англии, были разгромлены.

Теперь надо было уничтожить и эту «опоясанную морем скалу». Началом должна была послужить «битва за Англию» — крупное воздушное сражение, которое описывается в следующей статье. Немецкая авиация должна была сделать то, чего не смогли сделать вследствие численного превосходства противника немецкие подводные силы, несмотря на их значительные успехи. Вопросы, связанные с решением вторгнуться на Британские острова и отказом от этого плана, будут рассмотрены ниже.

БИТВА ЗА АНГЛИЮ

Генерал авиации ВЕРНЕР КРЕЙПЕ

Датой начала битвы за Англию или, скорее, прелюдии, предшествовавшей этой битве, можно считать 28 мая 1940 г.

3-я группа 2-й бомбардировочной эскадры действовала против дезорганизованных, бегущих остатков французской армии. 27 мая самолеты Do-17 из состава этой группы совершали полеты над Центральной и Южной Францией, не встречая никакого сопротивления со стороны французской авиации, которая практически перестала существовать. Когда вечером этого же дня самолеты без потерь возвратились на свой аэродром в Рокруа, недалеко от франко-бельгийской границы, командир группы получил новый приказ. На следующий день 3-я группа должна была действовать против английского экспедиционного корпуса, который начал погрузку на корабли в Дюнкерке. Теперь ей предстояло встретиться с английскими истребителями.

На следующий день группа в полном составе (27 самолетов) вылетела на север. Самолеты шли на высоте 3000 метров, под нижней кромкой облаков. С этой высоты экипажи самолетов увидели объятый огнем Дюнкерк и побережье, забитое солдатами, лошадьми, повозками и всевозможной военной техникой. Немецкие самолеты еще не успели сбросить бомбы на эту идеальную цель, как по радио раздалось предупреждение: «Вам в хвост заходят истребители противника». Через несколько секунд бомбардировочную группу атаковала эскадрилья «Спитфайров» — первых «Спитфайров», с которыми пришлось столкнуться нашим летчикам. Несмотря на сильный от-

ветный огонь немецких бомбардировщиков, английские истребители не прекращали атак. Англичанам удалось отогнать самолет Do-17 от цели.

Штабные офицеры в Рокруа очень скоро узнали о высоком боевом духе английских летчиков-истребителей, потому что немецкие самолеты вскоре стали передавать на базу: «Выхожу из боя. Иду на вынужденную посадку». Командир группы, возглавлявший свою часть в этом воздушном бою, был атакован не менее пяти раз одним и тем же «Спитфайром». Когда он приземлился, я сам насчитал в фюзеляже его самолета 86 пулевых пробоин. То, что самолет с таким количеством пробоин мог держаться в воздухе, свидетельствует о большой живучести самолета Do-17 — одного из наших стандартных бомбардировщиков в ранний период войны. Из этого налета на Дюнкерк один самолет 3-й группы не вернулся, а два других были серьезно повреждены.

Вскоре после того как группа совершила посадку на своем аэродроме, было получено новое боевое задание. На этот раз целью был Ньепор. Как только немецкие самолеты появились в районе цели, неустанные английские истребители атаковали их. Однако на этот раз немецкие бомбардировщики, летевшие в плотном строю под прикрытием истребителей, сумели прорваться к цели, несмотря на непрерывные атаки английских истребителей. Наши потери были довольно значительными. Три самолета Do-17 совершили вынужденную посадку по нашу сторону линии фронта, причем имелись жертвы среди экипажей, а пять других самолетов получили серьезные повреждения и надолго вышли из строя.

Таким образом, за один этот день из 27 самолетов группы 11 было выведено из строя. Дни легких побед миновали. Мы встретились лицом к лицу с английской авиацией.

22 июня 1940 г. было подписано перемирие с Францией, и немецкие летчики могли несколько дней отдохнуть. В то время ходили слухи, что война уже почти окончилась. Из штаба нашей группы был выделен офицер для участия в организации большого парада победы на Елисейских полях, а в сухопутных войсках солдаты некоторых старших возрастных групп были демобилизованы и отправлены домой.

Главный штаб вооруженных сил располагался недалеко от нашего аэродрома, и я воспользовался этим, чтобы посетить своих старых друзей, служивших теперь в ставке Гитлера. Среди них был генерал-полковник Кейтель, под чьим командованием я служил раньше, и капитан фон Бюлов, который прежде был моим подчиненным, а теперь служил адъютантом Гитлера по авиационным вопросам. Оба они были убеждены, что Англия готова начать переговоры о мире и что война уже почти закончилась.

Но, несмотря на эту волну оптимизма среди высокопоставленных лиц, немецким ВВС было приказано восполнить сравнительно небольшие потери в личном составе и материальной части и быть готовыми к новым боям над Ла-Маншем и Англией. Через несколько дней немецкая авиация уже была готова к выполнению новых задач.

Немецкая авиация находилась в расцвете своих сил, достигнув такого уровня развития, которого потом больше никогда не достигала за все долгие годы войны. На оккупированных территориях и северо-западе Германии были сосредоточены следующие силы: 11 истребительных эскадр общей численностью около 1300 одномоторных истребителей «Мессершмитт» Ме-109, две эскадры тяжелых истребителей общей численностью 180 двухмоторных самолетов «Мессершмитт» Ме-110, 10 бомбардировочных эскадр общей численностью около 1350 двухмоторных бомбардировщиков «Хейнкель» Не-111, «Юнкерс» Ju-88 и «Дорнье» Do-17. Немецкие ВВС располагали опытными летчиками. Весь летный состав был хорошо знаком с тактикой авиации; он многому научился на опыте боев в Польше и в ходе французской кампании. Боевой дух немецких летчиков был очень высок, и они не сомневались в победе, хотя знали, что им еще предстоят трудные испытания. Таковы были немецкие ВВС, вступившие в битву за Англию.

Эти силы были объединены в два воздушных флота: 2-й воздушный флот под командованием фельдмаршала Кессельринга и 3-й воздушный флот под командованием фельдмаршала Шперрле. Оба флота подчинялись непосредственно главному командованию немецких ВВС во главе с главнокомандующим ВВС рейхсмаршалом Герингом. Основной штаб 2-го воздушного флота находился в

Брюсселе, а передовой штаб — на мысе Гри-Не, против Дувра; основной штаб 3-го воздушного флота дислоцировался в Париже, а передовой штаб — в Довиле. Когда Геринг со своим штабом прибыл на Западный фронт, его специальный поезд стоял неподалеку от аэродрома Бове.

В период затишья между окончанием французской кампании и началом битвы за Англию наземный состав и строительные части немецких ВВС были загружены работой. Они не только вновь подготовили к приему самолетов французские и бельгийские аэродромы, но и построили в оккупированных районах много новых аэродромов.

2 июля ОКВ [1] отдал первые боевые распоряжения немецким ВВС в начавшейся кампании против Соединенного Королевства, которая должна была завершиться вторжением на Британские острова.

Перед немецкими ВВС были поставлены две основные задачи:

1) во взаимодействии с немецкими военно-морскими силами воспретить торговое судоходство по Ла-Маншу путем налетов на конвои, уничтожения портовых сооружений и постановки мин в районах портов и на подходах к ним;

2) уничтожить английскую авиацию.

10 июля соединения бомбардировщиков под прикрытием одномоторных и двухмоторных истребителей начали наносить удары по конвоям транспортов, которые англичане с присущим им спокойствием продолжали посылать через Ла-Манш в Лондонский порт — центр английской системы снабжения.

Я принял участие в одном из этих первых налетов на конвои в составе 3-й группы 2-й бомбардировочной эскадры. Мы базировались в Камбре. Конвой был обнаружен между Дувром и Дунгенессом. Предполетный инструктаж занял всего несколько минут, и уже через полчаса мы увидели побережье Кента.

Ла-Манш купался в лучах солнца. Нежно-голубое небо и синее море сливались на горизонте. Над побережьем Англии висела легкая дымка, а далеко внизу под

---

[1] ОКВ — OKW, то есть Oberkommando der Wehrmacht — главный штаб вооруженных сил фашистской Германии. (*Прим. ред.*)

нами шел конвой, похожий на игрушечные кораблики с крошечными бурунчиками за кормой. Заметив нас, корабли конвоя стали рассредоточиваться. Транспорты начали энергично маневрировать, а корабли охранения быстро выдвинулись вперед. Небо покрылось разрывами зенитных снарядов. Появились наши истребители. Мы сделали первый заход, и вокруг кораблей взметнулись фонтанчики от разрывов бомб. К зенитному огню с кораблей добавился огонь береговых зенитных батарей, но мы были вне пределов их досягаемости. Развернувшись в сторону Франции, мы стали готовиться ко второму заходу, потому что в первый сбросили только половину бомб. В это время показались английские истребители, и в небе над побережьем Англии завязался жаркий бой между «Спитфайрами» и «Харрикейнами» англичан и нашими самолетами Ме-109 и Ме-110. Моя группа находилась в воздухе 3 часа. По возвращении на базу мы доложили, что нами потоплен один тяжелый крейсер и четыре транспорта, поврежден один транспорт и сбито и повреждено одиннадцать английских истребителей. В этом бою мы потеряли два бомбардировщика, два двухмоторных и три одномоторных истребителя.

Такие операции продолжались в течение нескольких последующих недель.

Между тем в армии упорно ходили слухи, что в ближайшее время начнется крупное наступление. В самом деле, лихорадочные приготовления к вторжению в Англию, проводившиеся по всему побережью, были слишком очевидны. Французские, бельгийские и голландские порты были забиты всевозможными судами. Непрерывно велась тренировка по посадке на суда и высадке десантов. Штабы работали круглосуточно.

Немецкие летчики славились высоким боевым духом и глубокой верой в победу. Среди наших офицеров нашлось много последователей итальянского генерала Дуэ, проповедовавшего, что авиация должна играть главную роль в любой современной войне. Некоторые из нас верили, что авиация, и только одна авиация, нанесет решающий удар в битве за Англию.

Другие старшие офицеры немецких ВВС были более осторожны. Они разделяли опасения офицеров генераль-

ного штаба сухопутных сил, которые неоднократно указывали, что английский военно-морской флот к тому времени понес сравнительно небольшие потери и продолжает оставаться мощной силой. Кроме того, как правильно указывали армейские офицеры, у нашей авиации не было бронебойных бомб, необходимых для поражения сильно бронированных английских военных кораблей. В целом можно сказать, что хотя мы, немецкие летчики, и считали в то время авиацию решающим видом вооруженных сил, мы не дерзали утверждать, что войну можно выиграть силами одной только авиации. В то же время в сухопутных войсках, где была распространена традиционная доктрина континентальной войны, росло скептическое отношение к планам операции «Морской лев» (кодированное название операции по вторжению на Британские острова).

16 июля Гитлер отдал верховному командованию вооруженных сил директиву по операции «Морской лев». Она начиналась следующими словами: «Так как Англия, несмотря на всю безнадежность своего военного положения, не проявила до сих пор желания пойти на компромисс, я решил начать подготовку вторжения в Англию и в случае необходимости осуществить это вторжение. Цель вторжения — предотвратить возможность использования Англии в качестве базы для продолжения войны против Германии. Подготовка к операции должна быть закончена к середине августа».

Через три дня было созвано специальное заседание рейхстага в честь завоевания Франции. В своей речи Гитлер вновь призывал Англию прекратить войну. В то время многие в Германии считали, что Гитлер искренне верит в возможность заключения компромиссного мира с англичанами. Однако через несколько дней это предложение было холодно отвергнуто английским правительством.

Я уже говорил о расхождении мнений среди представителей различных видов немецких вооруженных сил по вопросу о возможности проведения операции «Морской лев». В конце июля Гитлер вызвал к себе командующего и начальника штаба 3-го воздушного флота (начальником штаба 3-го воздушного флота был генерал Кортен, погибший через четыре года во время «заговора генералов» против Гитлера). Гитлер пытался заглушить сомнения, вызванные в нем его армейскими советниками, своим

обычным способом — он неистово требовал массированного и самого решительного использования немецкой авиации против Англии.

В первые дни августа началась новая фаза воздушных операций на Западе. Теперь наши основные усилия были направлены не против судоходства по Ла-Маншу, а против целей, имевших непосредственное отношение к предстоящему вторжению. Чтобы добиться превосходства в воздухе над Ла-Маншем и над побережьем Англии, нашим авиационным частям было приказано наносить удары по аэродромам, базам английских ВВС и авиационным школам. Второй по важности целью были предприятия английской оборонной промышленности, в особенности авиационные заводы. Судоходство по Ла-Маншу для немецкой авиации отступило теперь на третий план.

Командованию ВВС сообщили, что приказ о задачах немецких ВВС по поддержке сухопутных войск в ходе операции «Морской лев» оно получит перед самым началом вторжения.

Таким образом, нашей текущей задачей была подготовка вторжения путем уничтожения английской авиации. Мы должны были также помешать реорганизации и перевооружению английских сухопутных войск после их поражения у Дюнкерка. Необходимо было нарушить нормальное снабжение английского населения топливом и продовольствием. Предполагалось, что это заставит англичан больше думать о мире. Впервые за долгую историю Англии ее населению предстояло непосредственно почувствовать всю тяжесть войны. Ожидалось, что это подорвет его моральное состояние.

Наши авиационные части вылетали на задание в полной уверенности, что между нами и окончательной победой стоит только один, последний, противник — Англия. Однако несколько первых же дней боев совершенно ясно показали нам, что если Англия и была нашим последним противником, то она была, несомненно, и самым сильным противником, с которым мы когда-либо сталкивались. Мы встретили равных себе летчиков, готовых сражаться до конца, несмотря ни на что. Но списки английских потерь росли. Временами казалось, что нам потребуется лишь одно усилие, и английская авиация будет разгромлена.

По теоретическим выкладкам штаба немецких ВВС, английская истребительная авиация уже давно должна была прекратить свое существование. Однако каждый день навстречу немецким самолетам взлетали «Спитфайры» и «Харрикейны»; отважные английские летчики сражались с полным сознанием того, что от них зависит судьба нации. Наши бомбардировочные эскадрильи, неся тяжелые потери, все же прорывались к целям, но того разрушительного эффекта, на который мы рассчитывали, налеты не давали. Уже на этом этапе битвы за Англию стало ясно, что для поддержания первоначального успеха в течение длительного времени необходимы очень крупные силы авиации.

Одним из двух наиболее известных немецких асов, прославившихся во время битвы за Англию, был полковник Галланд, который позже в звании генерал-лейтенанта был инспектором истребительной авиации (сейчас, когда пишутся эти строки, он назначен командующим военно-воздушными силами Западной Германии, которые должны войти в состав вооруженных сил НАТО). Другим был его друг капитан Мельдерс. Эти замечательные летчики быстро разобрались в причинах потерь немецких ВВС и в слабых местах немецкой авиации. Они сделали все, что было в их силах, чтобы помочь товарищам по оружию. Они не боялись открыто выражать свои взгляды и, когда нужно, высказывать недвусмысленные предупреждения лицам, занимавшим самые высокие посты.

В ходе битвы за Англию между противниками существовали настоящие рыцарские отношения. Примером может служить история с протезами английского летчика Дугласа Бейдера, имевшего в то время чин майора. Еще до войны Дуглас Бейдер потерял обе ноги, но сумел преодолеть это несчастье и принимал участие в битве за Англию в качестве летчика-истребителя. Бейдер был сбит около Сент-Омера, и у него сломались алюминиевые протезы. В тот же вечер его принимали в офицерской столовой эскадры Галланда. Бейдер спросил, нельзя ли как-нибудь переслать ему из Англии его запасные протезы. Галланд сообщил об этом мне (я был тогда начальником оперативного отдела 3-го воздушного флота), а я доложил фельдмаршалу Шперрле. С согласия фельдмаршала мы направили в Англию радиограмму на международной волне для передачи сообщений о бедствиях, и менее чем

через двое суток протезы майора Бейдера были сброшены с парашютом на аэродром Сент-Омер [1].

Между тем главный штаб вооруженных сил и главное командование немецких ВВС не могли точно решить, чего же они хотят добиться. Несмотря на совершенно четкие стратегические директивы, данные нам, Геринг постоянно вмешивался в проведение наступательных операций. Многогранные обязанности рейхсмаршала часто требовали его присутствия в Берлине, где он оставался целыми днями и даже неделями. Однако свой штаб он оставлял во Франции. Расстояние не могло угасить его страсть вмешиваться во все дела, и часто мы получали из столицы самые удивительные приказы, которые временами мешали ведению нормальных боевых действий.

Главное командование военно-морских сил и главное командование сухопутных сил стали вновь высказывать свои сомнения относительно операции «Морской лев». Гитлер никогда не был убежден в успехе вторжения, и теперь он тоже стал колебаться. 10 августа день начала вторжения, первоначально назначенный на конец этого месяца, был перенесен на конец сентября. В речи 4 сентября Гитлер сказал: «Если в Англии удивляются и спрашивают: «Почему же он не идет?», я могу успокоить вас. Он идет». В той же речи он произнес роковые слова: «Если они (англичане) заявляют, что намереваются нанести мощные удары по нашим городам, то мы ответим им тем, что сотрем их города с лица земли». В это время немецкие ВВС, как им было приказано, стремились завоевать господство в воздухе и разгромить английскую авиацию. Летному составу часто казалось, что победа уже почти завоевана. Но вот наступило 15 сентября — день перелома. В этот день в тяжелых боях над Англией мы потеряли 56 самолетов.

---

[1] Случай с Бейдером генерал Крейпе приводит для того, чтобы показать якобы гуманное отношение немецко-фашистской армии к пленным. На самом деле действия гитлеровской армии отличались неслыханной жестокостью. Десятки тысяч пленных были зверски замучены в концентрационных лагерях и тюрьмах. В одном только Бухенвальде гитлеровцы замучили более 50 тысяч пленных, в том числе 7200 советских офицеров. (*Прим. ред.*)

17 сентября Гитлер вновь отложил день начала вторжения. Битва продолжалась. Однако теперь наши авиационные части несли тяжелые потери, которые было трудно, а может быть, и невозможно восполнить. Командующие обоими воздушными флотами в самых сильных выражениях просили Геринга прекратить дорогостоящие дневные налеты и перейти к ночным бомбардировкам. Это означало переход к новой тактике, но в конце концов новые тактические приемы были освоены. 12 октября Гитлер решил отказаться от вторжения в 1940 г., однако он утверждал, что операция «Морской лев» только переносится на весну 1941 г.

Этим решением немецкое верховное командование уступило победу англичанам на первом и, как выяснилось позже, решающем этапе битвы за Англию. Таким образом, англичанам была дана передышка, а наши бомбардировочные части перешли к ночным действиям.

В период дневных налетов на Англию английские ВВС находились в не особенно неблагоприятном положении, хотя вследствие оккупации нашими войсками Голландии, Бельгии и Франции вражеская территория большой дугой охватывала Англию. Английские ВВС вели оборонительные бои над своей территорией и располагали первоклассными авиационными базами. Английские летчики проявляли исключительное мужество и до конца использовали боевые возможности своих самолетов. Ведя оборонительные бои, англичане могли максимально использовать истребительную авиацию, что они и делали. Английские летчики совершали по нескольку боевых вылетов в день, доказывая тем самым, что их упорство не уступает их мужеству. Но самым неприятным для немцев в этот период было появление радиолокационных установок — нового изобретения, дававшего англичанам возможность заблаговременно узнавать о приближении наших бомбардировщиков и истребителей. Применение радиолокационных станций по крайней мере удвоило эффективность действий английской истребительной авиации, потому что оно давало англичанам возможность разгадывать ложные маневры и концентрировать свои силы там, где они были действительно нужны. Английские зенитчики быстро научились отражать налеты немецкой авиации и наносили ей тяжелые потери.

Наступившее в конце года ухудшение погоды, несомненно, тоже помогло мужественным защитникам Англии. Позднее время года было одним из факторов, побудивших Гитлера отказаться от вторжения в 1940 г. С окончанием крупных дневных боев верховное командование стало подводить итоги летней воздушной кампании. Результаты были неутешительными.

Несмотря на постоянное пополнение, в период между 1 августа и 1 октября, как показывали наши ежедневные отчеты о самолетах, находившихся в строю, до полной штатной численности нам не хватало более 500 самолетов. Английские ВВС, по нашим расчетам, потеряли за этот период 1100 самолетов. Никто из немцев не мог тогда знать, что и англичане почти полностью исчерпали свои ресурсы. Однако перед нами во весь рост стали наши собственные проблемы. С заменой экипажей дело обстояло так же плохо, как и с заменой самолетов, поэтому ОКВ принял новое решение. Решено было перейти к третьей фазе битвы за Англию — уничтожению английской промышленности. Эта задача должна была выполняться путем ночных бомбардировок, что должно было до некоторой степени снизить наши потери.

Раньше Адольф Гитлер не давал согласия на такие бомбардировки, но теперь он одобрил их, ибо летом 1940 г. английская авиация совершила подобные налеты на Вильгельмсхафен, Кёльн и города Рурской области. Когда в конце 1940 г. бомбардировочное командование ВВС Англии подвергло ночным бомбардировкам Гамбург и Бремен, Гитлер приказал нашей бомбардировочной авиации сосредоточить свои усилия против Лондона.

Таким образом, пришлось оставить первоначальное намерение уничтожить английскую авиацию, прежде чем производить высадку крупных сил на побережье Англии. Наш противник, находившийся в трудном положении, получил передышку. Он мог использовать это время для воссоздания своей истребительной авиации, которая находилась на грани уничтожения.

Ночными бомбардировками не ограничивались задачи немецких ВВС. Некоторые авиационные части получили задание минировать устья английских рек и основные порты Англии. Из этих частей был сформирован 9-й авиа-

ционный корпус. Однако плохая погода в течение последующих месяцев ограничила проведение интенсивных боевых действий в воздухе.

В ходе третьей фазы битвы за Англию у нас было два основных источника получения разведывательных данных о противнике, на основании которых мы строили свои планы. Первым источником была воздушная разведка. Разведывательные эскадрильи, входившие в состав 9-го авиационного корпуса, действовали чрезвычайно активно. Я сам иногда вылетал на разведку на самолете «Юнкерс» Ju-88, специально оборудованном для выполнения разведывательных заданий. Другим источником разведывательных данных был радиоперехват, который не только обеспечивал проверку информации, добытой непосредственно разведкой, но и давал нам возможность получить представление о размещении сил противника на территории Англии.

Командующие 2-м и 3-м воздушными флотами и их штабы совместно разрабатывали ежемесячные планы нанесения ударов по целям, которые согласно указаниям главного командования немецких ВВС считались особенно важными. В то время я возглавлял отдел планирования 3-го воздушного флота. В соответствии с общим месячным планом разрабатывались конкретные боевые приказы на дневные и ночные налеты на различные промышленные центры, Лондонский порт и другие крупные порты Англии. Эти приказы мой штаб разрабатывал в тесном сотрудничестве со 2-м воздушным флотом.

Однако в самых высших сферах продолжались колебания в вопросах стратегического планирования и нигде это не чувствовалось так сильно, как в главном командовании немецких ВВС. К этому времени Геринг со своим штабом вернулся в Берлин, но продолжал вмешиваться в наши дела. Очень часто он отменял, причем обычно в самый последний момент, тщательно подготовленную операцию и на основе только что полученных непроверенных данных отдавал приказ немедленно провести другую операцию, не имеющую ничего общего с отмененной. Возможно, это делалось по политическим мотивам, которые казались верховному командованию важными.

Люди, руководившие немецкими ВВС, по сути дела не имели ни определенных целей, ни здравого представления о стратегии. Впрочем, этот недостаток относился не только к периоду битвы за Англию. Геринг слепо верил в доктрину генерала Дуэ, по крайней мере в свою интерпретацию этой доктрины. И все же он бросал самые оскорбительные упреки своим летчикам, когда планы срывались. Так было, например, после двух налетов на Ливерпуль, во время которых бомбы были сброшены на ложные сооружения, специально построенные англичанами.

В течение зимы интенсивность боевых действий в воздухе постоянно повышалась. Немецкие бомбардировщики наносили удары по Ковентри, Ливерпулю, Гуллю, Портсмуту, Манчестеру и многим другим городам, дымящиеся развалины которых были доказательством стремления немецких летчиков к победе. Каждую ночь специально оборудованные самолеты незаметно сбрасывали смертоносные мины на подходах к крупным портам и в устье Темзы. Постепенно противник лишался возможности использовать для торгового судоходства южные порты. На восточном побережье к югу от Гулля, на всем протяжении южного побережья, на западном побережье вплоть до Бристоля — везде немецкая авиация наносила серьезный урон английскому торговому флоту.

Но целей было слишком много. Одновременные действия против портов, промышленных центров и Лондона привели к распылению усилий, так как ни против одной из этих целей не могли быть сосредоточены крупные силы, и к чрезвычайно тяжелым потерям в бомбардировщиках. В те зимние месяцы потери были непропорционально высоки по сравнению с достигнутыми в ходе бомбардировок результатами. Хотя экипажи наших бомбардировщиков были хорошо подготовлены и всегда без колебаний принимали бой, техническое оснащение немецкой авиации не обеспечивало полетов над морем и ведения боевых действий на предельном радиусе. Прежде всего нам не хватало хорошо вооруженных четырехмоторных бомбардировщиков с радиусом действия около 2000 километров и рабочим потолком свыше 9000 метров.

В феврале 1941 г. рейхсмаршал Геринг прибыл с большой свитой в Париж для обсуждения с фельдмаршалами Кессельрингом и Шперрле будущих воздушных операций против Англии.

Совещание с большой помпезностью проходило на Кэ-д'Орсе в историческом Зале Часов. Геринг, как всегда, был недоволен недостаточными, по его мнению, успехами немецкой авиации и в самых сильных выражениях отзывался о командующих и летном составе обоих воздушных флотов. Оба фельдмаршала, проявляя должное уважение, пытались отклонить обвинения и убедить Геринга в том, что их воздушные флоты ведут тяжелые бои и что поставленные перед ними задачи слишком сложны. Геринг отказался выслушать их. Даже поездки в действующие части и беседы с Галландом, чей боевой опыт был уже признан всеми, не произвели на Геринга должного впечатления. Необходимо было срочно принять новое решение на основе сложившейся к тому времени обстановки, однако это не было сделано, и бомбардировочное наступление продолжало идти по старым планам.

Авиационные школы выпускали много летчиков, так что теперь было достаточно летного состава для замены вышедших из строя экипажей. Но именно молодые летчики, не имевшие боевого опыта, чаще всего становились жертвами английских ночных истребителей, постоянно совершенствовавших свое мастерство. Часто они погибали в свой первый боевой вылет, несмотря на дополнительную тренировку, которую проходили в действующих частях.

В феврале 1941 г. 3-му воздушному флоту была поставлена новая задача, а именно: разработать подробные планы операции «Феликс». Эта операция, которую можно было осуществить, лишь заручившись предварительным согласием испанского правительства, предусматривала переброску через Испанию ряда сухопутных и авиационных частей с целью захвата Гибралтара.

Как известно, операция «Феликс» так и не вышла из стадии разработки прежде всего из-за неудачных переговоров Гитлера с главой испанского государства в октябре 1940 г. в Монтуаре, на франко-испанской границе. Переговоры не дали положительных результатов. Так же неудачно окончились и последовавшие вслед за этим переговоры немецких и испанских штабных офицеров. Осторожный и хитрый генерал Франко не хотел замешивать в это дело себя и свою страну. Поэтому планирование операции «Феликс» оказалось пустой тратой бумаги. Тем временем штабы воздушных флотов, действовавших на

Западе, совместно со штабами группы армий «А» под командованием фельдмаршала фон Рундштедта и группы армий «Д» под командованием фельдмаршала фон Витцлебена продолжали разрабатывать планы вторжения в Англию в 1941 г. Нас не информировали о резком изменении планов верховного командования.

Только в марте 1941 г. некоторые высшие офицеры узнали о возможности столкновения между Германией и Россией, что должно было означать окончательный отказ от битвы за Англию.

Несмотря на такое развитие событий, в марте Геринг вновь прибыл во Францию. В сопровождении фельдмаршала Шперрле он осмотрел новейшую модель бомбардировщика «Юнкерс» Ju-88. Геринг не смог оценить действительные возможности Ju-88 и приказал группе этих самолетов нанести удар по Абердину. Фельдмаршал Шперрле ответил, что это равносильно приказанию экипажам новых самолетов совершить самоубийство. Завязался спор. Фельдмаршал Шперрле вышел из себя, и только с большим трудом мне удалось уговорить его не подавать в отставку.

Битва в воздухе продолжалась. Наши потери в бомбардировщиках росли, хотя мы и добились некоторых успехов. В этот период было совершено 65 крупных налетов на Лондон. Посылая на Лондон одни и те же бомбардировщики дважды в длинные зимние ночи, иногда удавалось бомбардировать его 800 самолетами, что было выдающимся достижением для того периода войны.

Наше взаимодействие с военно-морским флотом, особенно с подводными силами, становилось все теснее. Это привело к учреждению в марте 1941 г. должности командующего авиацией в атлантической зоне со штабом в Бордо. Он нес ответственность за организацию воздушной разведки в интересах подводных сил. В его распоряжении находились также эскадрильи тяжелых бомбардировщиков, действовавших совместно с немецкими подводными лодками против английского судоходства. Совершая полеты в Атлантике, эти самолеты часто огибали самую северную точку Шотландии и производили посадку на аэродромы в Норвегии, откуда они затем вылетали на очередное боевое задание.

Именно эти самолеты, вооруженные авиационными торпедами, пытались в конце мая 1941 г. прийти на по-

мощь линейному кораблю «Бисмарк», когда после победы над линейным крейсером «Худ» и линейным кораблем «Принц Уэльский» он был окружен превосходящими силами противника примерно в 750 километрах к западу от Бреста.

После гибели «Бисмарка» борьба немецких надводных сил против военно-морского флота Англии по существу прекратилась. Теперь мы могли рассчитывать только на наши подводные лодки и авиацию.

Высшие офицеры постепенно приходили к убеждению, что битва за Англию будет прекращена летом 1941 г. По мере поступления в различные штабы во Франции длинных списков авиационных и других частей, подлежащих переводу на Восток, становилось все яснее, что оставшиеся на Западе силы не смогут продолжать битву за Англию. Более того, казалось маловероятным, что оставшейся у нас истребительной авиации хватит для прикрытия голландско-бельгийско-французского побережья.

На Восток отбыл фельдмаршал Кессельринг со штабом 2-го воздушного флота. Теперь 3-й воздушный флот нес ответственность за боевые действия в воздухе на всем Западном театре военных действий.

Перебазирование происходило в мае. Летчики, улетавшие на Восточный фронт, покидали наш театр военных действий с чувством облегчения: оставшиеся силы были слишком немногочисленны, чтобы выполнить задачи, возложенные на них. Особенно слабы были обслуживающие части. Нам удалось скрыть от противника переброску основных сил немецкой авиации на Восток путем введения в заблуждение его службы радиоперехвата (объем радиообмена поддерживался на прежнем уровне), а также путем интенсивного использования тех сил авиации, которые оставались в нашем распоряжении. Таким образом, нам удалось в течение нескольких недель скрывать от противника переброску наших войск.

Так, без фанфар, без настоящей развязки закончилась битва за Англию.

Известный английский военный писатель генерал-майор Дж. Ф. Фуллер описывает битву за Англию как

одну из самых роковых в стратегическом отношении кампаний. Он указывает, что, несмотря на все уважение к мастерству немецких солдат, Гитлер и его советники находились в плену континентальной концепции войны. Фуллер убежден, что немецкое верховное командование верило в возможность нанесения поражения Англии с помощью одних только военно-воздушных сил.

Я считаю неправильным это последнее утверждение Фуллера. Во всяком случае руководители немецких ВВС никогда не считали, что Англию можно завоевать с помощью одной авиации. Но мы действительно верили, что сильная авиация может нанести решающий удар по Соединенному Королевству, если только для вторжения будут полностью использованы также армия и флот. Но уже к осени 1940 г. такая возможность перестала существовать. Принимая во внимание боевой состав ВВС Англии и производственную мощность английской авиационной промышленности, можно думать, что немецкие ВВС были тогда в состоянии выполнить ту роль, которая отводилась им в операции «Морской лев». Однако армия и флот не были готовы к выполнению своих задач, и верховное командование, очевидно, почти потеряло всякий интерес к проведению этой операции. Настойчивые возражения рейхсмаршала Геринга против такого положения дел лишь прикрывали его собственные сомнения, потому что, по правде говоря, сам он никогда не верил в успех операции «Морской лев», так как находился под сильным влиянием идей генерала Дуэ. Мне кажется, впрочем, что он никогда не понимал всей их глубины.

Я согласен с мнением генерала Фуллера, что в то время идеальными объектами для немецких вооруженных сил были Египет и Суэцкий канал. Как говорит Фуллер, если бы вместо использования немецких ВВС против Англии вся мощь немецкой военной машины была направлена на Ближний Восток, то Британской империи в целом мог бы быть нанесен смертельный удар.

Ясно одно: хотя воздушные бои над Англией были, возможно, образцом мастерства и героизма немецких летчиков, со стратегической точки зрения битву за Англию вообще не следовало начинать. Решение начать битву за Англию была поворотным пунктом в истории второй ми-

ровой войны. Немецкие ВВС, перед которыми верховное командование не поставило четкой задачи, понесли настолько большие потери, что их так и не удалось восполнить до конца войны [1].

В заключение я хочу отметить, что, на мой взгляд, именно опыт воздушной войны над Англией заставил сначала английских, а затем и американских руководителей принять твердое решение о превращении авиации в самое мощное оружие, определяющее исход войны.

---

[1] С этим утверждением Крейпе согласиться нельзя. Он преувеличивает потери, понесенные немецкими ВВС в период воздушных боев над Англией. Германская авиационная промышленность быстро восполнила потери. Производство военных самолетов в Германии составляло: в 1941 г. — 11 030; 1942 г. — 14 700; 1943 г. — 25 220 и 1944 г. — 37 950. (*Прим. ред.*).

ВОЙНА РАСШИРЯЕТСЯ

Генерал-лейтенант ЗИГФРИД ВЕСТФАЛЬ

Неудача немецких ВВС в битве за Англию убедила нас, что отважную страну невозможно поставить на колени путем одних только бомбардировок с воздуха. Особенно показательной в этом отношении была оборона Лондона, а впоследствии это подтвердила стойкость немецкого населения, мужественно переносившего самые сильные бомбардировки. Немецким ВВС не удалось подавить и английскую истребительную авиацию. А это означало, что не обеспечено одно из решающих условий для вторжения в Англию: военно-морские силы и истребительная авиация Англии не уничтожены, и немецкие силы вторжения неизбежно понесли бы чрезвычайно высокие потери. Так как условия погоды позволяли производить высадку десантов не позже первой половины октября, Гитлер решил не проводить операцию «Морской лев» в 1940 г.

Собственно говоря, Гитлеру вообще не особенно хотелось доводить эту операцию до конца. Он находился под сильным влиянием стратегических концепций континентальной войны и весьма неприязненно относился к перспективе амфибийной войны. Это вновь проявилось позже, в 1942 г., когда встал вопрос о захвате острова Мальта в Средиземном море. Нежелание Гитлера начинать операцию «Морской лев» объяснялось также тем, что (на это совершенно справедливо указывало руководство немецких военно-морских сил) немецкий флот не смог бы обеспечить прикрытие сил вторжения от ударов превосходящих сил английского флота.

Зато главное командование сухопутных сил было настроено оптимистически. Оно рассматривало операцию «Морской лев» просто как форсирование реки в очень крупном масштабе. Кроме того, оно считало, что сопротивление противника на английской территории не может быть сильным и продолжительным, так как англичане потеряли в Дюнкерке громадное количество боевой техники. Несмотря на превосходство английского флота и ограниченность имевшихся в нашем распоряжении транспортных средств (в основном речные суда), командование немецкой армии надеялось, что ему удастся за сравнительно короткий срок перебросить на побережье Англии крупные силы. Правда, даже в то время казалось сомнительным, что успешным вторжением удастся вывести Англию из войны, так как англичане — смелый и упрямый народ. Мы должны были предусмотреть и возможность переброски английского правительства и части вооруженнах сил в Канаду, откуда они смогли бы продолжать войну.

Однако решающим для планов Гитлера было совершенно иное обстоятельство. Спустя некоторое время после окончания кампании на Западе он сообщил своим ближайшим военным советникам, что вскоре может возникнуть необходимость ликвидировать «красную опасность» на Востоке. Его убеждение в необходимости разгрома России было подкреплено целым рядом событий. Особенно беспокоила Гитлера угроза русских Румынии, что могло сорвать поставки румынской нефти в Германию.

Гитлер немедленно послал военную миссию в Румынию, где в то время царил авторитарный режим Антонеску. Это в свою очередь усилило недоверие России к Германии. Когда в ноябре 1940 г. на конференции с участием Молотова не было достигнуто никакого соглашения о разграничении сфер влияния Германии и России, Гитлер решил действовать. Через месяц он издал известную «директиву № 21», согласно которой вооруженные силы должны были приготовиться к «молниеносной кампании» для разгрома Советской России. На Румынию и Финляндию он рассчитывал как на союзников. Так вновь был брошен жребий.

В соответствии с этим решением находившиеся на Западе немецкие дивизии стали постепенно сосредоточиваться у восточных границ, где до этого практически не

было войск. Это означало, что для Англии угроза вторжения стала уменьшаться. Главный штаб вооруженных сил приказал имитировать продолжение подготовки к вторжению, однако этим нельзя было долго держать противника в заблуждении, хотя всю зиму 1940/41 г. продолжались сильные налеты на английские города.

Начали активизироваться и боевые действия на юге. После сравнительно спокойных летних месяцев Средиземноморский театр военных действий снова привлек к себе внимание. Несмотря на свои высокопарные заявления, Муссолини не решился немедленно штурмовать опасную крепость на острове Мальта, чтобы одним ударом перерезать основную линию коммуникаций между Англией и Дальним Востоком и в то же время обеспечить коммуникационные линии Италии с Северной и Восточной Африкой. Однако в сентябре восемь итальянских дивизий под командованием маршала Грациани все же перешли египетскую границу. Грациани дошел до Сиди-Баррани и там остановился. Как показали дальнейшие события, нерешительность Грациани была вполне оправдана. В декабре генерал Уэйвелл начал контрнаступление против плохо оснащенных итальянских войск, которые вскоре оказались на грани катастрофы. Стремительно продвигаясь вперед, английские войска захватили Бардию, сильную крепость Тобрук, Бенгази. К концу января 1941 г. англичане находились всего в нескольких стах километрах от Триполи. В этот крайне тяжелый для Италии час, когда уже было взято в плен 140 тысяч итальянских солдат и офицеров и когда вся Ливия, казалось, была потеряна, Муссолини, наконец, принял военную помощь со стороны немцев, которая ему предлагалась еще в прошлом году и от которой он в то время отказался. В феврале в Северной Африке высадился генерал Роммель. Своим блестящим полководческим мастерством и безупречным характером он завоевал себе мировую славу. К концу марта в ходе замечательно организованного контрнаступления он отбросил английские войска к египетской границе. О Роммеле будет рассказано ниже.

Поздней осенью итальянцы начали активные боевые действия на другом театре военных действий. Надеясь добиться быстрой победы, итальянские войска 27 октября 1940 г. пересекли греко-албанскую границу. Они серьезно недооценили оборонительные способности греческой ар-

мии и скоро попали в очень тяжелое положение. Над ними нависла угроза быть сброшенными в море. Еще раньше Германия предупреждала Италию, что не следует предпринимать эту операцию с недостаточными силами. И вот теперь события на греко-итальянском фронте потребовали вмешательства Германии. В середине декабря в южную Румынию было переброшено семь немецких дивизий. Выйти из трудного положения итальянцам помогла весенняя кампания против Югославии, которая «изменила» странам оси, а также против высадившихся в Греции английских войск.

В ходе этой кампании, за которой последовала известная операция по захвату Крита воздушнодесантными войсками, были быстро разгромлены югославская и греческая армии, а англичане были изгнаны из юго-восточной части европейского континента. Но все это не привело к умиротворению Балкан. До самого конца войны Балканы оставались нашим больным местом и сковывали большое количество войск.

Это была не последняя неудача Италии. Герцог Аоста, командовавший итальянскими войсками в Эфиопии, в мае был вынужден сдаться англичанам. В Ираке в это время было подавлено восстание против англичан, а Сирия — французская мандатная территория, которая со времени подписания перемирия в Компьене находилась под контролем Италии,— перешла на сторону союзников. Так было ликвидировано всякое немецкое влияние на Ближнем и Среднем Востоке.

Необходимые для завоевания Балкан войска перебрасывались, естественно, из восточных районов. Это было крайне неблагоприятно для нас, так как начало вторжения в Россию пришлось отложить на добрых шесть недель короткого восточноевропейского лета — самого подходящего времени года для ведения боевых действий. Сталин, конечно, знал, что на его западной границе сосредоточиваются немецкие дивизии. Он знал, чем это было вызвано, и соответственно укреплял свои силы. Несмотря на это, Сталин до самого последнего момента надеялся, что до войны дело не дойдет. Таким образом, стратегически он был готов к наступлению немцев, начавшемуся в 3 часа 30 минут 22 июня 1941 г., но тактически оно застало его врасплох.

На фронте от Румынии до Балтики перешли в наступление три группы армий. В боевых действиях приняло участие 145 немецких дивизий[1]. В ходе войны немцев поддерживали румынские, венгерские, словацкие, хорватские, итальянские, французские, бельгийские, голландские, испанские и скандинавские части и соединения. На крайнем севере Советскому Союзу объявила войну Финляндия. Казалось, почти вся Европа поднялась, чтобы нанести поражение «красному колоссу». Однако в действительности эти иностранные войска были слишком малочисленны. Среди них насчитывалось всего несколько дивизий, а некоторые формирования по составу не превышали батальона.

Гитлер рассчитывал, что Красная Армия быстро развалится. Уверенный в своей победе, он даже приказал сократить объем продукции военной промышленности. Но вскоре оказалось, что Гитлер имел совершенно искаженное представление об обстановке, в то время как главное командование сухопутных сил оценило обстановку правильно. Правда, в крупных сражениях под Белостоком, Минском, Киевом и Вязьмой было окружено и взято в плен большое количество русских, и немецкое радио объявляло об одной грандиозной победе за другой. Основная же масса русской армии, вдохновляемая комиссарами, стойко сражалась до конца. Очень неприятным сюрпризом было появление советских образцов оружия, превосходящих по своим боевым качествам немецкие, например танка Т-34, против которого немецкие противотанковые орудия были бессильны. Кроме того, первые же дни войны показали, что немцы пришли в Россию не как освободители. Всем вскоре стало известно об отвратительной деятельности отрядов службы безопасности СД в тыловых районах. Возмущение, которое вызывали действия этих «зондеркоманд» среди русских, было вполне оправдано; оно способствовало сплочению русского народа и усилению его сопротивления. Русские получили передышку, которая помогла им стабилизировать положение. Это произошло, когда главное командование сухопутных войск не смогло убедить Гитлера, что захват

---

[1] По трофейным документам, в немецко-фашистской армии (в группах армий «Юг», «Центр», «Север» и резерве) было 152 дивизии, в том числе 35 танковых и механизированных. (*Прим. ред.*)

Москвы должен предшествовать завоеванию Украины. Снова было потеряно несколько недель благоприятного времени года: на этот раз они были потрачены на споры.

В следующей статье рассказывается о кризисе, возникшем из-за раннего наступления зимы. Этот кризис застал передовые немецкие части у ворот русской столицы. Немецкая армия, ранее считавшаяся непобедимой, оказалась на грани уничтожения. Перед тем как перейти к описанию Московской битвы, уместно будет сказать несколько слов о других видах вооруженных сил Германии.

Немецкие ВВС, которые были организованы непосредственно перед войной, к тому времени уже имели на своем счету крупные победы в Польше, на Западном фронте, на Балканах, на Средиземноморском театре военных действий и в первых боях над громадными просторами России. Без ВВС проведение «молниеносных» кампаний было бы невозможным. Правда, тяжелые потери, особенно в ходе битвы за Англию, оставили свой след, и казалось, что дни расцвета немецких ВВС скоро останутся позади.

Немецкий военно-морской флот, имевший очень слабые надводные и подводные силы, был, как и ВВС, молодым видом вооруженных сил. Военно-морской флот интенсивно использовал не только все свои подводные лодки, но и — в отличие от старого имперского флота времен первой мировой войны — все свои надводные корабли, в том числе тяжелые и легкие крейсеры. Ему удалось нарушить судоходство в открытом море и потопить большое количество торговых кораблей противника общим тоннажем более 2 миллионов тонн. Однако в ходе борьбы с флотом противника немецкий флот понес серьезные потери в тяжелых боевых кораблях, а также в эскадренных миноносцах. Но особенно велики были потери в подводных лодках.

МОСКОВСКАЯ БИТВА

Генерал ГЮНТЕР БЛЮМЕНТРИТ

Вступление

Московская битва принесла немецким войскам первое крупное поражение во второй мировой войне. Это означало конец блицкрига, который обеспечил Гитлеру и его вооруженным силам такие выдающиеся победы в Польше, Франции и на Балканах. Первые роковые решения были приняты немецким командованием в России. С политической точки зрения самым главным роковым решением было решение напасть на эту страну. Теперь нам пришлось вести войну с более сильным противником, чем тот, с которым мы встречались до сих пор. На бескрайних просторах Востока нельзя было рассчитывать на легкие победы.

Многие из наших руководителей сильно недооценили нового противника. Это произошло отчасти потому, что они не знали ни русского народа, ни тем более русского солдата. Некоторые наши военачальники в течение всей первой мировой войны находились на Западном фронте и никогда не воевали на Востоке, поэтому они не имели ни малейшего представления о географических условиях России и стойкости русского солдата, но в то же время игнорировали неоднократные предостережения видных военных специалистов по России.

Наполеон однажды заметил, что военное искусство входит в область психологии. Это, конечно, не совсем верно: император любил преувеличивать. Правильнее было бы сказать, что военное искусство по крайней мере на половину состоит из способности правильно и быстро

реагировать на неожиданно складывающуюся обстановку. Другую его половину составляет здравый смысл и кропотливая работа. Многие события в истории можно правильно понять только тогда, когда известны характеры лиц, принимавших в них участие.

При написании этой главы я основывался главным образом на своих личных заметках и воспоминаниях. До января 1942 г. я занимал должность начальника штаба у фельдмаршала фон Клюге, который командовал 4-й армией на центральном участке фронта. Я пользовался также военным дневником майора фон Вьенковского, служившего в то время в 4-й армии. Однако прежде чем перейти к рассмотрению Московской битвы, на мой взгляд, совершенно необходимо проанализировать ход событий, которые привели к столь грандиозному поражению немецких войск.

Гитлер и Восток

В январе 1940 г. личный адъютант Гитлера генерал Шмундт рассказал мне о своем разговоре с фюрером относительно России. В своем дневнике я записал то, о чем мне сообщил тогда Шмундт. Отношение Гитлера к России во время той первой военной зимы 1939/40 г., когда эта страна все еще придерживалась дружественного нейтралитета, было следующим.

В течение целого поколения в России стояли у власти большевики. Этого времени было достаточно, чтобы перевоспитать русский народ и особенно русскую молодежь в соответствии с коммунистической идеологией. С разгромом Австро-Венгрии в 1918 г. исторический противник России и традиционный оплот Европы против Востока прекратил свое существование. Что касается веймарской Германии с ее стотысячной армией, то она не представляла какой-либо угрозы Советскому Союзу. В течение 20—30-х гг. Советы создали огромную армию, насчитывавшую в мирное время более миллиона человек, и постепенно увеличивали ее. Это предшествовало перевооружению Германии в 1935 г. и поэтому не может рассматриваться как ответ на введение Гитлером воинской повинности. Какова была цель создания такой огромной военной машины? Гитлер мог прийти только к одному заключению: Сталин намерен завоевать всю Европу. Так как вермахт являлся тогда единственным эффективным

барьером между Красной Армией и Европой, Гитлер считал, что миссия Германии — ликвидировать угрозу на Востоке и отбросить назад нависшие над Европой силы большевизма. Он пристально наблюдал за ходом событий в этом районе и готов был действовать, как только в этом возникнет необходимость [1].

Такова была его точка зрения зимой 1939/40 г. Гитлера ни в коем случае нельзя считать дальновидным государственным деятелем. Для него политика никогда не была средством для достижения определенной цели, а являлась прежде всего мечтой, и он, мечтатель, игнорировал время, пространство и ограниченность немецкой мощи. Он забывал, что сама Германия — всего лишь крохотная заплатка на огромном глобусе. Вероятно, вскоре после кампании в Польше его мечты всецело поглотил Восток. Пожалуй, он даже мысленно видел новую «германизацию» обширных восточных территорий, как это было в прошлые века. Но бескрайные степи, плохие дороги или почти полное бездорожье, огромные болота и лесные массивы и при всем этом стойкий, смелый русский солдат — этого он себе не представлял. В первую мировую войну он служил рядовым только на Западе и не был знаком с условиями Востока.

После молниеносных побед в Польше, Норвегии, Франции и на Балканах Гитлер был убежден, что сможет разгромить Красную Армию так же легко, как своих прежних противников. Он оставался глухим к многочисленным предостережениям. Весной 1941 г. фельдмаршал фон Рундштедт, который провел бóльшую часть первой мировой войны на Восточном фронте, спросил Гитлера, знает ли он, что значит вторгнуться в Россию. Главнокомандующий сухопутными силами Германии фельдмаршал фон Браухич и его начальник штаба генерал Гальдер отговаривали Гитлера от войны с Россией. С такими же предостережениями обращался к нему и генерал Кёстринг, который много лет жил в России, хорошо знал страну и самого Сталина. Но все это не принесло никаких результатов. Гитлер настаивал на своем.

---

[1] Пропагандистский прием реакционной историографии, распространяющей нелепые россказни о «красном империализме» Ложью о якобы существовавшей тогда угрозе со стороны Советского Союза бывшие гитлеровские генералы пытаются оправдать агрессию фашистской Германии (*Прим. ред.*)

Мне кажется, что нападение на Россию Гитлер серьезно задумал летом 1940 г. Он хотел, во-первых, нанести удар по русским, прежде чем они смогут напасть на Германию, и, во-вторых, завоевать жизненное пространство для увеличивавшегося населения Германии. Тогда об этом намерении знали только высшие политические и военные руководители. В некотором отношении план Гитлера зависел от заключения мира с Англией, о котором он все еще продолжал мечтать. Он знал, что успешное выполнение его намерений будет зависеть от безопасности Западного фронта. Война на два фронта означала поражение Германии. Но когда все надежды на реализацию этого важного условия провалились, когда стало совершенно ясно, что Англия никогда не заключит мира с гитлеровской Германией, фюрер все же не отказался от похода на Восток. Твердой рукой он взялся за штурвал и повел Германию на скалы полного поражения.

Несмотря на заключение германо-советского договора, между странами остался холодок недоверия. Однако отношения между Россией и Западом, особенно между Россией и Англией, были еще хуже. Во время русско-финской кампании Англия чуть было не объявила войну Советам. Теперь Гитлер решился на то, от чего воздержалась Англия. Приняв это роковое решение, Германия проиграла войну.

Подготовка к войне в 1940—1941 годах

В 1940 г., вскоре после окончания кампании на Западе, штаб группы армий «Б» под командованием фельдмаршала фон Бока был переведен в Познань. Спустя некоторое время в Варшаву был переброшен штаб 4-й армии фельдмаршала фон Клюге. До этого вдоль нашей восточной границы располагалось всего несколько дивизий, включая одну кавалерийскую. Они дислоцировались в крупных городах, как в мирное время, а вдоль границы принимались обычные меры безопасности. Красная Армия, располагавшаяся по ту сторону демаркационной линии, которая разделяла Польшу, вела себя так же мирно, как и наша армия. Было ясно, что ни та, ни другая сторона не помышляет о войне. Но едва прекратились военные действия во Франции, немецкие дивизии стали постепенно, но неуклонно перебрасываться на Восток.

До января 1941 г. ни фельдмаршал фон Клюге, ни его штаб не получали никаких указаний о подготовке к войне с Россией. Затем из штаба группы армий мы получили приказ с весьма осторожными формулировками, в котором намекалось на возможность кампании на Востоке и было много туманных фраз и общих положений.

С планом операции «Барбаросса» (условное обозначение вторжения в Россию) высшие командиры познакомились позднее. Весной 1941 г. все больше и больше дивизий перебрасывалось на Восток. Чтобы скрыть это от русских, они дислоцировались далеко от границы. Создавались штабы новых крупных соединений на Востоке, проводились штабные учения и тактические игры. Никаких сомнений относительно решения Гитлера напасть на Россию уже не оставалось, и штабы всех частей и соединений усилили свои приготовления к войне.

В эти месяцы создалась весьма странная атмосфера. Прежде всего мы себе ясно представляли, что повлечет за собой новая война. В первую мировую войну многие из нас еще младшими офицерами воевали в России, и поэтому мы знали, что ожидает нас. Среди офицеров чувствовалось какое-то беспокойство, неуверенность. Но долг службы требовал тщательной кропотливой работы. Все карты и книги, касающиеся России, вскоре исчезли из книжных магазинов. Помню, на столе фельдмаршала Клюге в Варшаве всегда лежала кипа таких книг. Наполеоновская кампания 1812 г. стала предметом особого изучения. С большим вниманием Клюге читал отчеты генерала де Коленкура об этой кампании[1]. В них раскрывались трудности ведения войны и даже жизнь в России. Места боев Великой армии Наполеона были нанесены на наши карты. Мы знали, что вскоре пойдем по следам Наполеона.

Изучали мы и русско-польскую войну 1920 г. Как начальник штаба 4-й армии я прочитал для офицеров нашего штаба ряд лекций на эту тему, иллюстрируя ход событий подробными схемами и картами. Припятские болота сыграли важную роль в этой войне. Огромный район болот и лесов, простирающийся от Бреста до Днепра и едва ли не равный по площади всей Баварии,

---

[1] Арман де Коленкур. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Госполитиздат, М., 1943. *(Прим. ред.)*

теперь не был совершенно непроходим, как раньше. Во время первой мировой войны мы проложили себе путь через эту территорию и вскоре снова собирались пройти по нему.

Наша подготовка к проведению операции «Барбаросса» была частично прервана весной в связи с так называемым Балканским инцидентом. Помня о Галлиполи[1], Гитлер боялся, что англичане попытаются еще раз совершить диверсию в этом уголке Европы. Он учитывал вероятность высадки противника в Греции, которая могла бы дать англичанам возможность продвинуться через Болгарию на север и нанести удар в тыл наступающей на Восток группе армий «Юг» фельдмаршала фон Рундштедта. Чтобы избежать этого и обеспечить безопасность румынской нефти, он стремился укрепить политические и военные узы, которые связывали балканские государства с Германией.

Что касается Румынии, то генерал Антонеску полностью одобрял планы Гитлера. В Бухарест была послана немецкая военная миссия для реорганизации румынской армии. Антонеску был озабочен тем, чтобы вернуть назад Бессарабию, оккупированную русскими в 1940 г. Он надеялся присоединить к Румынии и часть Украины. Имея все это в виду, Антонеску подписал пакт о союзе с Германией.

Отношение болгар было более сдержанным, так как они не хотели вызывать гнева ни Англии, ни Германии. В качестве приманки Гитлер предложил Болгарии Салоники и утраченные ею территории во Фракии[2]. После долгих переговоров болгары, наконец, согласились разрешить немецким войскам пройти через территорию их страны, чтобы нанести удар по английским войскам в

---

[1] Галлиполи — Галлипольский полуостров в турецкой Фракии, где в 1915 г. при поддержке флота высадились англо-французские войска с целью захватить Константинополь и вывести из войны Турцию, являвшуюся в первой мировой войне союзницей Германии. Операция успеха не имела. (*Прим. ред.*)

[2] Фракия — область в восточной части Балканского полуострова. Ее западная часть в результате балканских войн 1912—1913 гг. была присоединена к Болгарии, что дало выход Болгарии к Эгейскому морю. После первой мировой войны решением держав Антанты, закрепленным на Лозаннской конференции 1922—1923 гг., Западная Фракия была присоединена к Греции, и Болгария лишилась единственного выхода к Эгейскому морю. (*Прим. ред.*)

Греции. В Албании греко-итальянская война зашла в тупик с преимуществом, пожалуй, для греческой стороны. Много неприятных хлопот причинила Гитлеру Югославия. Еще в 1939 г. регент Югославии принц Павел был принят в Берлине с большими почестями. Гитлер рассчитывал, что принц Павел будет поддерживать нейтралитет. Но неожиданно, вероятно не без вмешательства Лондона или Москвы, в Югославии создалась революционная ситуация. Правительство принца Павла было свергнуто, и страна перестала быть нашим потенциальным союзником. Такое положение сразу же поставило под угрозу коммуникации немецких армий в Румынии и Болгарии. Гитлер действовал без промедления. Немецкие войска вторглись в Югославию, и ее храбрая армия вскоре была разгромлена. Этому в немалой степени способствовала национальная вражда между сербами и хорватами.

В мою задачу не входит детальное рассмотрение непродолжительной Балканской кампании. Значение ее в том, что она до некоторой степени задержала наше вторжение в Россию. Так как эта кампания продолжалась очень недолго и окончилась успешно, дивизии, использованные на Балканах, опять вернулись в исходные районы. Что касается нескольких танковых дивизий, проделавших длительный марш через горы Греции, то их танковый парк нуждался в длительном ремонте и пополнении.

Начало операции «Барбаросса» намечалось предварительно на 15 мая. Это была самая ранняя дата, так как приходилось ждать, пока высохнут дороги после весенней распутицы. Механизированные части застряли бы в апреле, когда вздуваются реки и ручьи и огромные просторы западной России покрываются вешними водами. Балканская кампания задержала начало войны с Россией на пять — пять с половиной недель.

Но если бы даже и не было Балканской кампании, все равно начало войны с Россией, очевидно, пришлось бы отсрочить, так как в 1941 г. оттепель наступила поздно и река Буг на участке 4-й армии вошла в свои берега только в начале июня. День «Д» был, наконец, назначен на 22 июня, что почти совпадало с началом похода Наполеона в 1812 г.[1].

---

[1] Армия Наполеона вторглась в пределы России 24 июня 1812 г. (*Прим. ред.*)

В связи с Балканской кампанией и поздней весной мы потеряли немало бесценных недель. Оставалось лишь несколько месяцев для эффективного использования наших механизированных войск. С июня по конец сентября условия в России исключительно благоприятны для ведения маневренной войны. Таким образом, мы располагали всего четырьмя месяцами. В октябре начинается осенняя распутица и движение чрезвычайно затрудняется, так как тяжелые машины вязнут в грязи. Период морозов — с ноября по февраль — благоприятствует военным действиям, но только в том случае, если снаряжение, оружие и транспортные средства приспособлены для ведения войны в холодную погоду, а войска одеты и подготовлены для ведения боевых действий так, как русская армия.

Несмотря на тщательное изучение русских условий, мы были поражены суровостью двух периодов распутицы — весной и осенью. В данном случае опыт, полученный в первую мировую войну, не только не принес нам пользы, но даже ввел нас в заблуждение. Тогда мы воевали с царской армией главным образом на территории Польши, а не в глубине России, где климат гораздо суровее.

Наконец, о моральном состоянии наших войск. Нет никакого сомнения в том, что наши командиры и войска были обеспокоены перспективой новой кампании. У всех создалось впечатление, что мы отправляемся в таинственно-жуткую страну, страну без конца и края. Однако это не мешало нам самым тщательным образом готовиться к войне. Все, что можно было сделать перед началом кампании, было сделано.

Россия и русские

К оценке сил противника следует подходить очень осторожно. Лучше переоценить их, чем недооценить. Нужно предположить, что на самом деле противник может оказаться значительно сильнее, чем мы представляли себе. Неспособность правильно оценить противника может привести к неприятным неожиданностям.

Житель Востока многим отличается от жителя Запада. Он лучше переносит лишения, и эта покорность порождает одинаково невозмутимое отношение как к жизни, так и к смерти.

Его образ жизни очень прост, даже примитивен по сравнению с нашими стандартами. Жители Востока придают мало значения тому, что они едят и во что одеваются. Просто удивительно, как долго могут они существовать на том, что для европейца означало бы голодную смерть. Русский близок к природе. Жара и холод почти не действуют на него. Зимой он защищает себя от сильной стужи всем, что только попадается под руку. Он мастер на выдумку. Чтобы обогреться, он не нуждается в сложных сооружениях и оборудовании. Крепкие и здоровые русские женщины работают так же, как мужчины.

Близкое общение с природой позволяет русским свободно передвигаться ночью в туман, через леса и болота. Они не боятся темноты, бесконечных лесов и холода. Им не в диковинку зимы, когда температура падает до минус 45°C.

Сибиряк, которого частично или даже полностью можно считать азиатом, еще выносливее, еще сильнее и обладает значительно большей сопротивляемостью, чем его европейский соотечественник. Мы уже испытали это на себе во время первой мировой войны, когда нам пришлось столкнуться с сибирским армейским корпусом. Для европейца с Запада, привыкшего к небольшим территориям, расстояния на Востоке кажутся бесконечными. Гражданин США привык мыслить категориями огромных степей и прерий, и потому он не разделит этого чувства, близкого к ужасу. Ужас еще усиливается меланхолическим, монотонным характером русского ландшафта, который действует угнетающе, особенно мрачной осенью и томительно долгой зимой.

Психологическое влияние этой страны на среднего немецкого солдата было очень сильным. Он чувствовал себя ничтожным, затерянным в этих бескрайних просторах. Уроженцы Восточной Германии значительно легче акклиматизировались в этом странном новом мире, так как Восточная Германия географически является связующим звеном между Россией и Западом. Солдаты из других земель Германии, как и их отцы в первую мировую войну, тоже научились приспособляться к местным условиям. Россия явилась истинным испытанием для наших войск. Это была тяжелая школа. Человек, который остался в живых после встречи с русским солдатом и русским кли-

матом, знает, что такое война. После этого ему незачем учиться воевать.

Все войны, которые вела Россия, были жестокими и кровопролитными. Во время Семилетней войны Фридрих Великий научился уважать боевые качества русского солдата. Наполеон считал Бородинское сражение самым кровопролитным из всех своих битв. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. была такой же жестокой, как и русско-японская война в начале XX века. В этих двух войнах потери были огромны. Во время первой мировой войны мы близко познакомились с русской царской армией. Я приведу малоизвестный, но знаменательный факт: наши потери на Восточном фронте были значительно больше потерь, понесенных нами на Западном фронте с 1914 г. по 1918 г. Русский генералитет тогда качественно уступал немецкому, и тактика огромных армий в наступлении была негибкой. Зато в обороне русская армия отличалась замечательной стойкостью. Русские мастерски и очень быстро строили фортификационные сооружения и оборудовали оборонительные позиции. Их солдаты показали большое умение вести бой ночью и в лесу. Русский солдат предпочитает рукопашную схватку. Его физические потребности невелики, но способность, не дрогнув, выносить лишения вызывает истинное удивление.

Таков русский солдат, которого мы узнали и к которому прониклись уважением еще четверть века назад. С тех пор большевики систематически перевоспитывали молодежь своей страны, и было бы логично предположить, что Красная Армия стала более крепким орешком, чем царская армия.

Русские внимательно изучили прежние кампании, и мы ожидали, что их высшие командиры извлекут уроки из прошлого опыта. Но средний и младший командный состав, по мнению наших наблюдателей, был слабо обучен и не имел боевого опыта.

Нам было очень трудно составить ясное представление об оснащении Красной Армии. Русские принимали тщательные и эффективные меры безопасности. Гитлер отказывался верить, что советское промышленное производство может быть равным немецкому. У нас было мало сведений относительно русских танков. Мы понятия не имели о том, сколько танков в месяц способна произвести русская промышленность.

Трудно было достать даже карты, так как русские держали их под большим секретом. Те карты, которыми мы располагали, зачастую были неправильными и вводили нас в заблуждение.

О боевой мощи русской армии мы тоже не имели точных данных. Те из нас, кто воевал в России во время первой мировой войны, считали, что она велика, а те, кто не знал нового противника, склонны были недооценивать ее.

Как отнесется к нам гражданское население России, мы не знали. В 1914—1918 гг. русское население относилось к нам мягко и лояльно. Однако никто не мог сказать, насколько оно изменилось за эти годы.

Стратегический замысел

В 1941 г. немецкая армия все еще состояла главным образом из чисто пехотных дивизий, которые передвигались в пешем строю, а в обозе использовались лошади. Только небольшую часть армии составляли танковые и моторизованные дивизии. Поэтому перед нами встала проблема: как покрыть огромные расстояния за то небольшое время, которое оставалось в нашем распоряжении? Протяженность фронта тоже была громадной — от Карпат до Балтийского побережья у Мемеля. Конфигурация границы совершенно исключала возможность немедленного охвата или окружения противника. Приходилось наносить только фронтальные удары.

В июне 1941 г., по нашим данным, русские имели 160 стрелковых и 30 кавалерийских дивизий и 35 моторизованных и танковых бригад. Часть этих сил дислоцировалась вдоль дальневосточной границы. Общая численность людских ресурсов, подлежащих мобилизации, составляла 12 миллионов. Мы полагали, что у русских больше танков, чем у нас, но что их танки качественно уступают нашим, хотя другие виды оснащения русских войск считались хорошими. Ни авиация, ни военно-морской флот русских не представляли для нас большой угрозы. Плохо знали мы и организацию Красной Армии.

Наша главная стратегическая проблема, как я уже сказал, заключалась в том, чтобы разгромить противника на огромном театре военных действий в течение ограниченного времени, имевшегося в нашем распоряжении. Мы располагали всего несколькими месяцами для того,

чтобы разгромить огромные русские армии западнее Днепра и Западной Двины. Если они смогут отойти нетронутыми за эти водные барьеры, мы столкнемся с той же проблемой, которая стояла перед Наполеоном в 1812 г. В таком случае трудно будет сказать, когда закончится война на Востоке.

Гитлер подходил к войне с чисто экономических позиций. Он хотел завладеть богатой хлебом Украиной, индустриальным Донецким бассейном, а затем и кавказской нефтью.

Браухич и Гальдер смотрели на войну с совершенно иной точки зрения. Они хотели сначала уничтожить Красную Армию, а потом уже бороться за достижение экономических целей. Однако как план Гитлера, так и план его ближайших военных советников требовал сосредоточения основных сил немецких войск севернее Припятских болот. Там было намечено развернуть две группы армий, причем сильнее должна была быть группа армий, действующая на правом фланге. Их задача состояла в том, чтобы танковыми соединениями нанести удар по противнику на обоих флангах, окружить его западнее верхнего течения Днепра и Западной Двины и воспретить его отход на восток. Одновременно другие соединения группы армий «Север» должны были захватить Ленинград и соединиться с финнами, уничтожив все русские войска в районе Балтийского моря. Только после этого намечалось наступление немецких войск на Москву с запада и севера.

К югу от Припятских болот группа армий «Юг» должна была нанести фронтальный удар и продвигаться в восточном направлении.

Дальнейшее планирование было бесполезным, так как ход кампании зависит от успехов, достигаемых в начале военных действий. Итак, разногласия между Гитлером и верховным командованием относительно планов войны остались неразрешенными даже после того, как наши войска перешли русскую границу.

Позже, летом, эти разногласия послужили причиной больших трений и привели к самым печальным последствиям.

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению нашей группировки войск и наших оперативных планов, мне кажется, было бы интересно привести здесь мнения

некоторых наших высших офицеров, высказанные в то время.

Фельдмаршал фон Рундштедт, командовавший группой армий «Юг» и после фельдмаршала фон Манштейна наш самый талантливый полководец во время второй мировой войны, в мае 1941 г. сказал о приближающейся войне следующее:

«Война с Россией — бессмысленная затея, которая, на мой взгляд, не может иметь счастливого конца. Но если, по политическим причинам, война неизбежна, мы должны согласиться, что ее нельзя выиграть в течение одной лишь летней кампании. Вы только посмотрите на эти огромные пространства. Мы не можем разгромить противника и оккупировать всю западную часть России от Балтийского до Черного моря за какие-нибудь несколько месяцев. Мы должны подготовиться к длительной войне и постепенно достигать своих целей. Прежде всего сильная группа армий «Север» должна захватить Ленинград. Это даст нам возможность соединиться с финнами, уничтожить красный Балтийский флот и усилить свое влияние в скандинавских странах. Группы армий «Юг» и «Центр» должны продвинуться пока только до линии Одесса — Киев — Орша — озеро Ильмень. Если затем окажется, что в этом году у нас еще останется время, мы будем наступать на Москву: с северо-запада — группой армий «Север» и с востока — группой армий «Центр». Все дальнейшие операции можно отложить до 1942 г., когда мы сможем разработать новые планы, основанные на реальной обстановке».

Моим непосредственным начальником в 4-й армии был фельдмаршал фон Клюге, который позже командовал 4-й танковой армией при ее наступлении на Москву. Свое мнение он высказал в следующих выражениях:

«Москва — голова и сердце советской системы. Она не только столица, но и важный центр по производству различных видов оружия. Кроме того, Москва — важнейший узел железных дорог, которые расходятся во всех направлениях, в том числе и на Сибирь. Русские вынуждены будут бросить на защиту столицы крупные силы. Поэтому я считаю, что все свои силы мы должны бросить на Москву, наступая через Минск, Оршу и Смоленск. Если мы захватим Москву до наступления холодов, можно будет

считать, что мы для одного года достигли очень многого. Затем нужно будет подумать и о планах на 1942 г.».

Критические замечания, сделанные после 1945 г. военными деятелями других стран, тоже представляют известный интерес. Одна из теорий состоит в том, что нам следовало сосредоточить внимание на захвате бассейнов Черного и Балтийского морей силами авиации и флота. Здесь сухопутные силы должны были играть второстепенную роль. Такие действия привели бы к изоляции России. Однако этот план был неосуществим, так как наши ВВС и ВМС были слишком слабы. Далее считалось необходимым быстро разгромить Россию. Если учесть особенности географического положения Германии, то продолжительная война должна была оказаться для нее роковой. Затяжную войну могут позволить себе вести только великие морские державы, так как они неприступны и не могут быть подвергнуты экономическому удушению.

Моя личная точка зрения по этому вопросу заключалась в следующем.

В 1941 г. нам нужно было захватить районы Москвы и Ленинграда и удерживать столицу противника, его крупнейший железнодорожный узел и два важнейших города. Этого можно было достигнуть путем развертывания основной массы наших сил в районах действий групп армий «Север» и «Центр». Основная задача группы армий «Юг» во время кампании 1941 г. заключалась бы только в продвижении на восток южнее Припятских болот и в прикрытии правого фланга группы армий «Центр». Поэтому не могло быть и речи о попытке захватить южную часть России в этом году.

Каждый из этих планов имел свои преимущества и недостатки. Планирование военных операций было трудным делом даже в лучшие времена, и, разумеется, оно отнюдь не облегчилось теперь, когда на военные решения оказывают влияние политические и экономические факторы.

Руководящий состав группы армий «Центр»

Моей темой является Московская битва, и поэтому я ограничусь тем, что в общих чертах нарисую портреты людей, на которых была возложена ответственность за захват русской столицы. Хотя боевые действия группы армий «Центр» были тесно связаны с действиями групп

армий «Север» и «Юг», здесь мы коснемся лишь группы армий «Центр», которой командовал фельдмаршал фон Бок.

Бок — один из самых выдающихся военных талантов. Как Рундштедт и Манштейн, он блестяще руководил операциями крупного масштаба. В первую мировую войну в течение некоторого времени он был на Западном фронте начальником оперативного отдела штаба армии, которой командовал германский крон-принц. Бок — высокий стройный человек, типичный пруссак старой закалки. Подвижной и язвительный, он выражал свои мысли четко и ясно. Бок выглядел моложе своих лет — ему можно было дать не больше сорока. Однако здоровье его было не в порядке (он страдал болезнью желудка).

Фельдмаршал фон Клюге — энергичный офицер традиционного склада. Он был скорее талантливым тактиком, чем выдающимся стратегом. Фельдмаршал не курил и почти не прикасался к спиртным напиткам. Какой бы тревожной ни была обстановка, он всегда рано ложился спать и рано вставал. Как и Роммель, фон Клюге чувствовал себя счастливым, находясь среди войск, на передовой. Иногда он лично на себя принимал руководство боевыми действиями отдельных частей и соединений, что затрудняло работу его штаба. Правда, он всегда следил за тем, чтобы его начальнику штаба были известны те приказы, которые он отдавал на месте. Фельдмаршал страстно любил авиацию и гордился своей нашивкой с изображением крыла, заслуженной им в первую мировую войну. В шутку он часто сравнивал себя с наполеоновским маршалом Неем. Как и Нею, ему было неведомо чувство страха Без тени колебания он летал и ездил под огнем противника. Посещая свои войска, он всегда брал с собой палатку, печку, продовольствие и воду, а также бронеавтомобиль, автомашину с радиостанцией и одного или двух посыльных — мотоциклистов. Таким образом, он не зависел от своего штаба и ночевал там, где его заставала ночь. Фон Клюге был несколько раз ранен, неоднократно попадал в автомобильные и авиационные катастрофы. Это был неутомимый и решительный человек.

Генерал-полковник Гудериан командовал 2-й танковой группой, которая действовала в тесном взаимодействии с 4-й армией фон Клюге Еще до войны он стал одним из создателей немецких бронетанковых войск и счи-

тался прирожденным танкистом-военачальником. На всех танках и автомобилях его группы стояла буква «G» — первая буква его фамилии. Как один из командующих немецкими бронетанковыми войсками в польской кампании и во Франции он приобрел лестную репутацию. С ним нелегко было иметь дело, так как временами генерал был невероятно упрям — по-видимому, у выдающихся личностей эта черта встречается нередко. Блестящий полководец, генерал пользовался большой популярностью среди личного состава бронетанковых войск.

Генерал-полковник Штраус командовал 9-й армией, которая действовала севернее 4-й армии фон Клюге. Это был спокойный, осторожный и опытный командующий. С его армией взаимодействовала 3-я танковая группа генерал-полковника Гота. Гот также был выдающимся танкистом и уравновешенным, педантичным человеком.

О командующем 4-й танковой группой генерал-полковнике Гёпнере речь впереди. Его войскам удалось ближе всех подойти к Москве. Он тоже считался энергичным военным руководителем.

Нет необходимости говорить о том, что в ходе войны между отдельными генералами возникали различные разногласия. Это, однако, не мешало согласованной работе их штабов. По мере наших сил и способностей мы всегда безотказно помогали друг другу.

Группировка немецких войск в июне 1941 года

Группа армий «Юг». Под командованием фельдмаршала фон Рундштедта находились четыре полевые армии и одна танковая группа генерала фон Клейста. Немецко-румынская 11-я армия располагалась в районе Яссы, венгерская армия — в Карпатских горах, 17-я армия генерала фон Штюльпнагеля — к северу от Карпатских гор и 6-я армия генерала фон Рейхенау — между 17-й армией и Люблином. Танковая группа Клейста дислоцировалась в Галиции западнее Томашува.

Задача группы армий «Юг»: наступать в восточном направлении южнее Припятских болот, сосредоточивая свои основные усилия на левом фланге и имея целью захватить Киев.

Группа армий «Центр». Состав и дислокация группы армий фельдмаршала фон Бока будет детально

рассмотрена ниже. Она располагалась севернее Припятских болот и должна была наступать на Москву.

Группа армий «Север». Фельдмаршал Риттер фон Лееб имел под своим командованием 16-ю армию генерала Буша и 18-ю армию генерала Кюхлера, а также 4-ю танковую группу генерала Гёпнера. Эта группа армий располагалась между Сувалками и Мемелем. Она должна была наступать на Ленинград, а затем повернуть на юг.

Военно-воздушные силы. Каждую группу армий поддерживал один воздушный флот. 4-й воздушный флот под командованием генерал-полковника Лёра поддерживал группу армий «Юг»; 2-й воздушный флот фельдмаршала Кессельринга, самый сильный из трех воздушных флотов, поддерживал группу армий «Центр», а 1-й воздушный флот под командованием генерал-полковника Коллера — группу армий «Север».

Численный состав. На 21 июня 1941 г. немецкое верховное командование имело в своем распоряжении около 135 дивизий. Большинство из них, а именно: 80 пехотных, 15 моторизованных, 17 танковых дивизий и одна кавалерийская дивизия — находились на Восточном фронте или на пути туда. Кроме этих войск, имелось еще несколько охранных дивизий, предназначавшихся для несения гарнизонной службы на территории, которую мы должны были оккупировать [1].

Группа армий «Юг» насчитывала 25 пехотных, 4 моторизованных, 5 танковых и 4 горно-стрелковых дивизий. Все эти дивизии были немецкими. В группу армий «Юг» входили также венгерский корпус, словацкая дивизия и позже итальянский корпус. Румынская армия маршала Антонеску находилась в оперативном подчинении фельдмаршала Рундштедта. Перед фронтом группы армий «Юг» находились превосходящие силы русских под командованием маршала Буденного.

В группе армий «Центр», самой сильной из трех групп армий, было 30 пехотных, 15 танковых или моторизован-

---

[1] Приводимые Блюментритом данные о количестве дивизий, имевшихся в Германии на 21 июня 1941 г., явно занижены. По трофейным материалам (карты оперативного управления немецкого генерального штаба сухопутных сил) установлено, что весной 1941 г. на советско-германском фронте гитлеровская Германия имела 214 дивизий. (*Прим. ред.*)

ных дивизий и одна кавалерийская дивизия. Перед фронтом этой группы армий располагались русские войска маршала Тимошенко, которые по своей численности имели лишь незначительное превосходство над немецкими.

Группа армий «Север» состояла из 21 пехотной и 6 танковых или моторизованных дивизий. По численности личного состава она значительно уступала русским войскам, которыми командовал маршал Ворошилов.

Три наших воздушных флота насчитывали около 1200 самолетов [1].

Группировка войск группы армий «Центр»

За несколько дней до 21 июня командующие армиями и командиры соединений заняли свои места на командных пунктах. Группа армий «Центр», состоявшая из 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп (группа — соединение больше корпуса, но меньше армии), должна была наступать на восток с задачей захватить советскую столицу. В дальнейшем мы будем рассматривать действия этой группы армии, особенно 4-й армии и двух танковых групп.

Час «Ч» был назначен на 3 часа 30 минут 22 июня. К этому времени командующий группой армий «Центр» передвинулся со своим штабом в Варшаву. Штаб Клюге выехал из бывшей польской столицы и расположился к западу от Бреста. Штабы Гудериана и Гота находились близ демаркационной линии.

Оценивая дислокацию наших войск, Клюге заметил: «Наши боевые порядки не глубоки. Мы не располагаем такими мощными резервами, как во время войны на Западе. Чем дальше мы будем продвигаться на восток, тем шире будет наш фронт и тоньше линия наших наступающих войск. Поэтому очень важно, чтобы наши войска действовали компактно и не рассредоточивались, даже если будут возникать бреши между нами и соседними армиями».

Это была точная оценка обстановки. Территория Европейской России имела такую форму, что мы должны

---

[1] Количество самолетов тоже сильно занижено. Всего на советско-германском фронте действовало около 5000 боевых самолетов. (*Прим. ред.*)

были наступать по коридору, вначале зажатому с двух сторон Черным и Балтийским морями, а затем все время расширяющемуся по мере нашего продвижения на восток.

Наш оперативный план заключался в следующем. Две танковые группы располагались на флангах двух полевых армий: группа Гудериана на правом фланге 4-й армии, в районе Бреста, группа Гота на левом фланге 9-й армии, западнее Сувалки. Эти танковые группы должны были прорвать оборону противника и с максимальной скоростью продвигаться на Минск, где эти гигантские клещи должны были замкнуться, окружив таким образом как можно больше русских войск. Пехотные корпуса 4-й и 9-й армий должны были осуществлять более или менее ограниченные обходные движения с целью уничтожения отдельных частей и соединений Красной Армии непосредственно на границе или вблизи от нее. Правый фланг, который и без того был надежно прикрыт Припятскими болотами, должны были прикрывать небольшие силы. Таков был наш основной план боевых действий.

Час «Ч»

Напряжение в немецких войсках непрерывно нарастало. Как мы предполагали, к вечеру 21 июня русские должны были понять, что происходит, но на другом берегу Буга перед фронтом 4-й армии и 2-й танковой группы, то есть между Брестом и Ломжей, все было тихо. Пограничная охрана русских вела себя как обычно. Вскоре после полуночи, когда вся артиллерия пехотных дивизий первого и второго эшелонов готова была открыть огонь, международный поезд Москва — Берлин беспрепятственно проследовал через Брест. Это был роковой момент.

Через три часа немецкие боевые самолеты поднялись в воздух, и вскоре только их бортовые огни виднелись далеко на востоке. Фельдмаршал фон Клюге и его штаб находились в расположении 31-й пехотной дивизии к северу от Бреста. К 3 часам 30 минутам — это был час «Ч» — начало светать, небо становилось каким-то удивительно желтым. А вокруг по-прежнему было тихо. В 3 часа 30 минут вся наша артиллерия открыла огонь. И затем случилось то, что показалось чудом: русская артиллерия не ответила. Только изредка какое-нибудь орудие

с того берега открывало огонь. Через несколько часов дивизии первого эшелона были на том берегу. Переправлялись танки, наводились понтонные мосты, и все это почти без сопротивления со стороны противника. Не было никакого сомнения, что 4-я армия и 2-я танковая группа застали русских врасплох.

Прорыв был осуществлен успешно. Наши танки почти сразу же прорвали полосу пограничных укреплений русских и по ровной местности устремились на восток. Только в Брестской крепости, где находилась школа ГПУ, русские в течение нескольких дней оказывали фанатическое сопротивление.

Чтобы скорее перейти к описанию Московской битвы, на боевых действиях следующего месяца я остановлюсь очень кратко.

Белостокско-Слонимский котел

Как я уже сказал, на фронте группы армий «Центр» русские были застигнуты врасплох. Когда начались боевые действия, наши радисты подслушали такой разговор русских по радио: «По нас стреляют! Что делать?» Старший начальник, которому был адресован этот вопрос, ответил: «Да вы с ума сошли! Кроме того, почему вы не кодируете разговор?»

Зато группа армий «Юг» сразу же натолкнулась на упорное сопротивление, и там развернулись тяжелые бои.

А у нас все шло по плану. Две танковые группы стремительным броском продвинулись далеко на восток, а затем повернули навстречу друг другу. В то же время часть сил танковой группы Гудериана продолжала двигаться вперед, хотя в тылу шел яростный бой с окруженными войсками русских. Гудериан стремился как можно скорее выйти к Минску, так как было важно не дать противнику отойти на восток, за Березину, Днепр и Западную Двину.

Пехота должна была выдерживать быстрый темп наступления. Переходы по 40 километров в день не были исключением, причем по ужаснейшим дорогам. Перед глазами у меня до сих пор стоит живая картина первых недель войны: невыносимая жара, огромные облака желтой пыли, поднимаемой колоннами отступающих русских войск и пытающейся догнать их немецкой пехотой. Иногда неожиданно выпадал дождь, превращая пыль на

дорогах в жидкую грязь. Но как только появлялось солнце, грязь опять превращалась в пыль.

Ко 2 июля было выиграно первое сражение, взято 150 тысяч пленных, захвачено и уничтожено около 1200 танков и 600 орудий. По нашему первому впечатлению, русский солдат был стойким бойцом. Однако русские танки не отличались совершенством, а что касается авиации, то ее в это время мы почти не видели.

Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои. Помогала им огромная территория страны с лесами и болотами. Немецких войск не хватало, чтобы повсюду создавать такое же плотное кольцо вокруг русских войск, как в районе Белостока — Слонима. Наши моторизованные войска вели бои вдоль дорог или вблизи от них. А там, где дорог не было, русские в большинстве случаев оставались недосягаемыми. Вот почему русские зачастую выходили из окружения. Целыми колоннами их войска ночью двигались по лесам на восток. Они всегда пытались прорваться на восток, поэтому в восточную часть кольца окружения обычно высылались наиболее боеспособные войска, как правило, танковые. И все-таки наше окружение русских редко бывало успешным [1].

О высоких темпах нашего наступления можно судить хотя бы по тому, что штабу 4-й армии в течение четырех дней дважды пришлось менять место своего пребывания, чтобы быть недалеко от района боевых действий. 24 июня наш штаб переместился в Каменец-Подольский, а 26 июня — в Пружаны.

Битва за Минск и прорыв «линии Сталина»

Перед Минским сражением и прорывом «линии Сталина» группа армий «Центр» прошла тщательную реорганизацию.

Как в старые времена, когда большие массы кавалерии, развивая достигнутый успех, продвигались далеко

[1] Это заявление Блюментрита опровергает вымышленные им цифры о количестве советских военнопленных в начальный период войны. См. также стр. 86 и 88. *(Прим. ред.)*

вперед, теперь было решено объединить танковые группы Гота и Гудериана и послать их как можно дальше на восток. Для управления этим танковым объединением был создан штаб, получивший наименование «4-я танковая армия». Командующим был назначен фельдмаршал фон Клюге. Он забрал с собой весь личный состав штаба 4-й полевой армии, которая со 2 июня стала называться 2-й армией. Командующим 2-й армией стал генерал-полковник Вейхс, штаб которого находился в Пружанах. Мы отправились в Минск и, прибыв туда 3 июля, приступили к выполнению новых функций.

Ожесточенное Минское сражение было в самом разгаре. Ликвидация окруженной крупной группировки противника была возложена на пехоту, а мы ринулись к Днепру и Западной Двине. Именно во время этого продвижения между 2 и 11 июля местность впервые причинила нашим танкам серьезные неприятности. Форсировать Березину с ее заболоченными берегами оказалось нелегко, так как почти все мосты были взорваны. В этой болотистой местности русские оказывали упорное сопротивление, и здесь мы впервые стали натыкаться на многочисленные мины. Все это задержало продвижение танков и позволило пехоте после Минского сражения опять догнать танковые соединения.

Гот и Гудериан долго не задерживались на одном месте. Несмотря на трудности, перечисленные выше, Гудериан быстро вышел к Днепру у Могилева и Орши. Несколько севернее Гот так же быстро достиг Западной Двины у Витебска и Полоцка. И вот танки подошли к так называемой «линии Сталина» — главной оборонительной полосе русских.

Однако эта линия не на всем своем протяжении была одинаково укреплена. Кроме того, для ее обороны у русских не хватало войск, несмотря на подкрепления, присылаемые с востока. Гудериан и Гот вскоре форсировали Днепр и Западную Двину. Путь в глубь России был открыт.

8 июля штаб 4-й танковой армии переместился в Борисов (на Березине). Здесь мы обнаружили следы армии Наполеона. В нескольких километрах севернее Борисова Великая армия Наполеона вынуждена была зимой 1812 г. форсировать замерзшую реку и понесла ужасные

потери. Когда воды в реке мало, до сих пор видны опоры мостов, некогда построенных французскими саперами.

Смоленское сражение

После того как 2-я танковая группа форсировала Днепр, а 3-я — Западную Двину, сопротивление русских возросло. Советское командование перебросило с востока сильные подкрепления и попыталось вновь захватить «линию Сталина». Я не буду детально описывать здесь эти боевые действия. Достаточно сказать, что тактика русских заключалась теперь, как правило, в нанесении ударов по флангам наших танковых колонн. Эти боевые действия продолжались с 12 по 30 июля, и даже в августе здесь спорадически вспыхивали отдельные бои.

Самым значительным из них было сражение в районе Смоленска, где была окружена большая группировка русских войск. В то время как основная масса двух танковых групп, отражая атаки русских на флангах, продолжала движение на восток, небольшие силы были выделены для усиления восточной стороны Смоленского котла. Две полевые армии после изнурительного марша, наконец, опять догнали танковые соединения. Они удерживали три стороны котла, в то время как наши танки блокировали выход из него близ Ярцево. И снова эта операция не увенчалась успехом. Ночью русские войска вырвались из кольца окружения и ушли на восток. Танковые войска не подходили для проведения такой операции, особенно на болотистой местности, прилегающей к Днепру.

13 июля штаб фельдмаршала Клюге переместился из Борисова в Толочин. Там нас посетил японский посол в Берлине генерал Осима. Нам было приказано принять все меры предосторожности, чтобы он не попал в беду. Однако он настоял, чтобы ему показали Днепр близ Орши, где посол попал под сильный артиллерийский огонь противника. Но Осима уцелел, и гордый, как Петрушка, возвратившись в наш штаб, показал фельдмаршалу фон Клюге свою самурайскую саблю.

10 июля 29-я моторизованная дивизия захватила Смоленск — наиболее важный из русских городов, пока что попавших в наши руки. 24 июля мы двинулись вперед. Теперь наш штаб размещался в палатках в лесу югозападнее Смоленска, всего в нескольких километрах от

линии фронта. Неподалеку от нас была старая дорога, по которой шел на Москву Наполеон.

В конце июля и начале августа мы потеряли несколько драгоценных недель, пока наше верховное командование размышляло о том, какой стратегии нам лучше всего придерживаться. Выше я уже говорил, что Гитлер стремился к достижению экономических целей: он хотел захватить Украину, Донецкий бассейн и, наконец, Кавказ. Эти районы находились в полосе наступления группы армий «Юг». Второстепенной целью Гитлера был захват Ленинграда, который на той фазе кампании, казалось, вот-вот падет и который по всей вероятности пал бы, если бы Гитлер не повторил ошибку Дюнкерка. Он приказал фельдмаршалу фон Леебу остановить немецкие танки перед самым Ленинградом.

Меньше всего Гитлер был заинтересован в Москве. Согласно его первоначальному плану группа армий «Центр» должна была остановиться на линии р. Десна и севернее, передать бо́льшую часть своих сил группе армий «Юг» и в этом году прекратить какие-либо наступательные действия в направлении Москвы. Поэтому 4-я танковая армия была расформирована, а штаб фельдмаршала фон Клюге переведен в резерв. Две танковые группы теперь подчинялись непосредственно командующему группой армий «Центр». Было предложено подчинить Клюге танковую группу Гудериана и новую полевую армию. Предполагалось, что это объединение будет наступать в юго-восточном направлении в полосе наступления группы армий «Юг» с целью разгромить сосредоточенные там крупные силы противника.

Главнокомандующий сухопутными силами фельдмаршал Браухич и его начальник штаба генерал Гальдер не одобрили этого плана. Браухич настаивал, чтобы группа армий «Центр» двигалась прямо на Москву, в захвате которой он видел основную цель всей кампании. Фельдмаршал фон Бок и штаб группы армий «Центр» разделяли эту точку зрения. Фельдмаршал фон Клюге предпочитал действовать в соответствии со стратегическим планом Гитлера. Эти разногласия вызывали острые столкновения. Потому-то принятие окончательного решения и задержалось на несколько недель.

А в это время разгорелись тяжелые бои между Днепром и Десной, между Западной Двиной и верхним тече-

нием Днепра. Постепенно наши войска закрепились на довольно прочной линии обороны, проходящей вдоль р. Десна к востоку от Рославля и Ельни и к западу от Дорогобужа. Эту линию, которая была продолжением рубежа, обороняемого расположенной несколько севернее 9-й армией, удерживали войска старой 4-й армии. 4-я армия была восстановлена, и фельдмаршал фон Клюге опять стал ее командующим. Теперь мы несли ответственность за удержание обороны вдоль Десны.

В течение второй половины августа и всего сентября 4-я армия вела бои на рубеже Десны, а 9-я армия оборонялась на правом берегу Днепра севернее Дорогобужа. К югу от нас вместе со 2-й армией вела бои 2-я танковая группа Гудериана, в то время как 3-я танковая группа Гота действовала во взаимодействии с 9-й армией. Не располагая достаточной поддержкой танков, мы вынуждены были перейти к позиционной обороне вдоль Десны, что требовало большого количества войск. Русские предпринимали яростные контратаки и все чаще и чаще прорывали тонкую линию нашей обороны. В критическом положении нас спасали только танковые части. Во время этих боев мы убедились, что в современной войне поддержка танков необходима пехоте не только в наступлении, но и в обороне.

Когда я говорю, что наша линия обороны была тонкой, я отнюдь не преувеличиваю. Дивизии обороняли полосу по фронту около 30 километров. Кроме того, в ходе боевых действий, особенно в районе Ельни, эти дивизии понесли тяжелые потери и имели теперь неполный состав. Что касается тактических резервов, то их просто не было.

Разногласия между Гитлером и его высшими военными советниками касались не только стратегии, но и тактики. В боевых действиях, рассчитанных на окружение крупных сил противника, мы захватывали много пленных и большие трофеи. И все-таки результаты были не такими значительными, как это могло бы показаться на первый взгляд. Во-первых, для окружения больших соединений противника требовались крупные танковые силы; во-вторых, такое окружение противника редко заканчивалось удачно, так как большие группы русских часто ускользали из котлов и уходили на восток. Поэтому Гитлер настаивал на окружении небольших групп противника, считая, что эта тактика будет более успешной,

В сентябре решился, наконец, вопрос о будущей стратегии. Был принят вариант, предложенный фельдмаршалом фон Браухичем. Итак, мы идем на Москву. Вопрос теперь заключался в том, успеем ли мы своими слабыми силами захватить все еще далекую столицу, прежде чем наступит суровая русская зима. Нам предстояло дорого заплатить за бесплодные споры, занявшие несколько недель августа и весь сентябрь.

Наконец, приказ был получен. Группа армий «Центр» должна была наступать на Москву. Начало операции намечалось на 2 октября. Итак, жребий брошен, великая битва вот-вот начнется. Увертюрой к ней должно было стать сражение за Вязьму.

Сражение за Вязьму

Пока среди немецкого верховного командования шел спор о том, что делать, русские построили новую оборонительную линию вдоль верхнего течения Днепра и Десны, то есть как раз перед фронтом группы армий «Центр». Эта линия представляла собой внешнее кольцо оборонительной системы, прикрывавшей Москву.

Наша задача — прорвать эту линию обороны, осуществить двойное окружение противника и до наступления зимы вступить в Москву.

Наши войска дислоцировались следующим образом. Находившаяся в районе Брянска и к югу от него 2-я армия вместе с приданной ей 2-й танковой группой Гудериана должна была нанести удар в направлении Орла и, овладев им, продвинуться на север. Слева располагалась 4-я армия Клюге с приданной ей танковой группой Гёпнера. Левый фланг 4-й армии проходил вдоль верхнего течения Днепра восточнее Смоленска. Эта армия, усиленная танками, должна была нанести основной удар по Москве. К северу от верхнего течения Днепра находилась 9-я армия Штрауса с приданной ей танковой группой Гота. Как и в прежних боях восточнее Буга, танковые группы Гёпнера и Гота были сосредоточены на внешних флангах полевых армий. Эти танковые соединения должны были двигаться сначала на восток, а затем повернуть навстречу друг другу с целью окружения Вязьмы. Полевые армии должны были повторить свою

старую тактику, которая прежде всегда оказывалась успешной. Эта тактика, как говорилось выше, заключалась в окружении мелких группировок противника внутри огромного кольца окружения, создаваемого танковыми соединениями. Как только клещи сомкнутся, танковые группы, не обращая внимания на бой с окруженным противником, который, безусловно, разгорится в котле в районе Вязьмы, должны будут продолжать с максимальной скоростью двигаться на Москву.

Наступление началось ранним утром 2 октября. Армии Клюге и Штрауса, усиленные танковыми группами, атаковали противника с поистине замечательной точностью. Войска действовали точно по планам, разработанным генеральным штабом. В этом сражении, проведенном, как на ученье, и происходившем между 2 и 13 октября, группа армий «Центр» захватила 650 тысяч пленных, 5 тысяч орудий и 1200 танков. Поистине астрономические цифры! [1]

Такие же потери русские понесли и на участках групп армий «Север» и «Юг». Неудивительно, что Гитлер, высшее командование и войска полагали, что материальные и людские ресурсы Красной Армии подходят к концу. Как нам сообщали пленные, это наступление, предпринятое в такое позднее время года, было для русских полной неожиданностью. Казалось, Москва вот-вот падет. В группе армий «Центр» все стали большими оптимистами. От фельдмаршала фон Бока до солдата все надеялись, что вскоре мы будем маршировать по улицам русской столицы. Гитлер даже создал специальную саперную команду, которая должна была разрушить Кремль. И все-таки можно только сожалеть, что министр пропаганды нашел уместным сделать напыщенное заявление, что война на Востоке, дескать, выиграна, а Красная Армия фактически уничтожена.

---

[1] Данные о потерях советских войск в первые месяцы войны (в том числе и в сражении под Вязьмой) вымышлены. Сводки германского верховного командования, на основе которых даются сведения о потерях, преследовали пропагандистские цели. Так, германская печать и радио в октябре 1941 г сообщали, что немецкие войска уже вступили в Москву и с Россией покончено. Приводя такие поистине астрономические цифры потерь, немецкое командование внушало народу и армии мысль о полном разгроме Советской Армии. *(Прим. ред.)*

Чтобы ясно представить себе размеры надвигавшейся катастрофы, следует обрисовать, каково было в тот момент психическое состояние наших командиров и войск. Начиная с 22 июня немецкая армия шла вперед от победы к победе и, несмотря на скверные дороги и плохую погоду, преодолела огромное расстояние от Буга до окрестностей Москвы. Так как большая часть армии передвигалась пешком с обозом на конной тяге, то уже один марш наших войск можно считать подвигом. И все это было сделано в течение каких-то трех с половиной месяцев, из которых несколько недель мы бездействовали, пока верховное командование обсуждало вопросы высшей стратегии. 12 октября, когда сражение за Вязьму в основном закончилось (остались лишь разрозненные очаги сопротивления русских), мы с гордостью могли смотреть на наше прошлое и с уверенностью — в будущее.

В середине октября все немецкие армии перешли в наступление на Москву. Наш штаб, находившийся в Рославле. когда началось сражение за Вязьму, 6 октября передислоцировался в Спас-Деменск, а 10 октября — в Юхнов. Через несколько дней вся группа армий «Центр» начала движение на восток. Между нами и русской столицей находилась так называемая «московская оборонительная позиция». У нас не было оснований считать, что этот орешек трудно будет разгрызть. Если нам удастся взять эти позиции, путь на Москву, как мы полагали, будет открыт.

Смена настроения

Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось. С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила. В течение последних недель сопротивление противника усилилось, и напряжение боев с каждым днем возрастало. Командование русскими войсками, прикрывавшими Москву, теперь принял маршал Жуков. За несколько недель его войска создали глубокоэшелонированную оборону, которая проходила через лес, примыкавший к р. Нара, от Серпухова на юге до Наро-Фоминска и далее на север. Тщательно замаскированные опорные пункты, проволоч-

ные заграждения и большие минные поля теперь заполняли огромный лесной массив, прикрывавший западные подступы к столице.

Из остатков потрепанных в тяжелых боях армий, а также свежих частей и соединений русское командование сформировало новые сильные армии. В армию были призваны московские рабочие. Из Сибири прибывали новые армейские корпуса. Большинство иностранных посольств и миссий, а также часть русского правительства были эвакуированы из Москвы на восток. Но Сталин со своим небольшим штабом остался в столице, которую он твердо решил не сдавать. Все это было для нас полной неожиданностью. Мы не верили, что обстановка могла так сильно измениться после наших решающих побед, когда столица, казалось, почти была в наших руках. В войсках теперь с возмущением вспоминали напыщенные октябрьские заявления нашего министерства пропаганды.

Стали раздаваться саркастические замечания по адресу военных руководителей, восседавших в Берлине. В войсках считали, что политическим руководителям пора побывать на фронте и своими глазами посмотреть, что там делается. Солдаты переутомились, а части, особенно пехотные, были не полностью укомплектованы личным составом. В большинстве пехотных рот численность личного состава достигала всего 60—70 человек. Войска понесли большие потери в конском составе, и теперь трудно стало перебрасывать орудия. В танковых дивизиях количество боеспособных танков было намного меньше штатной численности. Считая, что война с Россией по сути дела закончилась, Гитлер приказал сократить выпуск промышленностью военных материалов. На фронт, в боевые части, теперь поступало мизерное пополнение. Скоро должна была начаться зима, но о зимнем обмундировании мы и не слышали.

Слишком растянутые коммуникационные линии едва обеспечивали доставку нашим войскам необходимых предметов снабжения. Приходилось переделывать колеи русских железных дорог, которые были шире, чем колеи железных дорог в Западной Европе. Глубоко в нашем тылу, в огромных лесных и болотистых районах, начали действовать первые партизанские отряды. У нас не было достаточных сил и средств для борьбы с ними. Они нападали на транспортные колонны и поезда с предме-

тами снабжения, заставляя наши войска на фронте терпеть большие лишения.

Воспоминание о Великой армии Наполеона преследовало нас, как привидение. Книга мемуаров наполеоновского генерала Коленкура, всегда лежавшая на столе фельдмаршала фон Клюге, стала его библией. Все больше становилось совпадений с событиями 1812 г. Но эти неуловимые предзнаменования бледнели по сравнению с периодом грязи или, как его называют в России, распутицы, которая теперь преследовала нас, как чума.

Мы, конечно, знали, что нас ожидает распутица, — нам приходилось читать о ней в книгах. Но реальная действительность превзошла самые печальные опасения. Распутица началась в середине октября, во время боев в районе Вязьмы, и непрерывно усиливалась до середины ноября. Что такое русская распутица, невозможно рассказать человеку, который сам никогда не сталкивался с ней. В этом уголке мира проложено всего несколько шоссейных дорог. Вся территория страны покрывается непролазной липкой грязью. Пехотинец скользит на размокших от воды дорогах. Чтобы тащить орудия, нужно впрягать много лошадей. Все колесные машины глубоко погружаются в вязкую грязь. Даже тракторы передвигаются с большим трудом. Много тяжелых орудий застряло на дорогах и поэтому не было использовано в Московской битве. Танки и другие гусеничные машины часто засасывало грязью. Теперь нетрудно представить, какому напряжению подверглись наши уже измученные, истощенные войска.

И вдруг на нас обрушилась новая, не менее неприятная неожиданность. Во время сражения за Вязьму появились первые русские танки Т-34. В 1941 г. эти танки были самыми мощными из всех существовавших тогда танков. С ними могли бороться только танки и артиллерия. 37-*мм* и 50-*мм* противотанковые орудия, которые тогда состояли на вооружении нашей пехоты, были беспомощны против танков Т-34. Эти орудия могли поражать лишь русские танки старых образцов. Таким образом, пехотные дивизии были поставлены перед серьезной проблемой. В результате появления у русских этого нового танка пехотинцы оказались совершенно беззащитными. Требовалось по крайней мере 75-*мм* орудие, но его еще только предстояло создать. В районе Вереи танки Т-34 как ни в чем

не бывало прошли через боевые порядки 7-й пехотной дивизии, достигли артиллерийских позиций и буквально раздавили находившиеся там орудия. Понятно, какое влияние оказал этот факт на моральное состояние пехотинцев. Началась так называемая «танкобоязнь».

Нам уже было известно о приказе маршала Тимошенко, отданном с целью ободрить его войска после многих поражений. В этом приказе перечислялись слабые стороны немецких войск. Тимошенко разъяснял, что главная сила немцев — в их техническом мастерстве и вооружении. Один на один немецкий солдат слабее русского, писал маршал, он нервничает и становится робким, когда приходится вести бой ночью, в лесу или на болотистой местности. В этих видах боя русский солдат значительно сильнее немецкого. Все это, конечно, не совсем точно. Если бы это было так, мы не стояли бы у ворот Москвы. И все же в приказе Тимошенко содержалось зерно правды. Цивилизованный европеец во многих отношениях уступает более крепкому человеку Востока, закаленному близким общением с природой.

Наша авиация действовала превосходно. Однако теперь количество боеспособных самолетов уменьшилось, не хватало и посадочных площадок близ линии фронта, особенно во время распутицы. Резко возросло количество аварий при посадке и взлете самолетов. А русская авиация до сих пор почти не появлялась в воздухе.

26 октября фельдмаршал фон Клюге передвинул свой штаб из Юхнова в район Малоярославца, поближе к своим войскам. Позже, во время большого русского контрнаступления, его штаб чуть было не попал в плен. Между прочим, в 1812 г. через Малоярославец прошел Наполеон.

К концу октября ослабленный участок нашего фронта проходил вдоль Оки от Алексина и севернее, затем вдоль р. Нара до Наро-Фоминска, потом поворачивал на северо-запад и пересекал шоссейную дорогу, идущую на Москву через Рузу и Волоколамск. Эта линия фронта, по крайней мере временно, представляла собой границу наибольшего продвижения немецких войск, так как наша наступательная способность истощилась. Наши войска были ослаблены и утомлены. Русские армии занимали глубокоэшелонированную оборону в лесах, окружающих Москву. Часть нашей артиллерии застряла в грязи где-то

между Вязьмой и р. Нара. Но Москва была недалеко. Ночью было видно, как снаряды русской зенитной артиллерии разрывались над столицей.

Что же должно было произойти?

Совещание в Орше

В ноябре начальник генерального штаба созвал на совещание в Оршу начальников штабов трех групп армий, а также всех армий, участвовавших в боях на Восточном фронте. На повестке дня стоял роковой вопрос: должны ли немецкие армии окопаться вдоль существовавшей тогда линии фронта и ждать, пока весной не наступит благоприятная погода, или же продолжать наступление зимой.

Представитель группы армий «Юг» (ее командующим был фельдмаршал Рундштедт) выступил против дальнейших наступательных операций и настаивал на переходе к обороне. Группа армий «Север» была настолько ослаблена, что нечего было и думать о проведении наступательных действий на ее участке. Представители же группы армий «Центр» высказались за то, чтобы сделать последнюю попытку захватить Москву. Как только русская столица окажется в наших руках, говорили они, отдельные танковые дивизии надо направить восточнее города с целью перерезать основные железные дороги, связывающие Москву с Сибирью.

Мнения разделились. Конечно, перспектива войти в Кремль не могла не привлекать нас, но многие сомневались в способности наших ослабленных войск осуществить этот решающий удар.

Последняя попытка

После этого совещания вопрос о наступлении на Москву детально обсуждался с командирами частей и соединений. Фельдмаршал фон Клюге неоднократно посещал свои части на переднем крае и интересовался мнением даже унтер-офицеров.

Что касается наших людских ресурсов и боевой техники, то мы по-прежнему получали незначительные пополнения личного состава и вооружения. Но с октября дивизии немного отдохнули на своих позициях, удерживаемых ими в непосредственной близости от Москвы. Только правый фланг 4-й армии подвергался непрерывным атакам

противника в районе Серпухова и вдоль дороги Подольск — Малоярославец. На этом фланге было мало наших войск, и они с трудом отражали удары противника.

Целыми часами командующие армиями обсуждали создавшуюся обстановку. И вот принято окончательное решение — сделать последнюю попытку нанести решающий удар по Москве. Верховное командование считало возможным начать проведение операции лишь после того, как подморозит.

Расположение войск

Наступление на Москву планировалось осуществить войсками 4-й армии фон Клюге, которая в связи с этим была усилена.

Наш правый фланг, от Оки до Нары, прикрывали слабые силы. К югу от Оки 2-я танковая группа Гудериана, приданная 2-й армии, должна была продвигаться на Тулу и дальше на северо-восток. Главные силы 4-й армии были сосредоточены вдоль р. Нара, между дорогой Подольск — Малоярославец и автострадой Москва— Смоленск. Севернее этой шоссейной дороги и р. Москва, точнее, между Рузой и Волоколамском, сосредоточилась приданная 4-й армии Клюге 4-я танковая группа генерала Гёпнера.

Опыт прошлых боевых действий показал, что тесное взаимодействие между танковыми и пехотными соединениями дает хороший результат и поэтому танковой группе Гёпнера было подчинено несколько пехотных корпусов.

План операции заключался в следующем: усиленной 4-й танковой группе предстояло нанести удар в северном направлении, левее шоссейной дороги Москва — Смоленск, затем повернуть на восток и атаковать Москву с запада и северо-запада. В это время 4-я армия, форсировав р. Нара, должна была своими наступательными действиями сковать на этом участке фронта значительные силы противника.

Последнее наступление

К середине ноября период грязи закончился, и первые морозы возвестили о наступлении зимы. Теперь по дорогам и ровной местности могли двигаться боевые машины и транспортные средства всех видов. Далеко в нашем тылу тракторы вытаскивали из замерзшей грязи тяжелые

орудия, которые одно за другим перебрасывались к линии фронта. Впрочем, часто случалось и так, что, вытаскивая орудия из затвердевшей грязи, их буквально разрывали на части.

В первые дни наступление 4-й танковой группы развивалось успешно. С тяжелыми боями противник медленно отходил на восток. Севернее наступала 3-я танковая группа генерал-полковника Рейнгардта. Обе эти танковые группы подчинялись командующему 4-й армией фельдмаршалу фон Клюге. Таким образом, в его подчинении находилось 11 армейских корпусов, или 35 дивизий, из которых девять были танковыми. Правда, это были соединения неполного состава: не хватало людей и вооружения.

Около 20 ноября погода внезапно испортилась, и уже через ночь мы испытали все ужасы русской зимы. Термометр внезапно упал до —30° С. Резкое похолодание сопровождалось сильным снегопадом. Через несколько дней мы с горечью убедились, что началась русская зима. С увеличением трудностей темп наступления обеих танковых групп снизился, но все же они продолжали пробиваться к Москве. Бросив в бой свои последние резервы, они захватили Клин и вышли к каналу Москва — Волга. В этом районе их северный фланг внезапно атаковали свежие русские части.

В последние дни ноября наши передовые части, наступавшие на Москву, достигли Озерецкое, а разведывательные подразделения танковых частей проникли даже в западные окрестности Москвы. На этом выдохлась наступательная мощь обеих наших танковых групп.

Такова была обстановка вечером 28 ноября, когда генерал-полковник Гёпнер попросил фельдмаршала фон Клюге отдать приказ о наступлении войскам 4-й армии, расположенным вдоль р. Нара. Это наступление, считал Гёпнер, облегчит давление, оказываемое противником на обе танковые группы, и заставит русское командование перебросить часть своих сил с их участка в район действий 4-й армии. Детально обсудив эту просьбу со мной как со своим начальником штаба, 29 ноября фельдмаршал отдал приказ о переходе в наступление. Наступление началось утром следующего дня. Основной удар наносился по Наро-Фоминску. Танковый корпус поддерживал южное крыло наступавшей армии. Через несколько дней

после начала наступления пехота в нескольких местах прорвала глубокоэшелонированную оборону противника в лесу вдоль р. Нара. Однако ко 2 декабря стало ясно, что войск, находившихся в нашем распоряжении, явно недостаточно для выполнения поставленной перед ними задачи. Только разведывательному батальону 258-й пехотной дивизии удалось найти брешь в обороне русских. Он продвигался вперед в течение всей ночи и едва не достиг юго-западной окраины Москвы. Однако рано утром 3 декабря его атаковали русские танки и отряды московских рабочих.

Фельдмаршал решил приостановить наступление, перспективы которого в создавшейся обстановке стали безнадежными и которое могло привести только к напрасным потерям. Войскам 4-й армии, находившимся южнее шоссейной дороги, было приказано отойти на свои прежние позиции, расположенные за р. Нара. Отход был проведен успешно. Противник преследовал наши войска с большой осторожностью.

В той обстановке решение фельдмаршала фон Клюге нужно считать правильным. Через несколько дней маршал Жуков бросил русские войска в мощное контрнаступление[1]. Начатое 6 декабря, оно было направлено против двух танковых групп, расположенных северо-восточнее Москвы. Это был поворотный пункт нашей Восточной кампании — надежды вывести Россию из войны в 1941 г. провалились в самую последнюю минуту.

Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя. Но следует сказать, что и немецкая армия продемонстрировала высокую моральную стойкость в преодолении всех бедствий и опасностей, обрушившихся на нее.

Каждому солдату немецкой армии было ясно, что от исхода битвы за Москву зависит наша жизнь или смерть. Если здесь русские нанесут нам поражение, у нас не останется больше никаких надежд. В 1812 г. Наполеону все

---

[1] 5 декабря войска Калининского фронта, а 6 декабря войска Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов перешли в контрнаступление. (*Прим. ред.*)

же удалось вернуться во Францию с жалкими остатками своей разгромленной Великой армии. В 1941 г. немцам оставалось или выстоять, или же быть уничтоженными.

В то время русская пропаганда сводилась к разбрасыванию с самолетов листовок со скучным, грубо выполненным изображением покрытых снегом русских степей, усеянных трупами немецких солдат. Эта пропаганда не производила должного впечатления на наши войска. Четыре батальона французских добровольцев, действовавших в составе 4-й армии, оказались менее стойкими. У Бородина фельдмаршал фон Клюге обратился к ним с речью, напомнив о том, как во времена Наполеона французы и немцы сражались здесь бок о бок против общего врага. На следующий день французы смело пошли в бой, но, к несчастью, не выдержали ни мощной атаки противника, ни сильного мороза и метели. Таких испытаний им еще никогда не приходилось переносить. Французский легион был разгромлен, понеся большие потери от огня противника и от мороза. Через несколько дней он был отведен в тыл и отправлен на Запад.

Положение армий

Прежде чем перейти к рассмотрению дальнейших боевых действий, необходимо рассказать о немецких и русских войсках, участвовавших в сражении под Москвой в 1941 г., а также об условиях, в которых происходила Московская битва.

На нашем фронте ограниченная видимость ежедневно устанавливалась только на несколько часов. До 9 часов утра окрестности обычно бывали окутаны густым туманом. Постепенно пробивалось солнце, и только к 11 часам дня можно было кое-что увидеть. В 15 часов наступали сумерки, а через час опять становилось темно.

В районе Малоярославца у нас был аэродром, куда изредка прибывали транспортные самолеты из Смоленска, Орши и Варшавы. Они доставляли пополнения, но совершенно недостаточные для того, чтобы компенсировать наши ежедневные потери. Прибывавшие на самолетах солдаты были одеты в длинные брюки и ботинки со шнурками. Часто у них не было шинелей и одеял. Транспортные колонны дивизий ожидали пополнения на аэродромах и сразу же перебрасывали их на фронт, где в них чувствовалась острейшая необходимость. Нередко они оказы-

вались на фронте в ту же ночь. Таким образом, люди, всего два дня назад жившие в уютных казармах Варшавы, через 48 часов попадали на Московский фронт, который уже начал распадаться.

Еще в конце лета, когда фельдмаршал фон Браухич понял, что война на Востоке продлится и зимой, он убеждал Гитлера вовремя приготовить для наших войск необходимое зимнее снаряжение. Гитлер отказался внять здравому совету, так как был твердо убежден, что русских удастся победить до наступления холодов. Теперь даже в ставке Гитлера вдруг поняли, что война в России по сути дела только начинается и что придется, как это ни ужасно, воевать почти без зимней одежды. Гитлер начал отдавать категорические приказы о срочной отправке на Восточный фронт теплой одежды. В Германии повсеместно проводился сбор меховых и других теплых вещей. Но слишком поздно! Чтобы доставить войскам собранную одежду, нужны были не дни и даже не недели, а целые месяцы. Таким образом, солдатам суждено было провести свою первую зиму в России в тяжелых боях, располагая только летним обмундированием, шинелями и одеялами. Все, что имелось в оккупированных районах России — валенки, меховые шапки и шерстяное обмундирование,— было реквизировано, но оказалось каплей в море и почти не облегчило положения огромной массы наших солдат.

Со снабжением войск дела обстояли неважно. К нашему району боевых действий подходило всего несколько железных дорог, да и их часто перерезали партизаны. В паровых котлах паровозов, не приспособленных к условиям русского климата, замерзала вода. Каждый паровоз мог тащить только половину обычного количества вагонов. Многие из них, покрытые снегом и льдом, целыми днями простаивали в тупиках железнодорожных станций. Наша огромная потребность в артиллерийских снарядах удовлетворялась с трудом. В то же время, чтобы подбодрить солдат, из Франции и Германии доставлялись на Восточный фронт целые поезда с красным вином. Вы, конечно, представляете себе, какое отвратительное чувство возникало у солдат и офицеров, когда вместо снарядов, без которых войска буквально задыхались, им привозили вино. Впрочем, и вино нередко попадало на фронт в непригодном виде: при перевозке оно замерзало, бутылки

лопались, и от него оставались только куски красного льда.

Наши оборонительные позиции были почти лишены укрытий. Это сказалось на тактике обеих сторон, которые вели упорные бои за овладение населенными пунктами, где можно было найти хоть какое-нибудь укрытие от ужасного холода. Однако в конце концов такая тактика приводила к тому, что обе стороны подвергали эти деревни артиллерийскому обстрелу и поджигали деревянные дома и дома с соломенными крышами, лишая противника элементарных удобств. Закапываться же в землю нечего было и пытаться — земля затвердела, как железо.

Суровый климат оказывал воздействие и на оружие. Смазка на оружии загустевала так, что часто невозможно было открыть затвор, а глицерина или специальных масел, которые можно было бы использовать в условиях низких температур, у нас не было. Под танками ночью приходилось поддерживать слабый огонь, чтобы двигатели не замерзали и не выходили из строя. Нередко танки скользили по замерзшему грунту и скатывались под откос.

Вероятно, это краткое описание помогло читателю составить представление об условиях, в которых зимой 1941/42 г. немецкой армии приходилось вести боевые действия.

Русские находились в лучших условиях. Самое главное, что сильный холод не был для них новинкой — они привыкли к нему. Кроме того, сразу же позади них находилась Москва. Следовательно, линии снабжения были короткими. Личный состав большинства русских частей был обеспечен меховыми полушубками, телогрейками, валенками и меховыми шапками-ушанками. У русских были перчатки, рукавицы и теплое нижнее белье. По железным дорогам у русских курсировали паровозы, сконструированные с учетом эксплуатации их в Сибири, при низких температурах. Русские грузовые автомобили и танки, как и наши, были неудобны, но не до такой степени. Они были лучше наших приспособлены к русским условиям.

До сих пор мы еще мало видели русских самолетов, хотя в то время линия фронта проходила всего в нескольких минутах полета от московских аэродромов.

Таковы были условия, когда 6 декабря маршал Жуков предпринял роковое для нас мощное контрнаступление на Московском фронте.

Русское контрнаступление

Ожесточенные боевые действия на подступах к Москве, которые чуть было не привели к распаду большей части немецкого фронта, хронологически, в целях лучшего понимания происходивших событий, можно объединить в отдельные серии боев. Чтобы разобрать их детально, потребовалось бы написать целую книгу. Но чтобы понять битву за Москву в целом, их следует рассматривать в общих чертах. Строго говоря, Московская битва продолжалась до середины апреля 1942 г.

Русское контрнаступление началось с того, что превосходящие силы русских нанесли удар севернее Москвы. Они форсировали канал Москва — Волга с востока в направлении на Клин и атаковали левый фланг танковой группы генерала Рейнгардта в районе южнее волжских озер. Одновременно они атаковали и 4-ю танковую группу, расположенную южнее. Особенно сильный удар был нанесен из района Москвы в западном направлении вдоль шоссейной дороги Москва — Смоленск по стыку 4-й танковой группы и 4-й армии. В тех скверных условиях немецкие танковые войска не смогли выдержать сильнейшее давление русских и вынуждены были медленно отступать, продолжая вести упорные бои в глубоком снегу и надеясь восстановить единый фронт дальше на западе. При отступлении мы оставили много тяжелого вооружения. Редкие в этих местах дороги, покрытые толстым слоем снега, часто оказывались непроходимыми для наших орудий и танков. В боях с противником мы понесли тяжелые потери, но еще бóльшими были потери от мороза. Особенно часто солдаты обмораживали ступни ног, так как неудобная, плотно прилегающая к ногам обувь не давала возможности надевать больше одной пары носков. В конце концов даже Гитлер вынужден был дать согласие на отход двух танковых групп. В середине декабря русское наступление расширилось к югу. Новые атаки были предприняты против 4-й армии между Серпуховом и Тучково. Здесь противнику удалось добиться пока только местных успехов, и 4-я армия сумела удержать общую линию фронта.

Большая угроза нависла над южным участком фронта 4-й армии. Здесь потрепанная в прежних боях 2-я танковая армия Гудериана (бывшая 2-я танковая группа) была

атакована превосходящими силами противника. Русские начали сильное наступление в районе Тулы, задержать которое 2-я танковая армия была не в состоянии. Одна группа русских войск продолжала наступать на запад, а другая повернула на северо-запад в направлении Калуги. Русские войска, расположенные в районе Таруса — Алексин, тоже перешли в наступление. Здесь опять одна их группа устремилась на запад, в то время как другая повернула на северо-запад в направлении на Малоярославец и Медынь.

Намерения русских были понятны. Они планировали широкое двойное окружение 4-й армии путем нанесения ударов на севере и юге. Их окончательной целью было окружение и уничтожение этой армии на ее позициях западнее Москвы. Немецкое командование почти не надеялось избежать окружения и разгрома огромной южной группировки. Русские медленно расширяли брешь между 2-й танковой и 4-й полевой армиями. У фельдмаршала фон Клюге не было резервов, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над его южным флангом. Более того, 4-ю армию связывала с тылом только одна дорога. Она проходила через Юхнов, Медынь, Малоярославец и Подольск. Все остальные дороги в районе армии скрылись под толстым снежным покровом. Если бы русские, наступая с юга, сумели захватить нашу единственную жизненную артерию, с 4-й армией было бы покончено.

«4-я армия будет драться!»

Сложилась такая обстановка, что командование группой армий «Центр» должно было подумать об организации планомерного отхода всей усиленной 4-й армии в западном направлении. Необходимость этого логически вытекала из того, что 2-я танковая армия, расположенная южнее, вынуждена была отступать за Оку в районе Белева. На карте была проведена линия, проходящая грубо от Белева через Юхнов на р. Угра, на Гжатск и далее на север. На эту линию и должны были отойти войска 4-й армии. Был отдан приказ провести рекогносцировку новой линии обороны. Одна моторизованная дивизия уже выступила в район Юхнова. Фельдмаршал фон Клюге со своим штабом намеренно оставался еще в Малоярославце, хотя теперь городу угрожала серьезная опасность. В середине декабря он вызвал на совещание своих корпусных

командиров и их начальников штабов для детального обсуждения плана отхода соединений 4-й армии, занимавших оборону южнее московско-смоленской шоссейной дороги. Все казалось совершенно ясным.

Вдруг позвонил начальник штаба группы армий «Центр» генерал фон Грайфенберг, мой близкий друг. Он желал говорить с начальником штаба 4-й армии. Я подошел к телефону. Грайфенберг сказал: «Лучше оставайтесь там, где находитесь теперь. Только что получен новый приказ Гитлера. 4-я армия не должна отступать ни на шаг».

Читатель поймет, какое впечатление произвел на нас этот приказ. По всем расчетам он мог означать только разгром 4-й армии. И все-таки пришлось ему подчиниться. Части и соединения, уже отходившие на запад, были возвращены назад. 4-я армия готовилась к своим последним боям. Теперь ее могло спасти только чудо.

Однако это было еще не все. В самый критический момент произошла кардинальная замена одних командующих другими.

Смена командования

Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок уже давно страдал болезнью желудка. Физическое состояние фон Бока резко ухудшилось в связи с поражением его группы армий под Москвой, и теперь он должен был хотя бы временно передать командование группой армий другому человеку. На его место был назначен фельдмаршал фон Клюге — человек железной воли. Покинув 4-ю армию 18 декабря, он принял командование группой армий «Центр», штаб которой располагался в лесу западнее Смоленска.

Таким образом, в момент тяжелых испытаний 4-я армия осталась без командующего. Клюге считал, что он сможет руководить своей старой армией по телефону и радио из Смоленска. Поэтому он посылал мне, как своему бывшему начальнику штаба, приказы и инструкции, за выполнение которых я нес личную ответственность. Такое положение продолжалось до 26 декабря, когда в штаб 4-й армии прибыл новый командующий генерал горно-стрелковых войск Кюблер. Некоторое время командующим армией был генерал танковых войск Штумме.

Нетрудно себе представить, как пагубно сказалась эта смена командующих на боевых действиях армии.

Еще более значительные изменения происходили в Берлине. Главнокомандующий сухопутными силами фельдмаршал фон Браухич давно был в немилости у Гитлера. Уже несколько лет он страдал болезнью сердца и не выдержал поражения наших войск под Москвой. Браухич ушел в отставку, и Гитлер стал полновластным главнокомандующим сухопутными силами. Его единственным советником, хотя и без всяких прав, был начальник генерального штаба генерал Гальдер, оставшийся после этой чистки на своем посту.

Гитлер верил, что он один сможет избавить свою армию от катастрофы, которая неотвратимо надвигалась под Москвой. И если говорить откровенно, он этого действительно добился.

Его фанатичный приказ, обязывавший войска стойко держаться на каждой позиции и в самых неблагоприятных условиях, был, безусловно, правильным. Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление по снегам и льду через несколько дней приведет к распаду всего фронта, и тогда немецкую армию постигла бы та же участь, что и Великую армию Наполеона. Дивизии не разрешалось отступать больше чем на 5—10 километров за одну ночь. Большего нельзя было и требовать от войск и гужевого транспорта в тех невероятно тяжелых условиях. Так как все дороги были занесены снегом, отступать приходилось по открытой местности. После нескольких ночей такого отступления солдаты настолько изнемогали, что, останавливаясь, просто ложились на снег и замерзали. В тылу не было заранее подготовленных позиций, куда войска могли бы отойти, и оборонительной линии, которую нужно было удерживать.

Таким образом, в течение многих недель поле боя медленно отодвигалось на запад. Упорно обороняясь, наши армии постепенно отходили. Русские несколько раз прорывали нашу оборону, но мы всегда находили силы опять восстанавливать линию фронта. Численность личного состава рот в большинстве случаев сократилась до 40 человек. Мы понесли большие потери в боевой технике. До конца декабря в угрозе, нависшей над левым флангом 4-й армии, видели главную опасность.

Но вот счастье улыбнулось Гитлеру. Хотя противник был гораздо сильнее нас, темп его наступления стал замедляться. Несомненно, русские были разочарованы, что до сих пор еще не добились распада немецкого фронта западнее Москвы. Их удивляла стойкость сильно потрепанных немецких дивизий, сражавшихся в условиях сурового климата.

Русское командование безжалостно посылало свои войска вперед. В Малоярославце за несколько дней до рождества мы перехватили переданные по радио донесения, которые небезынтересно привести здесь. Русский командир полка сообщал по радио: «Сейчас продолжать наступление невозможно. Необходимо на двенадцать часов задержаться на достигнутом рубеже». Ответ старшего командира гласил: «Атакуйте противника немедленно. Если вы этого не сделаете, пеняйте на себя».

Что-то вроде чуда произошло на южном фланге 4-й армии. Нам было непонятно, почему русские, несмотря на их преимущество на этом участке фронта, не перерезали дорогу Юхнов — Малоярославец и не лишили 4-ю армию ее единственного пути снабжения. По ночам кавалерийский корпус Белова, который во второй половине декабря причинил нам так много беспокойства, продвигался в нашем глубоком тылу по направлению к Юхнову. Этот корпус достиг жизненно важной для нас коммуникации, но, к счастью, не перерезал ее. Он продолжал продвигаться в западном направлении и скрылся где-то в огромных Богородицких болотах.

В конце декабря 1941 г. штаб 4-й армии все еще находился в Малоярославце. В канун рождества всю ночь шли бои рядом с нашим штабом. Между нами и русскими находилась только 19-я танковая дивизия, вызванная с фронта, в которой насчитывалось всего 50 танков.

В течение этих недель авиация не могла оказывать нам такую эффективную поддержку, как прежде. Еще в ноябре в Северную Африку, где потерпели поражение войска фельдмаршала Роммеля, были переброшены наиболее боеспособные части 2-го воздушного флота Кессельринга.

25 декабря штаб 4-й армии в самый последний момент переместился в Юхнов. К 22 декабря 4-я и 3-я танковые группы были выведены из состава 4-й армии. Теперь 4-я армия могла рассчитывать только на свои силы.

Сравнительные данные о силах и средствах немецких и русских войск по состоянию на конец декабря весьма поучительны. 4-я армия, занимавшая оборону между Калугой и Тучково, насчитывала в своем составе 13 пехотных и одну танковую дивизию. Однако эти соединения имели такой некомплект личного состава, что многие дивизии по сути дела являлись боевыми группами, состоявшими из подразделений различных родов войск. Перед фронтом 4-й армии были сосредоточены следующие русские соединения: 24 стрелковые дивизии, три танковые и две посадочно-десантные бригады. Основная часть этих сил действовала на южном фланге 4-й армии. Южнее Калуги наступали в западном направлении еще шесть стрелковых дивизий, одна танковая бригада и четыре кавалерийские дивизии. В районе Тулы сосредоточивались три стрелковые, одна моторизованная, две танковые дивизии и две танковые бригады.

Эти цифры говорят сами за себя. Правда, не все русские дивизии были укомплектованы по штатам военного времени. Некоторые из них, безусловно, были очень слабы. Они сильно различались как по организации, так и по боеспособности. Русские были неистощимы в различных выдумках. Например, кавалерийские дивизии часто сопровождались пехотой на санях. Сани привязывались веревками к седлам кавалеристов. Странно было видеть, как в ясную лунную ночь передвигались по снегу длинные колонны всадников, за каждым из которых ехал на санках пехотинец.

Наши потери в вооружении и боевой технике были так же велики, как и потери в людях, а может быть, даже превосходили их. Примером этого может служить состояние артиллерии 4-й армии в начале января 1942 г. В данном случае имеется в виду артиллерия армейского подчинения. Перед нашим отступлением в ее составе было: 48 тяжелых гаубиц, 36 минометов, 48 100-*мм* и девять 150-*мм* пушек, 84 штурмовых орудия и 252 тяжелых и легких трактора. Теперь же у нас осталось пять тяжелых гаубиц, восемь минометов, 17 100-*мм* и две 150-*мм* пушки, 12 штурмовых орудий и 22 трактора.

Бои в начале 1942 года

Несмотря на огромное преимущество в силах, русские не смогли добиться распада немецкого фронта западнее

Москвы к концу 1941 г. Но это ни в коей мере не значило, что острый кризис миновал. В течение первых трех месяцев 1942 г. над 4-й армией неоднократно нависала серьезная опасность.

В январе термометр упал до 42° мороза по Цельсию. Это продолжалось только несколько дней, затем температура повысилась. Здесь я не могу детально описать происходившие тогда бои, хотя в совокупности они представляют собой часть огромного Московского сражения. Это были ужасные месяцы. Позже Гитлер приказал отлить «Восточную медаль», которая выдавалась всем, кто принимал участие в тяжелых боях на Восточном фронте зимой 1941/42 г. Эта медаль рассматривалась тогда и рассматривается теперь как знак высокого отличия.

26 декабря командующим 4-й армией стал стойкий солдат, генерал горно-стрелковых войск Кюблер. Через несколько недель он пришел к выводу, что неспособен командовать армией в такой сложной обстановке. Во второй половине января его заменил генерал Хейнрици, который в течение долгого времени командовал 4-й армией.

Заключение

Кампания в России, а особенно ее поворотный пункт — Московская битва, нанесла первый сильнейший удар по Германии как в политическом, так и военном отношениях. На Западе, то есть в нашем тылу, больше не могло быть и речи о столь необходимом нам мире с Англией. Что же касается Северной Африки, то и здесь нас постигла неудача. В районе Средиземного моря сложилась напряженная обстановка. Немецкие войска находились в Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Франции, Греции и на Балканах.

Даже мельком взглянув на карту мира, нетрудно было понять, что маленький район в Центральной Европе, занимаемый Германией, явно не мог выставить силы, способные захватить и удерживать весь европейский континент. Из-за политики Гитлера немецкий народ и его вооруженные силы шаг за шагом все дальше заходили в тупик.

Уместно вспомнить последние годы царствования Александра Македонского, когда его маленькая армия продвигалась в глубь Азии до тех пор, пока обстановка не заставила царя отказаться от своих намерений. Или

же шведского короля Карла XII, который в 1709 г. дошел до Полтавы, где его небольшая армия была разгромлена русскими. Между прочим, группа армий «Юг» летом 1941 г. прошла через Полтаву.

Но самую близкую параллель можно провести с императором Наполеоном. Дитя французской революции, он верил, что может завоевать всю Европу. И вот здесь, в России, в огне пылающей Москвы, его настигла Немезида. Несколько позже мы вернемся к этой параллели.

Часто спрашивают: смогли ли бы немцы выиграть эту войну, если бы им удалось захватить Москву? Это чисто академический вопрос, и никто не может ответить на него с полной определенностью. Я лично считаю, что, если бы даже мы овладели Москвой, все равно война была бы далека от благополучного завершения. Россия настолько обширна, а русское правительство обладало такой решимостью, что война, принимая новые формы, продолжалась бы на бескрайних просторах страны. Наименьшее зло, которого мы могли ожидать, — это партизанская война, широко развернувшаяся по всей Европейской России. Не следует забывать и об огромных пространствах в Азии, которые тоже являются русской территорией.

Одно совершенно бесспорно: немецкие военные руководители и немецкие войска достигли почти, казалось бы, невозможного. Война на Востоке была последним испытанием наших солдат. В двух мировых войнах они продемонстрировали свою железную волю, стойко перенеся суровые русские условия.

1812 и 1941 годы

Прежде чем закончить, я хотел бы провести параллель между кампанией Наполеона в 1812 г. и кампанией 1941 г., хотя с исторической точки зрения это трудно сделать, так как причины и обстоятельства этих войн совершенно различны. И все-таки, на мой взгляд, было бы интересно их сопоставить.

Наполеон был не французом, а итальянцем с Корсики, которая стала частью Франции. Гитлер был не чистым немцем, а австрийцем. Наполеон использовал ударную силу, созданную французской революцией, и опирался на мощь Франции. Гитлер использовал мощь Германии. Наполеон, дитя революции, вел много войн и одну за другой завоевал все страны Европы. Гитлер следовал по его

стопам. Англия была основной целью Наполеона, и он готов был приступить к вторжению из Булони. Операция «Морской лев» 1940 г. была не больше чем угрозой, рассчитанной на достижение политических целей. Французский флот был разгромлен английским, и мечта Наполеона завоевать Англию стала неисполнимой, поэтому император решил причинить ущерб островному королевству, создав систему континентальной блокады. Большинство стран Европы вынуждено было проводить в жизнь это мероприятие Наполеона, и только Россия колебалась. Это и послужило одной из главных причин, заставивших Наполеона объявить России войну. Гитлер начал войну с Россией, намереваясь завоевать для Германии жизненное пространство, уничтожить большевизм и стать хозяином Европы.

И Наполеон и Гитлер верили, что их войны в России закончатся так же быстро и успешно, как и многие другие, которые они вели до этого. Оба они неправильно представляли себе внутренние силы и размеры России. Оба они недостаточно подготовились к войне и не учли трудностей снабжения их армий в этой огромной стране. Многие маршалы и генералы Наполеона не одобряли его плана войны в 1812 г. Точно так же обстояло дело и с планом войны Гитлера в 1941 г.

В 1812 г. Наполеон вторгся в Россию с армией, насчитывавшей более 600 тысяч человек (среди них было более 200 тысяч немцев, фламандцев, поляков, швейцарцев, испанцев и португальцев), 1400 пушек и 180 тысяч лошадей. Наполеон вел на Россию армию всей Европы. Гитлер пытался сделать то же самое. Хотя ему не удалось осуществить это в полной мере, все же среди его солдат были румыны, венгры, итальянцы, словаки, финны, испанская дивизия и легион французских волонтеров. 21 июня 1812 г. Наполеон обратился к своим войскам с напыщенным приказом. Перед началом кампании 1941 г. Гитлер тоже отдал аналогичный приказ. Вечером 22 июня 1812 г. император наблюдал за переправой своих солдат через р. Неман у Ковно. Армии Гитлера форсировали Буг в этот же день, ровно 129 лет спустя. Наполеон начал военные действия 24 июня. В обоих случаях война на Востоке началась слишком поздно.

Как в 1812 г., так и в 1941 г. войну оттянула непредвиденная пауза. Французский император потерял не-

сколько драгоценных недель из-за переговоров с русским царем. Наполеон возобновил свое наступление на Москву в сравнительно позднее время года, как и Гитлер, 2 октября 1941 г. В 1812 г. русские отступали с упорными, кровопролитными боями, заманивая Наполеона в глубь России и затягивая войну до зимы. В 1812 г. французский император захватил Москву, но на этом война не кончилась. Наоборот, с точки зрения русских, война только начиналась. Гитлер не смог взять Москву, и только после этого противник начал вести войну по-настоящему. Когда Наполеон вынужден был оставить пылающую Москву, он потерпел свое первое крупное поражение. Аналогичная обстановка сложилась в 1941 г. В обоих случаях на этом этапе русские переходили в мощное контрнаступление, и в обоих войнах большую роль играли партизаны.

В 1812 г. Наполеон считал, что, отступая по снегам и льду, он сможет спасти свою армию. Однако вышло наоборот — отступление привело к разгрому его Великой армии. В декабре 1941 г. Гитлер приказал ни в коем случае не отступать. Гигантскими усилиями фронт удалось удержать, и кризис в конце концов был преодолен. Можно найти и другие исторические параллели, но, как мы отметили выше, к ним следует относиться с большой осторожностью.

1812 г. и 1941 г. доказали, что используя такое старомодное транспортное средство, как лошадь, невозможно в короткое время завоевать огромные пространства России. Ни довольно сильная кавалерия Наполеона, ни моторизованные соединения Гитлера не были достаточно велики, чтобы захватить огромную русскую территорию и осуществить над ней контроль.

Перед тем как начать войну, Наполеон сделал последнюю попытку убедить царя принять его требования. В Вильно к царю Александру I был послан граф Нарбонн. Царь сказал послу следующее: «Я не ослепляюсь мечтами; я знаю, в какой мере император Наполеон великий полководец, но на моей стороне, как видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для вас земле нет такого отдаленного угла, куда бы я ни отступил, нет такого пункта, который я ни стал бы защищать, прежде чем согласиться заключить постыдный мир. Я не начну

войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России»[1].

Решимость Сталина в 1941 г. не уступала решимости царя в 1812 г. Большая разница между двумя войнами заключается в том, что император лично вел свою армию на Москву и обратно, чего не сделал Гитлер.

На военном совете русских в 1812 г. обсуждался вопрос о том, оставлять или не оставлять Москву. Князь Кутузов тогда сказал: «С потерею Москвы не потеряна Россия. Первою обязанностью поставляю сохранить армию и сблизиться с теми войсками, которые идут к нам на подкрепление. Самым уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю. Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор останется надежда счастливо довершить войну, но по уничтожении армии и Москва и Россия потеряны. Приказываю отступать»[2].

Можно определенно полагать, что, если бы немцы взяли Москву, Советы действовали бы точно так же.

Интересно напомнить, что 21 октября 1812 г. маршал Мортье получил от Наполеона приказ взорвать Кремль перед отступлением французов от Москвы. Гитлер намеревался сделать то же самое, если бы ему удалось захватить Москву.

На большие трудности снабжения войск в 1812 г. и 1941 г. уже указывалось выше. В 1941 г. основная проблема заключалась в снабжении войск боеприпасами и горючим. В 1812 г. очень сложно было обеспечить лошадей фуражом. 180 тысяч лошадей Наполеона не могли существовать на том скудном корме, к которому привыкли кони казаков. Кавалерия французского императора понесла крупные потери в сражениях, и на больших переходах падеж лошадей непрерывно увеличивался.

После сражения у Бородина прославленный кавалерист Мюрат говорил, укоряя своих генералов, что кавалерийские атаки были недостаточно энергичными. На это

---

[1] Ответ Александра I Нарбонну цитируется по книге Н. К. Шильдера «Император Александр Первый, его жизнь и царствование». Спб, 1897, т. 3, стр. 79. (*Прим. ред.*)

[2] Выступление М. И. Кутузова на военном совете в Филях 1(13) сентября 1812 г. цитируется по книге А. И. Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны 1812 года». Спб, 1840, часть вторая, стр. 285—286. (*Прим. ред.*)

кавалерийский генерал Нансути ответил: «Во всем виноваты лошади — они недостаточно патриотичны.

Наши солдаты воюют блестяще, если у них нет даже хлеба, но лошади без сена не трогаются с места».

Есть известная картина [1], которая изображает погруженного в думы Наполеона верхом на коне. По песчаной русской дороге он едет на восток впереди колонн своей гвардии. Под картиной слова: «Они ворчали — и все же следовали за ним!» Это лучшее описание не только 1812 г., но и 1941 г., ибо нет никакого сомнения в том, что немецкие войска также сделали все, на что они были способны.

---

[1] Автор имеет в виду, очевидно, литографию французского художника Дени Огюста Раффе (1804—1860). *(Прим. ред.)*

ВОЙНА ПРИБЛИЖАЕТСЯ К СВОЕМУ АПОГЕЮ

Генерал-лейтенант ЗИГФРИД ВЕСТФАЛЬ

В то время, когда на снежных просторах Восточной Европы между русскими и немцами разгорелась борьба не на жизнь, а на смерть, новым театром военных действий неожиданно стал Тихий океан. 7 декабря 1941 г. японцы напали на Пёрл-Харбор. Теперь весь мир был охвачен пламенем войны. Через три дня немецкое правительство объявило войну Соединенным Штатам Америки. Это решение основывалось на явной недооценке колоссального американского военного потенциала, и каждый здравомыслящий человек в Германии был поражен действиями Гитлера. В результате этого решения американские поставки предметов снабжения Советскому Союзу вскоре полились бурным потоком. Несомненно, эти поставки в огромной степени помогли красному колоссу возместить потери, понесенные в первые месяцы войны, и в ходе войны постепенно усилить военную мощь России. По достоверным сведениям, США поставили Советскому Союзу 17 тысяч самолетов, 51 тысячу виллисов, 400 тысяч грузовиков, 12 тысяч танков и бронеавтомобилей, 8 тысяч зенитных орудий, 105 подводных лодок, 197 торпедных катеров, 50 тысяч тонн кожи, 15 миллионов пар ботинок, 3 миллиона 700 тысяч автомобильных шин, 2 миллиона 800 тысяч тонн стали, 800 тысяч тонн химических продуктов, 340 тысяч тонн взрывчатых веществ, 2 миллиона 600 тысяч тонн нефтепродуктов, 4 миллиона 700 тысяч тонн продовольствия и 81 тысячу тонн резины. Можно без преувеличения сказать, что без такой огромной американ-

ской поддержки русские войска вряд ли были бы в состоянии перейти в наступление в 1943 г.[1].

В конце 1941 г. в Африке тоже сложилась критическая обстановка. Роммель не смог захватить Тобрук весной этого года, так как англичане, вынужденные отступить к границе Египта, твердо решили не оставлять город. Две попытки захватить крепость внезапным ударом провалились, а для планомерного штурма сил у Роммеля не хватало. Роммель делал все, чтобы после получения подкреплений вновь перейти в наступление. Караваны судов, которые вначале беспрепятственно пересекали Средиземное море, теперь непрерывно подвергались ударам английского флота и авиации. Поэтому Роммель вынужден был перенести начало наступления своих войск с сентября на октябрь, затем на ноябрь и, наконец, на декабрь. И тогда случилось то, чего Роммель уже давно опасался: противник нанес удар первым. 18 ноября 8-я армия генерала Окинлека перешла в наступление. Она была значительно сильнее, чем противостоявшие ей немецко-итальянские войска. В ходе сражения, продолжавшегося с переменным успехом в течение нескольких недель, 8-я армия прорвала кольцо итальянских войск вокруг Тобрука и деблокировала его славный гарнизон. Роммель был вынужден отступать, и к началу нового года его войска отошли к заливу Сидра между Аджедабией и Триполи, то есть почти в тот же самый район, где они находились год назад, когда Роммель принял над ними командование. Но он воспользовался тем, что английская армия оказалась сильно рассредоточенной, а проблема ее снабжения — нерешенной. 21 января войска Роммеля перешли в контрнаступление. Безжалостно вводя в бой все свои резервы, в начале февраля он вновь подошел к воротам Тобрука.

На Восточном фронте в течение первых месяцев 1942 г., когда советское наступление было, наконец, приостановлено, перед немецкой армией стояла задача ликвидировать многие выступы противника, вдававшиеся в нашу

---

[1] В предисловии к русскому изданию отмечается полная несостоятельность подобных утверждений.

Общеизвестно, что удельный вес всех поставок в СССР по отношению к отечественному производству в период войны не превышал и четырех процентов. Следовательно, американский ленд-лиз не имел того значения для решения военных задач, которое старается приписать ему Вестфаль в пропагандистских целях. (*Прим. ред.*)

оборону, и освободить отдельные наши соединения из многочисленных котлов, созданных русскими во время их зимнего наступления. Наиболее важными из всех немецких операций в это время были: деблокирование окруженных группировок немецких войск в районах Холма и Демянска, ликвидация выступа русских войск в направлении Изюма (южнее Харькова) и русского плацдарма в районе Феодосии (Крым). После этого необходимо было отвести в тыл для отдыха и доукомплектования те соединения, которые понесли большие потери во время зимнего наступления русских, и сформировать новые дивизии в Германии. Численность войск СС была значительно увеличена, что отрицательно сказалось на армии, так как ее потрепанные в боях дивизии лишились многих незаменимых младших офицеров и унтер-офицеров. К концу войны войска СС насчитывали 38 дивизий.

Когда в 1942 г. назрела необходимость провести в интересах армии сокращение разбухших штабов и учреждений ВВС, Гитлер приказал не использовать освобождающийся личный состав ВВС для пополнения дивизий армии, так как он боялся, что хорошо подготовленные солдаты и офицеры ВВС от такого слияния понесут «идеологический» ущерб. Вместо этого он принял предложение Геринга о целесообразности создания 16 «полевых дивизий ВВС». В результате этого численный состав армейских дивизий, лишенных пополнения, постепенно уменьшался, а полевые дивизии ВВС, не имеющие боевого опыта, понесли в боях невероятные потери.

В вопросах стратегии Гитлер и главное командование сухопутных сил, как правило, расходились во мнениях. Гитлер снял с должности главнокомандующего сухопутными силами фельдмаршала фон Браухича и сам занял его место. Объектом нашего наступления он теперь сделал район Дона — Волги и Кавказ, богатый полезными ископаемыми. Начальник генерального штаба сухопутных сил генерал Гальдер придерживался на этот счет другой точки зрения. Он считал, что основным объектом по-прежнему остается русская столица Москва — важнейший узел путей сообщения — и что поэтому в ближайшее время ее необходимо захватить. Он настойчиво указывал на опасность появления открытого фланга протяженностью около 500 километров, что было неизбежно при наступ-

лении наших войск в район Дона — Волги и на Кавказ. Но Гитлер счел его аргументы неубедительными.

12 мая советский маршал Тимошенко начал наступление в районе Харькова, и победа досталась нам только после серьезных усилий. В это же время армия Манштейна перешла в наступление на Керчь, которое следует расценивать как увертюру перед крупным наступлением наших войск на Севастополь, предпринятым 1 июня. Больше месяца продолжалось упорное сопротивление прославленного гарнизона, и, наконец, Севастополь был взят. В день овладения Севастополем началось большое летнее наступление Гитлера. Из одной группы армий «Юг» было создано две группы армий: группа армий «А», действовавшая справа, и группа армий «Б» — слева. Группе армий «Б» было приказано захватить Сталинград и после этого наступать вниз по Волге к Астрахани. В это же время группа армий «А» должна была вновь захватить потерянный зимою Ростов и продвигаться на Кавказ. Как и в прошлом году, наши войска должны были действовать по расходящимся операционным направлениям. Удар был нанесен не крепко сжатым кулаком, а растопыренными пальцами. Начальник штаба Сталина маршал Шапошников, насколько нам известно, выразил в то время надежду, что Гитлер пойдет на Сталинград, — в этом маршал видел самый быстрый способ ускорить победу русских.

Немецкие войска быстро продвигались вперед и вскоре захватили Донецкий бассейн. Нас удивило, правда, незначительное количество пленных и трофеев, попавших в наши руки. Очевидно, русские избегали решительных сражений. Только в районе Калача (в излучине Дона) были разгромлены крупные силы противника. Вновь удалось захватить Ростов. Наши войска на фронте протяженностью более 100 километров вышли к предгорьям Кавказа и 8 августа заняли Майкоп. Это была самая дальняя точка немецкого продвижения на Востоке. На оккупированной нами территории проживало около 50 миллионов русских, находилось более половины залежей угля, алюминия, марганца и железной руды и 40 процентов железных дорог России. В это время на центральном участке фронта приходилось отражать сильные контратаки русских, с помощью которых русское командование стремилось уменьшить наше давление на их армии на юге.

В ходе этих оборонительных боев мы понесли тяжелые потери, так как Гитлер упрямо отказывался дать санкцию даже на отступления местного значения. 25 августа немецкие горные стрелки установили флаг со свастикой на вершине Эльбруса — самой высокой точке Кавказа. Но вскоре немецкое продвижение замедлилось из-за нехватки горючего, а также в связи с мощными контратаками русских в районе р. Терек. Очень медленно развивалось и начавшееся 14 августа наступление на Сталинград. Только 1 сентября немецкие войска, преодолевая упорное сопротивление, проникли на окраины города.

Летом обманчивое затишье на атлантическом побережье было нарушено высадкой в Дьеппе канадских войск под командованием адмирала Маунтбаттена, которому позднее суждено было прославиться в этой войне. Хотя канадские войска не достигли успеха и понесли тяжелые потери, противник в результате этой высадки, как он и планировал, приобрел ценный опыт, использованный в 1944 г. во время вторжения на европейский континент.

В Африке снабжение войск Роммеля временно улучшилось. Это дало возможность повторить штурм Тобрука. Планы немецкого и итальянского верховного командования предусматривали вначале захват Тобрука, а затем высадку на острове Мальта. Захват острова лишил бы англичан базы, с которой они, используя авиацию и флот, наносили так дорого обходившиеся нам удары по немецко-итальянским конвоям.

26 мая войска Роммеля в составе трех немецких и трех итальянских танковых дивизий перешли в наступление. Роммель намеревался обойти армию противника с юга. Уже к полудню следующего дня он был в тылу английских войск, расположенных в районе Эль-Газалы. Но здесь начались неприятности. Сражение затянулось на три недели, и только благодаря энергичному руководству Роммеля армия постепенно захватила все опорные пункты. Самое сильное сопротивление было оказано ему фортом Бир-Хакейм, который обороняли французские войска и еврейский батальон. Он был взят лишь 9 июня. 20 июня Роммель начал штурм крепости Тобрук. В этой операции значительную поддержку оказала ему бомбардировочная авиация воздушного флота Кессельринга. Для противника штурм начался неожиданно: за день до начала операции Роммель сделал вид, что намеревается

обойти крепость так же, как в 1941 г., и преследовать на территории Египта ослабленные силы англичан. В первый же день он прорвал оборонительную систему, созданную вокруг Тобрука, и к вечеру утомленные немецкие войска овладели крепостью. Эта операция унесла немало жизней как оборонявшихся, так и наступавших. Наши войска захватили богатейшие трофеи и 30 тысяч пленных.

Захват Тобрука был высшим достижением немецких войск, действовавших в пустыне. Преследуя отступающего противника, Роммель пересек египетскую границу и 30 июня натолкнулся на сильные оборонительные позиции англичан в районе Эль-Аламейна. Здесь проходил последний более или менее прочный укрепленный рубеж, прикрывавший подходы к Александрии и дельте Нила. В ходе наступления запасы предметов снабжения у войск Роммеля полностью истощились. Снабжение армии было далеко не достаточным. От плана захвата Мальты пришлось отказаться, так как немецкая авиация не могла обеспечивать эту операцию и одновременно оказывать поддержку продвижению танковой армии Роммеля. Можно только сожалеть о таком решении, потому что, как мы знаем теперь, гарнизон острова уже вот-вот готов был сдаться из-за полного отсутствия предметов снабжения.

Летние месяцы перед боями у Эль-Аламейна оказались для Роммеля критическими. 30 августа его попытка прорвать оборону англичан с целью наступления на Александрию едва не увенчалась успехом. Неудача была вызвана главным образом потоплением немецких и итальянских танкеров, уже подходивших к тобрукскому рейду. Из-за отсутствия горючего атакующие войска Роммеля в течение шести дней не могли сдвинуться с места. В войсках эту провалившуюся операцию, которая стоила стольких человеческих жизней, называли «шестидневной велосипедной гонкой».

Африканская танковая армия так и не оправилась от этого кровопускания, а ее снабжение становилось все более затруднительным. Только изредка отдельным караванам судов удавалось достигать североафриканских портов без потерь. Непрерывно увеличивавшиеся потери сокращали количество транспортов, которыми располагали страны оси. Роммель полностью отдавал себе отчет в серьезности своей телеграммы, направленной им в сере-

дине сентября 1942 г. главному командованию сухопутных сил: «Если не удастся наладить регулярное снабжение наших войск в Африке, танковая армия окажется не в состоянии в течение сколько-нибудь значительного времени продолжать борьбу с объединенными силами двух великих держав. Рано или поздно ее постигнет та же участь, что и войска, оборонявшие горный проход Хальфайя». (Этот гарнизон вынужден был капитулировать в начале 1942 г., когда у него иссякли предметы снабжения.)

Оценивая общую обстановку на фронтах, можно сказать, что осенью 1942 г. немецкое командование достигло зенита своей славы. На Западе немецкие войска удерживали оборону вдоль всего атлантического побережья от мыса Нордкап до Бискайского залива, оккупировав Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию, Францию и Люксембург. На Востоке немецкие солдаты находились на окраинах Ленинграда и на берегах Дона и Волги. В наших руках был и весь Балканский полуостров. На юге немецкие и итальянские войска находились на расстоянии не более 50 километров от Нила. Немецкие подводные лодки и вспомогательные крейсеры представляли собой серьезнейшую, как никогда ранее, опасность для судоходства союзников. Немецкие военно-воздушные силы, правда, уже не были такими могущественными, как прежде, но еще могли наносить сильные удары по противнику.

И все-таки именно в тот период было хорошо видно, насколько туго натянута тетива лука. Население Германии получало еще достаточный паек, хотя иногда возникали перебои в снабжении мясом и жирами. Вооруженные силы отлично снабжались продовольствием вплоть до окончания войны. Немецкие города все чаще подвергались бомбардировкам, которые приводили к огромным разрушениям и жертвам. Хотя запасы важнейших видов сырья увеличить было уже невозможно, производительность военных заводов и фабрик находилась все еще на самом высоком уровне. Осталось слишком мало вполне здоровых мужчин, которые не были призваны в армию в связи с тяжелыми потерями, понесенными прошлой зимой в России. Армия и промышленность конкурировали между собой за обладание оставшимися людскими ресурсами. Это привело к принудительному вывозу рабочей силы с оккупированных территорий, что создало и усилило парти-

занское движение во Франции, на восточных территориях и на Балканах.

В общем Германия еще не задумывалась о возможности поражения и готовилась к затяжной войне. Хотя уже во многих семьях были убитые или раненые, немецкий народ готов был продолжать войну, ибо ему казалось, что другого выбора нет. В Италии, являвшейся нашим основным союзником, образ мышления был совершенно иным. Итальянцы не одержали ни одной крупной победы, а наоборот, терпели одно поражение за другим. Они потеряли свои колонии в Восточной Африке; они знали, что много их солдат попало в плен к англичанам, а самые мощные корабли их флота потоплены. В довершение ко всему в стране усиливался голод.

Таким образом, к концу 1942 г. — третьего года войны — обстановка в общем казалась удовлетворительной. Однако в конце года на Юге и на Востоке произошли два события, которые коренным образом изменили картину. Оба они стали решающими, поворотными пунктами войны. Первое из этих событий детально рассмотрено в следующей главе.

ЭЛЬ-АЛАМЕЙН

Генерал-лейтенант ФРИЦ БАЙЕРЛЕЙН

У ворот Египта

Палимая безжалостным африканским солнцем безводная каменистая пустыня, где лишенные растительности скалы перемежались с песчаными пустошами, на которых лишь кое-где попадалась верблюжья колючка, — таким был эль-аламейнский район боевых действий в июле 1942 г. Этот рубеж, расположенный между скалистым холмом Тель-эль-Эйса на побережье Средиземного моря и 180-метровой пирамидой Карет-эль-Хемеймат на краю впадины Каттара, был единственным во всей Западной Пустыне, который нельзя было обойти с фланга. Там находились остатки армии Роммеля, истощенной в тяжелых боях за Тобрук и в ходе продолжительного преследования противника. Перед ней располагались потерпевшие поражение, но все еще боеспособные войска Британской империи.

Не имея возможности зарыться в скалистую породу, пехотинцы построили вокруг своих позиций каменные стены, которые хоть в минимальной степени защищали от огня противника.

«Наша боевая мощь канула в прошлое», — писал Роммель в своем дневнике 3 июля 1942 г. Мы достигли Эль-Аламейна всего с тринадцатью боеспособными танками. Английская оборона состояла из четырех позиций, расположенных одна за другой. Только первую из них мы смогли захватить в самом начале наступления. Позже мы захватили еще две. Но несмотря на отчаянные атаки, главная оборонительная позиция у Эль-Аламейна, кото-

рая прикрывала единственный в этой безжизненной пустыне источник свежей воды, оставалась в руках англичан. В эти дни и началось Эль-Аламейнское сражение.

По данным нашей воздушной разведки дальнего действия, английский флот срочно покинул Александрию и направился на восток. Как мы потом узнали, англичане приняли все меры для обороны дельты Нила, чтобы Роммель не смог прорваться через последние ворота, закрывающие дорогу на Египет. На случай, если не удастся удержать дельту Нила, англичане разработали план отхода своих войск в Палестину и даже в Ирак.

Англичане захватывают инициативу в свои руки

Вскоре мы убедились, что генерал Окинлек не собирался оставлять позиции под Эль-Аламейном. В течение всего июля 8-я армия англичан неоднократно пыталась захватить инициативу в свои руки и нанести нам поражение. 10 июля австралийцы овладели высотой Тель-эль-Эйса, находящейся к западу от Эль-Аламейна, и удерживали ее, несмотря на наши сильные контратаки. 14 июля новозеландские и индийские войска ночью перешли в атаку, пытаясь взять тактически важный хребет Рувейсат. В результате ночной атаки 16 июля австралийцы захватили хребет Тель-эль-Мах-Хад южнее Эль-Аламейна. 18 и 19 июля Роммель контратаковал позиции частей 8-й армии на хребте Рувейсат, но потерпел неудачу. 21 июля австралийцы опять атаковали наши войска на северном участке фронта, а новозеландская дивизия при поддержке большого количества танков попыталась прорвать наши позиции. Эта попытка не увенчалась успехом. 26 июля 9-я австралийская дивизия еще раз атаковала наши части севернее Тель-эль-Эйсы. Приняв срочные меры, мы предотвратили надвигавшуюся на нас катастрофу.

Черчилль в Каире

30 июля генерал Окинлек, очевидно, пришел к выводу, что в дальнейшем проводить наступательные действия теми силами и средствами, которые были в его распоряжении, невозможно. Эль-Аламейнский фронт стабилизировался.

В августе по пути в Москву на самолете прибыл в Каир Черчилль. Перегруппировка английских войск в За-

падной Пустыне вскоре показала, что с нервозностью, вызванной появлением наших танков у ворот Египта, теперь покончено. Главнокомандующим вооруженными силами на Среднем Востоке был назначен генерал сэр Гарольд Александер — самый опытный стратег и блестящий политический деятель Британской империи. Должность командующего 8-й армией занял талантливейший генерал сэр Бернард Монтгомери — замечательный стратег, отлично понимавший характер и проблемы механизированной войны. Хотя со своими подчиненными и даже начальниками он зачастую обращался с излишней повелительностью, а его поступки никогда нельзя было предугадать заранее, зато его стратегические планы всегда были тщательно разработаны. Прежде чем начинать сражение, он неизменно добивался абсолютного превосходства в силах и средствах. Как писал Монтгомери в своей книге «От Эль-Аламейна до реки Сангро», в 1942 г. свою главную задачу он видел в увеличении глубины обороны английских войск в районе Эль-Аламейна. Встав во главе 8-й армии, он немедленно отверг все планы относительно ее отступления на Средний Восток. Он ясно дал понять, что не может быть и речи об оставлении Эль-Аламейна. Если Роммель опять перейдет в наступление, английские войска встретят противника на этих позициях. Монтгомери отдал командирам дивизий приказ не распылять сил, а бросать их в бой крупными частями. Нельзя было допустить рассредоточения сил, которое в прошлом приводило к большим поражениям. Он приказал в будущем использовать танки и артиллерию только массированно. Монтгомери знал, что в решающем месте командиру всегда недостает войск и что нехватку живой силы можно компенсировать только достижением абсолютного превосходства в боевой технике.

Приняв меры для усиления обороны, Монтгомери перешел к коренной реорганизации своей армии. Он создал новый армейский корпус, который смог бы развить успех после прорыва обороны противника.

С этого времени благодаря тотальной мобилизации английской промышленности и постепенно увеличивавшемуся поступлению предметов снабжения из Америки материальное превосходство 8-й армии над армией Роммеля стало расти с каждым днем. Вокруг мыса Доброй Надежды в Порт-Саид, Суэц и Александрию доставля-

лись танки, самолеты, орудия всех калибров, грузовики, горючее и боеприпасы.

Мальта или Крит? Роковое для армии Роммеля решение

Доставка же предметов снабжения через Средиземное море для армии Роммеля сократилась в среднем до 6000 тонн в месяц, удовлетворяя лишь около одной пятой наших обычных потребностей. Три четверти наших транспортов, перебрасывавших предметы снабжения из Италии в Северную Африку, были потоплены английской авиацией или военно-морским флотом. Так как мы не могли создать необходимых на будущее запасов предметов снабжения, отпадала всякая возможность проведения решающего сражения. Мощь английских военно-воздушных сил теперь, как никогда раньше, усилилась и в количественном, и в качественном отношении, а ударная мощь авиации Кессельринга неуклонно падала. Пополнения не прибывали — почти вся немецкая авиация была сосредоточена Гитлером на русском фронте. Численность немецкой истребительной авиации стала крайне незначительной. Король африканского неба капитан Марсель, победитель в 158 воздушных боях, был убит.

Мальта вновь стала важнейшей базой, с которой наносились удары по конвоям судов, курсировавших между Италией и Северной Африкой. Большинство транспортов направлялось теперь из Сицилии в Бенгази — главный порт выгрузки немецко-итальянских войск, и этот путь находился в пределах досягаемости английской авиации, базировавшейся на Мальте. Пропускная способность тобрукского порта была совершенно недостаточной. В связи с этим от Бенгази и других отдаленных портов выгрузки до эль-аламейнских позиций тянулись бесконечные колонны грузовиков, подвергаясь постоянной угрозе нападения со стороны английской авиации. На заправку автомобилей, перевозивших грузы, расходовалось много горючего. Вместе с тем наши войска испытывали большую потребность в автомобильном транспорте. От Тобрука до фронта было около 500 километров, от Бенгази — 1000 километров и от Триполи, где также разгружалось большое количество предметов снабжения, — более 2000 километров. Английские же базы снабжения нахо-

дились недалеко от войск 8-й армии: от Александрии было 90 километров, а от Суэца — немногим более 350 километров.

Пока Мальта находилась в руках англичан, невозможно было, не увеличив в несколько раз военно-воздушные силы Кессельринга, доставлять нашим войскам в Африке необходимое количество предметов снабжения. Но Гитлер даже теперь не думал о взятии этой крепости. Он считал, что немецкие войска в районе Эль-Аламейна с успехом можно снабжать через Крит и что Мальту нужно лишь нейтрализовать мощными ударами бомбардировочной авиации. Словом, Гитлер намерен был поступить с Мальтой, как в 1940 г. с Дюнкерком. «Дюнкерком займутся наши ВВС», — высокомерно заявил тогда фюрер, а в результате этого английский экспедиционный корпус был спасен. Объективно оценивая обстановку в августе 1942 г., нетрудно было понять, что пока английская авиационная и военно-морская база на Мальте будет угрожать нашим тыловым коммуникациям, обстановка на фронте не улучшится и не будет никакой надежды захватить дельту Нила, а вместе с ней и центры английского могущества в восточной части Средиземного моря. Лишенная мобильности, армия Роммеля располагалась посреди пустыни, вдали от своих портов снабжения, в то время как превосходство авиации противника с каждым днем становилось все ощутимее. Немецкое командование располагало весьма незначительными реальными возможностями увеличить боевую эффективность своих войск или хотя бы обеспечить отдых изнуренным частям.

В этих обстоятельствах возник вопрос: хотя эль-аламейнские позиции очень сильны, а их фланги надежно обеспечены, не разумнее ли своевременно отвести войска подальше на запад? Тогда противник получил бы несколько сот квадратных километров бесполезной пустыни, а его коммуникационные линии были бы сильно растянуты. В одном из оборонительных районов, расположенных недалеко от наших баз снабжения, например в районе Эс-Саллума, можно было бы без вмешательства противника усилить наступательную мощь нашей армии. Одновременно можно было бы высадить морской десант на Мальту. Таково было мнение Роммеля. Однако всякая мысль об отступлении была совершенно неприемлема для Гитлера, взор которого не отрывался от Суэцкого канала.

Таким образом, сделано ничего не было. Штурм Мальты не состоялся, и армия Роммеля не отступила. Для Эль-Аламейнского фронта это оказалось роковым решением. Снабжение армии Роммеля неизбежно должно было катастрофически ухудшиться. Перспективы захвата дельты Нила и Суэцкого канала исчезли одна за другой. Так пришел конец мечтам об огромном двустороннем охвате, при котором одна немецкая армия должна была двигаться с Украины через Кавказ на юг, а другая — из Западной Пустыни через Суэцкий канал на север. Эта грандиозная операция имела целью захват нефтеносных районов Среднего Востока. Вслед за этим предполагалось нанести удар по открытому южному флангу русской армии.

Теперь или никогда

И все-таки Гитлер приказал готовиться к наступлению на дельту Нила. Итальянское верховное командование также умоляло Роммеля не отступать ни при каких обстоятельствах. Муссолини лично прибыл в Африку и в г. Дерна с нетерпением ожидал того дня, когда он под тенью древних пирамид сможет принять парад немецко-итальянских танков.

Роммель вынужден был уступить настояниям и чаяниям двух диктаторов. Войска, до сих пор предназначавшиеся для штурма Мальты, теперь были посланы ему в качестве подкреплений. В конце концов Роммель, потребовав доставки ему по воздуху или по морю нескольких тысяч тонн горючего, принял решение атаковать английские позиции у Эль-Аламейна и прорваться к Суэцкому каналу. По мнению Роммеля, наступление в направлении дельты Нила должно было состояться теперь или никогда.

27 августа на состоявшемся у фельдмаршала совещании Кессельринг и Кавальеро гарантировали ему 6000 тонн горючего, из которых одну тысячу тонн планировалось перебросить по воздуху. Роммель заявил: «Исход сражения будет зависеть от своевременной доставки этого горючего». Кавальеро ответил: «Фельдмаршал, вы можете начинать сражение — горючее уже в пути». Ночью 31 августа войска Роммеля перешли в наступление. Уже тогда англичане имели превосходство в артиллерии, боеприпасах и танках, а английская авиация гос-

подствовала в воздухе. Мы ощущали острую потребность в танках и боеприпасах, а потому не могло быть и речи о фронтальной атаке сильно укрепленных английских позиций. Роммель избрал единственно возможный план операции — путем глубокого охватывающего маневра окружить английские войска. Предприняв ложное наступление на северном участке фронта и нанеся сильный вспомогательный удар в центре, главный удар он обрушил на южный участок. Замысел фельдмаршала заключался в том, чтобы прорвать слабую английскую оборону у края впадины Каттара, затем повернуть на север, к востоку от Алам-эль-Хальфы, и стремительным броском выйти к берегу у Эль-Хаммама. Так он надеялся захватить позиции противника. Этот план был точной копией плана, которого он придерживался три месяца назад, при прорыве обороны английских войск у Эль-Газалы. Если бы он увенчался успехом и на этот раз, фельдмаршалу удалось бы окружить 8-ю армию и перерезать ее коммуникации.

Но именно на такой план и рассчитывали генералы Александер и Монтгомери. Прибыв в Западную Пустыню, генерал Монтгомери, как мы узнали позже, создал сильную оборону на тактически важном хребте Алам-эль-Хальфа и в оборонительных целях расположил там крупные танковые силы. Он приказал сделать так, чтобы в наши руки попала специально изготовленная карта, на которой местность к югу от Алам-эль-Хальфы была изображена как подходящая для использования танков. На самом же деле почва в этом районе была песчаной, что причинило бесчисленные неприятности нашим танкам и автомашинам.

Утром 31 августа, через 5 часов после начала наступления, мы еще не преодолели английские минные поля. Это шло вразрез со всеми нашими планами. Но «Лиса пустыни» Роммель еще не потерял своего острого шестого чувства. Как только выяснилось, что застигнуть противника врасплох не удалось, он хотел приостановить наступление. Но я убедил Роммеля позволить мне продолжать наступление на Алам-эль-Хальфу. (Командир африканского корпуса генерал Неринг был тяжело ранен ночью, и я занял его должность.) Начинался самум, и облака песка неслись прямо в лицо англичанам, занимавшим позиции у Алам-эль-Хальфы. Я стремился использовать это обстоятельство для захвата хребта.

Однако наступление провалилось. Англичане стали наносить сильные удары по нашим флангам. Бомбардировщики английских ВВС, летая крупными группами и не встречая никакого сопротивления с нашей стороны, подвергали наши войска усиленным бомбардировкам. В результате мы понесли тяжелые потери, да и моральное состояние наших войск было подорвано. Обещанное Кавальеро горючее не прибыло. Два наших самых ценных танкера были потоплены в море, а третий торпедирован вблизи Тобрука. Не показывались и транспортные самолеты с горючим, которые обещал Кессельринг. И Роммелю пришлось приостановить наступление. 3 сентября наши войска, ослабленные большими потерями, особенно в танках, начали отступать.

Обещания Гитлера

Едва наши войска отошли к своим исходным позициям, как от Гитлера была получена радиограмма, в которой Роммелю предписывалось явиться в Германию для лечения, на чем уже давно настаивали его врачи. Во время отсутствия фельдмаршала должность командующего армией должен был исполнять генерал Штумме, переведенный с Восточного фронта. Незадолго до своего отъезда Роммель послал в генеральный штаб сухопутных сил предупреждение, в котором он еще раз указывал на огромное значение решения проблем тылового обеспечения войск, но оно осталось без внимания. Перед тем как уехать в горный санаторий у перевала Земмеринг (Австрия), Роммель присутствовал на совещании у Гитлера в его ставке в Восточной Пруссии, носившей кодированное название «Логовище волка» [1].

Во время совещания Роммель не мог не заметить, что в ставке верховного главнокомандующего все настроены исключительно оптимистически. Геринг с явным пренебрежением относился к трудностям, вставшим перед нами в Африке. Когда Роммель сказал ему, что истребители-бомбардировщики противника подбивают наши танки 40-*мм* снарядами, рейхсмаршал воспринял это заявление как личное оскорбление. «Совершенно невозможно, — сказал он. — Это бабьи сплетни. Американцы умеют делать

---

[1] Иногда эту ставку Гитлера называют «Волчий окоп». (*Прим. ред.*)

только лезвия для бритв и холодильники» Роммель ответил: «Я хочу только одного, господин рейхсмаршал: пусть и у нас будут такие же лезвия». Роммель предусмотрительно захватил с собой один из английских бронебойных снарядов, которым был подбит наш танк.

Гитлер обещал, что в ближайшие недели проблема снабжения будет решена путем широкого использования судов типа «Зибель», которым не страшны ни бомбардировки с воздуха, ни торпедные атаки. При этом приводились статистические данные, убеждающие в том, что наши трудности в снабжении вскоре будут действительно преодолены. «В ближайшем будущем я пошлю в Африку 40 новейших танков типа «Тигр» и бригаду тяжелых минометов, насчитывающую 500 стволов. Позже я отправлю туда несколько частей штурмовых орудий». Таковы были обещания Гитлера. Как оказалось позднее, все эти обещания были чистой ложью.

Роммель вынужден был выступить на конференции корреспондентов «мировой печати» в Берлине, чтобы положить конец различным слухам, касавшимся его. На этой конференции он, конечно, не мог сказать журналистам что-либо об обстановке в Африке, но надеялся, что оптимистический тон его выступления повлияет на англичан и приведет к отсрочке их наступления. Затем Роммель выехал в Австрию на лечение.

Беспокоясь о тяжелом положении своей армии, он не мог обрести душевного спокойствия, необходимого для успешного лечения. Поступавшие к нему отрывочные сведения были отнюдь не радостными. Мы уже проиграли битву по снабжению своих войск. Бомбардировщики английских ВВС днем и ночью атаковали наши позиции и линии снабжения. Первые американские танки типа «Шерман» прибывали в район дельты Нила. Большое количество артиллерии и неисчерпаемые запасы боеприпасов увеличивали наступательную мощь англичан. С каждым днем становилось все очевиднее, что, несмотря на все усилия, перед наступлением Монтгомери мы не сможем улучшить снабжение своих войск. Было слишком поздно.

Перед началом решительного сражения

Позиции немецко-итальянских войск находились в Западной Пустыне, между морем и впадиной Каттара.

В данном районе это была единственная оборонительная позиция, которую нельзя было внезапно обойти с южного фланга, поэтому наступающие должны были нанести фронтальный удар, что особенно отвечало возможностям английских войск, так как их боевая подготовка в это время все еще основывалась на опыте позиционной войны периода 1914—1918 гг. Прекрасная новозеландская и австралийская пехота имела бы возможность показать храбрость, а мощная английская артиллерия, имевшая неисчерпаемые запасы боеприпасов, смогла бы оказать ей сильную огневую поддержку.

Роммель стремился любой ценой предотвратить прорыв наших позиций, так как больше был не в силах продолжать тактику подвижной обороны, в проведении которой он показал себя незаурядным мастером во время зимней кампании 1941—1942 гг. Нехватка горючего для танков и подавляющее превосходство англичан в воздухе исключали возможность выиграть сражение. Мы должны были удерживать свои позиции любой ценой. Всякую брешь в наших позициях нужно было немедленно ликвидировать путем контратак, чтобы противник не смог использовать ее для прорыва всей линии нашей обороны. С этой целью Роммель приказал заминировать подходы к нашим позициям и построить так называемые «дьявольские сады». На передовых позициях итальянские батальоны чередовались с немецкими. Линию фронта удерживали одна немецкая дивизия, одна немецкая парашютно-десантная бригада и пять итальянских пехотных дивизий. Подвижный резерв располагался следующим образом: на северном участке фронта — 15-я немецкая танковая дивизия и итальянская танковая дивизия «Литторио», позади них — 90-я немецкая легкая дивизия и итальянская дивизия «Триест» и на юге в качестве армейского резерва — 21-я танковая дивизия и итальянская танковая дивизия «Ариете».

Провал немецкой военной разведки

Разведывательная служба главного командования немецких вооруженных сил была уверена, как это ни странно, что англичане не смогут начать наступление в октябре. В середине октября, за пять дней до начала наступления Монтгомери, в Африку из генерального

штаба был прислан офицер отдела «Иностранные армии на Западе», который и передал нам эти данные. Монтгомери удалось скрыть от немецкой разведки не только дату начала наступления, но и направление главного удара. Он провел ряд координированных мероприятий с целью убедить нас, что наступление начнется на южном участке, и одновременно скрыть подготовку к нанесению удара на севере. Кроме того, Монтгомери старался создать у нас впечатление, что подготовка к наступлению на юге еще не закончилась. В исходных районах сотни танков были укрыты под макетами различных машин. На артиллерийских огневых позициях были расставлены макеты грузовых автомобилей. Орудия подвозились ночью и укрывались под макетами. На южном участке строился макет огромного склада. Он возводился так медленно, что окончания строительства мы ожидали не ранее начала ноября. На этом участке англичанами была создана сеть радиостанций, единственной целью которой было введение в заблуждение нашей службы радиоперехвата. Путем создания ложных пунктов заправки горючим и складов горючего, строившихся к тому же крайне медленными темпами, создавалось впечатление, что ведется строительство нефтепровода. Особое внимание англичане обращали на то, чтобы машины не оставляли следов на песке. В результате всех этих мер немецкая разведка была введена в заблуждение, а немецкое главное командование не знало ни даты начала наступления, ни направления главного удара, ни районов сосредоточения танков. Англичанам удалось сохранить в тайне и прибытие двух новых дивизий, имевших в своем составе 240 орудий и 150 танков.

В будущих боях Монтгомери намеревался применить новую наступательную тактику. До сих пор основной задачей современного боя считалось уничтожение танков противника. В этом видели необходимое условие для выполнения сравнительно легкой задачи уничтожения войск, лишенных броневой защиты. В своей книге «От Эль-Аламейна до реки Сангро» Монтгомери писал: «Я решил избрать другой путь — сначала уничтожить немецко-итальянскую пехоту, занимавшую оборонительные позиции. Я намеревался выбивать из стены противника один кирпич за другим, проводя тщательно подготовленные, не связанные одна с другой атаки, так как этот способ наи-

более соответствовал возможностям войск, находившихся под моим командованием».

Монтгомери собирался перейти в наступление на северном участке фронта. Главный удар должен был нанести 30-й корпус генерала Оливера Лиза в составе четырех дивизий: 9-й австралийской, 51-й шотландской, 2-й новозеландской и 1-й южноафриканской. По проделанным им двум проходам в минных полях немцев должны были пройти 1-я и 10-я бронетанковые дивизии 10-го корпуса генерала Лумсдена, имевшие задачу в самом начале сорвать контратаки танков противника. Находившийся южнее 13-й корпус генерала Хоррокса в составе 44-й и 50-й пехотных дивизий и 7-й бронетанковой дивизии под названием «Крысы пустыни» должен был провести две атаки. Цель этих атак заключалась в том, чтобы заставить немецко-итальянское командование поверить, будто главный удар будет нанесен именно здесь. Как предполагалось, это удержит здесь 21-ю танковую дивизию немцев и лишит ее возможности участвовать в отражении действительного главного удара, наносимого севернее.

Хотя в состав армии Монтгомери входили только три бронетанковые дивизии, в его распоряжении находились также четыре отдельные бронетанковые бригады. Монтгомери располагал более чем тысячью танков, в то время как у немцев имелись две (в общей сложности 270 танков) и у итальянцев две танковые дивизии (300 танков). К тому же почти все итальянские танки были устаревших конструкций и потому не могли иметь практического значения.

Безнадежный бой — Роммель

Ночью 23 октября стояла тихая и ясная погода. В 21.40 при свете полной луны англичане начали артиллерийскую подготовку. На наши батареи обрушилось более тысячи тяжелых снарядов, причинив огромные разрушения. Осколки снарядов, дым и пыль превратили позиции у Эль-Аламейна в сущий ад. В 22.00 огонь был перенесен на передовые позиции пехоты и на «дьявольские сады» Роммеля. Наступавшие в первом эшелоне дивизии 13-го и 30-го корпусов перешли в атаку. Австралийцы и шотландцы, проделав проход в минных полях, наступали в западном направлении севернее хребта Саниет-эль-Мительрия. Новозеландцы и южноафриканцы атаковали

хребет с северо-запада и, преодолев его, проделали второй проход в наших минных полях. Одновременно с этим индийцы в широких масштабах осуществляли демонстративные действия против наших позиций в районе хребта Рувейсат, а на самом северном участке фронта, в районе между Тель-эль-Эйса и морем, в несколько меньших масштабах начали наступательные действия австралийцы. Завязались упорные бои, продолжавшиеся в течение всей ночи. Немцы и итальянцы оказывали все более упорное сопротивление, но к восходу солнца войска Монтгомери выполнили свою ближайшую задачу: в минных полях было проделано два прохода, через которые выдвигались вперед тяжелые виды оружия. Вслед за 30-м корпусом через проходы в минных полях двинулись 1-я и 10-я бронетанковые дивизии, располагавшие более чем 700 танками. Когда 10-я бронетанковая дивизия достигла вершины хребта Саниет-эль-Мительрия, ее продвижение было приостановлено огнем артиллерии и противотанковых средств. Бронетанковая бригада новозеландцев по гористой местности несколько продвинулась в западном направлении, но вскоре застряла на больших минных полях, прикрывавшихся сильным артиллерийским огнем. Танки были отведены под прикрытие хребта, и началась артиллерийская дуэль дальнобойных орудий. 8-й армии удалось вклиниться в немецко-итальянские позиции и удержаться на захваченных рубежах, но танки не смогли прорваться на ровную местность к западу от наших позиций.

Одновременно 7-я бронетанковая и 44-я пехотные дивизии предприняли наступательные действия южнее и проделали два прохода через восточную часть минных полей. Их попытка преодолеть западную часть минного поля окончилась неудачей. В связи с этим командование 13-го корпуса изменило свои планы и начало атаки местного значения.

В это время Роммель находился еще в Германии. Около полудня 24 октября Гитлер позвонил ему в санаторий в Земмеринге. «Известия из Африки весьма неутешительны, — сказал Гитлер. — Обстановка там не совсем ясна. Никто не знает, что случилось с генералом Штумме. Чувствуете ли вы себя в состоянии вернуться в Африку и принять командование армией?» Роммель находился на лечении всего три недели и, конечно, был еще не настолько

здоров, чтобы принять командование в жестоком сражении, казалось, уже безнадежно проигранном. Однако он не колебался ни минуты. На следующее утро Роммель вылетел из Германии, сознавая, что у него очень мало шансов на победу. В Риме он ненадолго остановился, чтобы обсудить вопросы снабжения. После этого он вылетел на остров Крит, а вечером 25 октября прибыл на свой командный пункт в Западной Пустыне. Генерал Риттер фон Тома, временно командовавший армией, доложил ему обстановку: «Как мы и ожидали, господин фельдмаршал, сложилась неблагоприятная для нас обстановка. Подавляющее превосходство в артиллерии дало противнику возможность уничтожить наши минные поля, прежде чем на них вступила его пехота. Теперь они уже в его руках. Перейдя в контратаку, наша 15-я танковая дивизия задержала противника, но не смогла отбросить его.

Рано утром 24 октября генерал Штумме по одной из запасных дорог попытался проехать в самую гущу боя, чтобы лично разобраться в происходящем. Вдруг его окружили английские солдаты с пулеметами и противотанковыми ружьями. Полковник Бухтинг, единственный сопровождавший его офицер, был сразу же убит пулей в голову. Водитель развернул машину, генерал Штумме вылез из автомобиля, но продолжал держаться на подножке. Водителю, который выпрыгнул из машины и прижался к земле, удалось спастись. Затем генерал, вероятно, упал с автомобиля, но водитель этого не видел. Позднее труп генерала нашли около дороги. Он умер от разрыва сердца.

К несчастью, в начале атаки англичан генерал Штумме из-за нехватки боеприпасов запретил произвести артиллерийский налет на исходные позиции противника. Поэтому англичанам удалось захватить бо́льшую часть наших минных полей и оборонительных позиций, понеся при этом сравнительно небольшие потери. Из-за нехватки горючего наши танковые части, находившиеся в боевой готовности непосредственно за опасными участками фронта, могли осуществлять лишь незначительные передвижения и контратаки. Части 15-й танковой дивизии вчера и сегодня несколько раз ходили в контратаку. Они понесли тяжелые потери от сильного артиллерийского огня и систематических бомбардировок. Сейчас у них насчитывается всего 31 исправный танк. В прилегающих к ли-

нии фронта районах остались очень ограниченные запасы горючего».

Этими словами генерал фон Тома закончил свой доклад. Роммель еще в Риме потребовал, чтобы все подводные лодки и эскадренные миноносцы итальянского флота были немедленно использованы для транспортировки горючего и боеприпасов по Средиземному морю в Африку. Истребители Кессельринга были не в состоянии бороться с английскими бомбардировщиками. Несмотря на всю опасность обстановки, Роммель твердо решил отбросить вклинившегося в нашу оборону противника. С этой целью он сосредоточил все свои подвижные части, разбросанные на северном участке нашего фронта. Однако 21-я танковая дивизия была оставлена на южном участке фронта, и это обстоятельство позднее оказалось весьма невыгодным для нас.

В течение ночи с 25 на 26 октября англичане по всему фронту вели сильный артиллерийский огонь и предпринимали непрерывные атаки. В отражении атак противника принимали участие крупные силы наших танковых дивизий, так как ощущался острый недостаток в пехоте. Волна за волной английские ночные бомбардировщики сбрасывали бомбы на наши войска. Незадолго до полуночи противнику удалось захватить высоту 28 (хребет Кидни). Укрепив свои позиции, утром 26 октября он вновь перешел в атаку и расширил плацдарм, захваченный западнее минных полей. Английские войска, занимавшие этот плацдарм, были немедленно контратакованы 15-й танковой дивизией и дивизией «Литторио», поддержанных массированным артиллерийским огнем. Так как англичане отчаянно оборонялись, контратакующие части продвигались очень медленно. Приходилось драться за каждый метр, и обе стороны несли огромные потери. Несмотря на это, к вечеру мы вернули восточный и западный склоны хребта Кидни, хотя его вершина по-прежнему оставалась в руках англичан. Эта вершина стала исходным пунктом для решительных действий Монтгомери.

26 октября Роммель наблюдал за ходом боя на северном фланге нашей обороны. Английские самолеты вновь и вновь методично бомбили наши войска. В районе хребта Кидни силы англичан постепенно увеличивались. Роммель приказал артиллерии вести массированный огонь, чтобы воспретить продвижение противника. Однако острая не-

хватка боеприпасов не позволила нашим артиллеристам справиться с этой задачей.

В течение этого дня в бой была введена 90-я легкая дивизия с целью атаковать хребет Кидни. Намереваясь, видимо, захватить район Сиди-Абд-эр-Рахман, англичане непрерывно вводили в бой свежие части. Чтобы помешать осуществлению этих намерений, Роммель перевел дивизию «Триест» в район восточнее Эль-Дабы. Во второй половине дня немецкие и итальянские пикирующие бомбардировщики попытались разгромить колонны противника, продвигавшиеся в северо-западном направлении. В этом бою немецкие летчики совершили подлинный акт самопожертвования. Более пятидесяти английских истребителей атаковали тихоходные бомбардировщики и вынудили итальянцев сбросить бомбы на свои собственные войска. Неся тяжелые потери, немецкие самолеты упорно пробивались к цели. Еще ни разу в Африке мы не наблюдали такого мощного заградительного огня зенитной артиллерии, какой англичане вели в этот раз.

Англичане предпринимали настойчивые танковые атаки с целью прорвать наши позиции южнее хребта Кидни. Только введя в бой около 150 танков, они осуществили к вечеру довольно глубокое вклинение. После упорных боев немецким и итальянским танкам удалось несколько потеснить англичан. Днем 26 октября группы английских бомбардировщиков по 20 машин в каждой через часовые интервалы наносили бомбовые удары по нашим позициям, что приводило к серьезным потерям среди немецко-итальянских войск и вызывало у наших солдат гнетущее чувство беспомощности.

Снабжение наших войск катастрофически ухудшалось. Единственный танкер «Прозерпина», который мог бы в какой-то мере помочь нам в разрешении проблемы снабжения горючим, подвергся бомбардировке и затонул недалеко от Тобрука. Нам следовало срочно сосредоточить все механизированные части на северном участке фронта и массированным ударом отбросить англичан. Но для этого у нас не хватало горючего. Пришлось предпринимать отдельные разрозненные атаки. Так как Монтгомери часто колебался в принятии решений и проявлял чрезмерную осторожность, сосредоточение наших танковых частей могло бы привести к успеху. И вот Роммель, несмотря на нехватку бензина, решил перевести всю 21-ю танковую

дивизию с южного участка фронта на северный. Принимая это решение, он сознавал, что обратное перемещение дивизии осуществить не удастся. Все-таки он перевел с южного участка половину армейской артиллерии. В тот же вечер Роммель радировал в «Логовище волка»: «Мы проиграем это сражение, если снабжение войск немедленно не улучшится». Однако наш опыт свидетельствовал о том, что на это не было никакой надежды.

Операция «Суперчардж» — Монтгомери

Для обеих сторон сражение вступило в критическую стадию. Английские войска начинали испытывать усталость, ярость их атак постепенно ослабевала. Роммель так успешно организовал противотанковую оборону, что англичане понесли большие потери в танках, а решающего прорыва нашей обороны им осуществить не удалось.

Теперь Монтгомери планировал новую операцию, надеясь в течение четырех дней добиться прорыва немецких позиций. В его распоряжении было еще 800 исправных танков и неистощимые запасы боеприпасов. Английские войска были перегруппированы. Монтгомери отвел «Крыс пустыни» и несколько пехотных бригад с южного участка фронта и перебросил их на направление своего главного удара. Прежде чем нанести смертельный удар, он намеревался сдерживать войска Роммеля, проводя атаки местного значения. В первую очередь он хотел ликвидировать выступ, удерживавшийся Роммелем на самом северном участке фронта. Это открыло бы путь к Сиди-Абд-эр-Рахману.

27 октября англичане вновь подвергли сильному артиллерийскому обстрелу позиции немецко-итальянских войск. К этому времени Роммель сосредоточил остатки своих подвижных резервов на северном участке фронта. Пока 90-я легкая дивизия вела бои за хребет Кидни, 15-я и 21-я танковые дивизии должны были атаковать хребет Саниет-эль-Мительрия. В 14.00 Роммель на автомобиле прибыл в район сосредоточения своих войск. 20 английских бомбардировщиков в течение четверти часа трижды бомбили находившиеся там наши части, которые не имели никакого укрытия. В 15.00 наши пикирующие бомбардировщики атаковали английские позиции. Все части нашей полевой и зенитной артиллерии произвели непродолжительный, но интенсивный артиллерийский на-

лет на заранее намеченные объекты атаки. После этого перешли в атаку наши механизированные части. Они немедленно подверглись сильному обстрелу. Англичане оборонялись на редкость упорно. Ураганным огнем противотанковых орудий и танков они быстро приостановили нашу атаку. Мы понесли тяжелые потери и вынуждены были отойти. Под градом английских снарядов и бомб сорвалась и атака 90-й легкой дивизии. Донесение о захвате этой дивизией хребта Кидни оказалось, к сожалению, ложным. В этот вечер еще несколько сильных танковых подразделений пришлось выдвинуть вперед для закрытия брешей в нашей линии фронта.

Эфир заполнили просьбы о помощи, летевшие в Рим и в ставку Гитлера. Но никакой надежды на улучшение снабжения наших войск уже не было. Англичане наносили нам одно поражение за другим. А ведь Монтгомери бросил в бой только часть своих сил, подготовленных к наступлению.

Во второй половине дня 28 октября англичане трижды атаковали северный участок нашего фронта. Наши танковые части отбили все атаки и отбросили противника к его исходным рубежам, при этом мы вновь понесли серьезные потери, а положение со снабжением по-прежнему оставалось катастрофическим. Все итальянские вспомогательные крейсеры и эскадренные миноносцы были использованы для транспортировки столь необходимых нам боеприпасов и горючего. Но большинство кораблей разгружалось в порту Бенгази, находившемся почти в тысяче километрах от линии нашего фронта. Было ясно, что боеприпасы и горючее поступят в войска только через несколько дней.

Вскоре после полудня 28 октября было отмечено сосредоточение крупных бронетанковых сил англичан в районе хребта Кидни. Мы решили, что Монтгомери намеревается снова прорвать нашу линию обороны, и, насколько позволяли наши значительно уменьшившиеся силы, приняли меры для укрепления своих позиций. Днем атака не состоялась, но в 21.00 на район западнее хребта Кидни обрушился ураганный артиллерийский огонь. Затем сосредоточенному огню сотен орудий подвергся район севернее хребта Кидни. В 22.00 англичане пошли в атаку. Временно нам удалось отбить эту атаку, сосредоточив в одном месте огонь всей своей артиллерии. Шесть часов

не утихал упорный, кровопролитный бой. Инициатива переходила из рук в руки, но в конце концов противник смял наши части.

Штаб армии к этому времени был переведен далеко на запад. Роммель писал в своем дневнике, изданном позднее под названием «Война без ненависти»:

«Этой ночью я и несколько моих коллег оставались на прибрежной дороге невдалеке от моего старого командного пункта. Оттуда я видел вспышки выстрелов и слышал неумолчный гул боя. Вновь и вновь английские ночные бомбардировщики сбрасывали на нас свой смертоносный груз и с помощью осветительных бомб так освещали все поле боя, что становилось светло, как днем. Невозможно измерить всей тяжести тревог и забот, которые в то трудное время давили мне грудь. Я почти не спал этой ночью, а все ходил взад и вперед, раздумывая над тем, как развернется бой и какие решения нужно принять. Я сомневался, чтобы мы были в состоянии долго отражать яростные атаки противника, которые неизбежно должны были усилиться. Я был убежден, что не следует дожидаться решающего прорыва противника, а нужно предвосхитить его, отойдя на запад. Отходя, мы должны будем сделать все, чтобы спасти как можно больше танков и пушек. Ни в коем случае нельзя допустить прорыва нашей обороны под Эль-Аламейном. К утру я решил, что под сильным давлением войск Монтгомери я не буду дожидаться окончания боя, а отступлю на 80 километров на запад, к Фука».

29 октября около полудня мы получили ошеломившее нас сообщение: танкер «Луизиана», сменивший «Прозерпину», тоже потоплен авиаторпедами. Однако решающая атака англичан по-прежнему не начиналась. Роммель понимал, что англичане проводят перегруппировку сил. На фронте было теперь сравнительно спокойно. На северном участке фронта англичане вели сильный артиллерийский огонь. Действовала и авиация противника. 29 октября противник бомбил в основном прибрежную дорогу. Истребители-бомбардировщики англичан уничтожили на ней много наших грузовиков. Роммель приказал провести разведку позиций у Фука, куда он намеревался отвести войска.

К этому времени Монтгомери стало известно, что 90-я легкая дивизия выведена в район Сиди-Абд-эр-Рахмана для отражения натиска англичан с этого направления. Он немедленно изменил свой план и решил нанести главный удар южнее, где фронт удерживали малочисленные итальянские части. А здесь у нас уже не было резервов. Австралийской дивизии было приказано в ночь с 30 на 31 октября прорвать нашу оборону и выйти к побережью. Эта дивизия должна была подготовить условия

для прорыва англичан в западном направлении. Ёще одна атака в этом районе убедила бы Роммеля в том, что главный удар англичане нанесут на самом северном участке фронта. Однако основная цель этой атаки состояла в том, чтобы заставить Роммеля не отводить 90-ю легкую дивизию из района Сиди-Абд-эр-Рахмана. Перед новозеландской дивизией была поставлена задача в ночь с 31 октября на 1 ноября атаковать наши позиции в западном направлении и прорвать их. Выполнив эту задачу, 10-й корпус с приданными ему 1-й, 7-й и 10-й бронетанковыми дивизиями должен был через участок прорыва пробиться в пустыню за нашими позициями и уничтожить Африканский корпус. Таким образом, целью операции «Суперчардж» было уничтожение наших боевых частей.

В ночь с 30 на 31 октября 21-я танковая дивизия была отведена с передовых позиций и оставлена в резерве. Отвод дивизии еще не был закончен, как на наши позиции на северном участке внезапно обрушился артиллерийский удар неслыханной мощи. После часовой артиллерийской подготовки австралийцы атаковали наши позиции как с фронта, чтобы сковать оборонявшие их наши войска, так и с юга, во фланг нашей самой северной позиции. Одновременно английские бронетанковые части атаковали в северном направлении и уничтожили итальянскую батарею. К рассвету 31 октября 30 тяжелых танков англичан вышли к прибрежной дороге. Единственной частью, которую можно было немедленно использовать для контратаки, оказался 35-й разведывательный батальон, так как 21-я танковая дивизия все еще отходила с передовых позиций и не была готова к боевым действиям.

Роммель немедленно прибыл на автомобиле в Сиди-Абд-эр-Рахман и оборудовал свой командный пункт восточнее мечети. Противник продолжал наступать в направлении к побережью и отрезал все наши войска, находившиеся в северном выступе. Генералу Риттеру фон Тома было приказано контратаковать противника силами 21-й танковой и 90-й легкой дивизий. Эта атака должна была начаться с массированных налетов наших пикирующих бомбардировщиков и мощного артиллерийского огня. Атака началась около 12.00, но не достигла своей цели. Правда, войскам генерала Тома удалось установить контакт с войсками, которые были окружены в районе, представлявшем ранее северный выступ. Не-

сколько позднее противник был отброшен за железнодорожную линию.

В полдень 1 ноября Роммель провел рекогносцировку местности, на которой происходил этот бой. Домик железнодорожной станции (пост Томсона) англичане обозначили флагами Красного Креста. Вокруг него догорало 11 танков, а позади него валялось около 40 разбитых английских бронеавтомобилей. Англичане эвакуировали своих раненых, и в связи с этим наша артиллерия прекратила огонь.

Днем английские бомбардировщики совершили 34 налета на северный участок нашего фронта. В небе одновременно находились сотни английских истребителей, а бесчисленные истребители-бомбардировщики обстреливали наши грузовики, доставлявшие войскам грузы по прибрежной дороге. В распоряжении Монтгомери находилось более 800 танков, а мы рассчитывали лишь на 90 немецких и 140 итальянских танков.

Вечером 1 ноября Роммель получил из Рима радиограмму следующего содержания:

«Дуче просил меня выразить Вам его глубокую благодарность за успешную контратаку, возглавлявшуюся лично Вами. Кроме того, Дуче желает уведомить Вас, что он уверен в том, что под Вашим командованием развернувшееся сейчас сражение окончится нашей полной победой. Уго Кавальеро, маршал Италии».

Вскоре стало совершенно ясно, что немецкое верховное командование так же плохо информировано о действительном положении в Африке, как и итальянское.

Между тем были получены донесения разведки о позиции у Фука. С юга эта позиция была защищена от танковых атак благодаря большой крутизне эскарпов. В случае необходимости мы могли удерживать ее в своих руках, пока артиллерия англичан не займет огневых позиций. Это позволяло нам выиграть время для подвоза подкреплений и боеприпасов.

«Победа или смерть...» — Адольф Гитлер

Решение Монтгомери при проведении операции «Суперчардж» нанести главный удар южнее должно было дать ему большие преимущества. Наступление началось в ночь с 1 на 2 ноября. В течение 3 часов снаряды из сотен английских орудий смертоносным потоком обрушивались на позиции немецко-итальянских войск, в то время

как английские бомбардировщики сбрасывали на них сотни бомб. Затем, сопровождаемая танками, перешла в атаку английская пехота. Наш фронт был прорван. Утром 2 ноября остатки Африканского корпуса предприняли контратаку и закрыли образованную в линии фронта брешь, ширина которой достигла уже 4 километров. Разгорелся упорный бой, и обе стороны понесли серьезные потери. Авиация и артиллерия англичан обрушивали на наши войска сплошной ливень огня и стали. Их запасы боеприпасов по-прежнему были неисчерпаемы, а снабжение войск Роммеля безнадежно ухудшилось. В ходе боя за один этот день мы израсходовали 450 тонн боеприпасов, а получили всего 190 тонн, причем они были доставлены эсминцами в Тобрук, находившийся в 480 километрах от района боевых действий.

Тем временем Монтгомери начал сосредоточивать на участке прорыва танки, ранее находившиеся в резерве. Нам грозило неминуемое уничтожение. У Африканского корпуса осталось всего 35 исправных танков. Роммель чувствовал, что настало время выходить из боя. Уже утром 3 ноября он усомнился, что немецкое и итальянское верховные командования сделают правильные выводы из создавшейся обстановки, несмотря на все наши совершенно недвусмысленные доклады. Роммель решил послать своего адъютанта лейтенанта Берндта в «Логовище волка», находившееся за 3200 километров в Восточной Пруссии, откуда Гитлер «лично руководил решающим сражением в Северной Африке».

Фельдмаршал дал Берндту следующие указания: «Подробно объясни фюреру наше положение и выскажи предположение, что захваченную нами территорию в Северной Африке мы вскоре потеряем. Проси предоставить танковой армии полную свободу действий». После этого Роммель по прибрежной дороге отправился на восток.

В то утро Монтгомери вновь атаковал, но в атаках англичан чувствовалась некоторая неуверенность. По всей вероятности производилась перегруппировка соединений с целью расширения участка прорыва. Роммелю этот момент показался наиболее удобным для отхода на позиции у Фука, и он приказал итальянцам отступить на запад. Двигаясь непрерывным потоком, машины забили прибрежную дорогу. Итальянская пехота шла в пешем строю. Англичане быстро разобрались в обстановке, и

более 200 истребителей-бомбардировщиков атаковало наши колонны. Когда Роммель около полудня возвратился на свой командный пункт, начальник связи корпуса передал ему расшифрованную радиограмму следующего содержания:

«Фельдмаршалу Роммелю.

Я и немецкий народ с глубокой верой в Ваше командование и храбрость руководимых Вами немецко-итальянских войск наблюдаем за героическим оборонительным сражением в Египте В том положении, в котором Вы находитесь сейчас, не может быть иного решения, как стоять насмерть, не отступать ни на шаг, бросить в бой каждую пушку, каждого солдата. В течение нескольких ближайших дней Вам будут переброшены значительные авиационные подкрепления. Дуче и итальянское верховное командование тоже примут меры, чтобы снабдить Вас всеми средствами, необходимыми для продолжения боя. Несмотря на большое численное превосходство, противник в конце концов будет измотан и обескровлен. Как часто случалось в истории человечества, железная воля возьмет верх над превосходством противника в живой силе. У Ваших войск только один выход: победа или смерть.

Адольф Гитлер»

Прочитав этот приказ, мы почувствовали себя в положении приговоренных к смерти преступников, которым приведение приговора в исполнение отложили на 48 часов. Армия, вынужденная по приказу Гитлера сражаться с превосходящими силами противника и лишенная возможности маневрировать, неизбежно подвергалась угрозе окружения и быстрого уничтожения. Очевидно, несмотря на недвусмысленные доклады Роммеля, в «Логовище волка» не представляли действительного положения в Африке. В дневнике Роммеля мы читаем: «Нам нужны были пушки, горючее, самолеты. В приказе стоять насмерть мы не нуждались».

Фельдмаршал чувствовал себя так, словно ему дали пощечину. Впервые за время Африканской кампании он не знал, что предпринять. После внутренней борьбы он все же решил выполнить приказ Гитлера. В своем дневнике Роммель писал:

«В конце концов я заставил себя принять это решение, так как от своих солдат я всегда требовал безусловного повиновения и считал необходимым самому придерживаться этого принципа. Если бы в то время я знал о том, в чем мне пришлось убедиться позднее, мое решение было бы иным. В последующие месяцы нам неоднократно при-

ходилось ради спасения армии оставлять без внимания приказы фюрера и дуче».

В связи с этим распоряжения об отходе на запад были немедленно отменены. В этот вечер Роммель послал второго курьера в ставку Гитлера. Он должен был информировать Гитлера, что в случае выполнения его приказа окончательный разгром немецко-итальянской танковой армии станет делом ближайших дней.

Утром 4 ноября остатки немецкого Африканского корпуса совместно с 90-й легкой дивизией незначительными силами оборонялись по обеим сторонам широкой песчаной дюны под названием Тель-эль-Мампсра. Эта дюна высотой всего в 3,7 метра господствовала, однако, над всем районом. Южнее располагался обессиленный итальянский бронетанковый корпус. Незадолго до рассвета я доложил командиру Африканского корпуса генералу Риттеру фон Тома, что направляюсь в район южнее Эль-Дабы для оборудования тылового командного пункта. Генерал Тома впервые за время боевых действий в пустыне был одет по всей форме, с генеральскими знаками различия, при орденах и медалях. Он сказал мне: «Байерлейн, приказ Гитлера — чистое безумие. Я не могу больше терпеть этого. Отправляйтесь на командный пункт в Эль-Даба, а я останусь здесь и буду лично руководить обороной Тель-эль-Мампсра».

Я видел, что Тома пришел в полное отчаяние, и не ожидал ничего хорошего. С генералом остался его адъютант лейтенант Гартдеген с радиостанцией. Генерал надел шинель и взял небольшой брезентовый мешок. Я невольно подумал о том, что генерал собрался умирать. Вскоре я покинул Тель-эль-Мампсра и поехал на автомашине в тыл.

Англичане начали атаку только в 8 часов утра, после почти часовой артиллерийской подготовки. Главный удар был нанесен по Тель-эль-Мампсра. Африканскому корпусу, бросившему в бой все свои силы, удалось отбить две атаки, в которых участвовало около 200 английских танков.

В 11 часов на моем командном пункте появился лейтенант Гартдеген. Он сказал: «Меня послал генерал фон Тома. При мне радиостанция — генералу она больше не понадобится. Все наши танки, противотанковые и зенитные орудия уничтожены у Тель-эль-Мампсра. О судьбе генерала я ничего не знаю».

Я сел в небольшой разведывательный бронеавтомобиль и немедленно отправился в восточном направлении. Внезапно я услышал над собой свист бронебойных снарядов, а далеко впереди различил в полуденной дымке бесчисленные черные чудовища. Это были танки 10-го гусарского полка Монтгомери. Выскочив из бронеавтомобиля, я под палящим полуденным солнцем изо всех сил побежал к Тель-эль-Мампсра. Здесь витала смерть. Кругом горели танки, валялись разбитые зенитные орудия. Я не видел ни одной живой души. И вдруг приблизительно в 200 метрах от той ямы, где я лежал, зарывшись в песок, около горящего танка появился человек, который, видимо, не обращал никакого внимания на свистящие вокруг него снаряды и пули. Это был генерал фон Тома. Английские танки «Шерман», подходившие к Тель-эль-Мампсра, остановились, образуя широкий полукруг. Что делать? Генерал, конечно, сочтет меня трусом, если я не присоединюсь к нему. Но пытаться перебежать через огневую завесу, лежавшую между генералом фон Тома и мной, — значит обречь себя на верную смерть. На мгновение я задумался. В это время английские танки снова двинулись вперед. Тель-эль-Мампсра больше не обстреливалась. Тома, выпрямившись, непреклонный и неподвижный, как гранитная скала, по-прежнему стоял около танка. В руках он все еще держал брезентовый мешок. Прямо на него двигались транспортер для пулемета «Брен» и два танка «Шерман». Английские солдаты что-то кричали генералу, а тем временем 150 танков и бронетранспортеров, словно грохочущий горный поток, перекатывались через Тель-эль-Мампсру.

Мой бронеавтомобиль куда-то исчез, и я побежал обратно, на запад, с быстротой, на какую только были способны мои ноги. Вскоре я встретил штабную машину, которая и доставила меня на командный пункт в Эль-Даба. Там я нашел Роммеля и доложил ему обо всем увиденном. Юго-восточнее и южнее командного пункта теперь были хорошо видны огромные тучи пыли. Танки 20-го итальянского корпуса вели свой последний упорный бой с сотней английских танков, нанесших удар по открытому правому флангу итальянцев. Несмотря на отчаянное сопротивление, итальянский корпус был полностью уничтожен.

Начальник связи Африканского корпуса передал Ром-

мелю перехваченную и расшифрованную радиограмму командира английского 10-го гусарского полка. В ней сообщалось: «Нами только что взят в плен генерал Риттер фон Тома». Фельдмаршал отозвал меня в сторону и сказал: «Байерлейн, случилось то, что мы всеми силами старались предотвратить. Наш фронт прорван, и противник заходит нам в тыл. Теперь не может быть и речи об исполнении приказа Гитлера. Чтобы спасти остатки своих войск, мы должны немедленно отойти на позиции у Фука. Полковник Байерлейн, — продолжал Роммель, — я назначаю вас командиром Африканского корпуса. Никому, кроме вас, я не могу его доверить. Если за неповиновение Гитлер предаст нас суду военного трибунала, мы оба будем отвечать за это решение. Прошу вас все силы и способности обратить на выполнение своего долга. Все ваши приказы войскам будут отдаваться моей властью. Скажите об этом старшим офицерам, если у вас возникнут какие-нибудь недоразумения». «Я приложу все силы», — ответил я. Роммель сел в бронированную штабную машину и направился в другие части своей разбитой армии, чтобы отдать им приказ об отходе.

Между двух огней — Конец

С наступлением темноты я отдал приказ выходить из боя. Решение Роммеля давало возможность спасти от уничтожения последние остатки наших моторизованных войск. Но 24-часовая задержка уже привела к уничтожению всей пехоты, большого количества танков, грузовиков и пушек. Армия Роммеля не смогла остановить наступающие войска Монтгомери. Провести перегруппировку войск было невозможно, так как только быстрое отступление могло спасти их от воздушных налетов англичан и вывести из пределов досягаемости огня английской артиллерии. Любую машину, которая не успевала выбраться на прибрежную дорогу, противник немедленно уничтожал или захватывал. Преодолевая сопротивление, Монтгомери стремительно продвигался вперед.

На следующее утро от Гитлера была получена радиограмма следующего содержания: «Я согласен на отход Вашей армии к позициям у Фука».

Но эти позиции уже были захвачены танками противника. Мы продолжали отступать на запад. Монтгомери не удалось захватить «Лису пустыни» и его африканцев. По

смелости и гибкости организации передвижения своих войск Роммель во многом превосходил Монтгомери. Один за другим нам пришлось отдавать назад города в Ливийской пустыне, захват которых стоил нам стольких жертв. Мерса-Матрух, Эс-Саллум, Бардия и, наконец, Тобрук — Верден Западной Пустыни — все они быстро и теперь уже окончательно эвакуировались нами. В последний раз войска проходили через Киренаику, которая за два года четырежды переходила из рук в руки.

8 ноября союзный экспедиционный корпус под командованием генерала Эйзенхауэра высадился в Марокко и Алжире с целью захвата Туниса. Началась операция «Торч», и Роммель оказался теперь между двух огней. Это был конец.

ОТ ЭЛЬ-АЛАМЕЙНА ДО СТАЛИНГРАДА

Генерал-лейтенант ЗИГФРИД ВЕСТФАЛЬ

В боях у Эль-Аламейна английские вооруженные силы продемонстрировали свое высокое боевое мастерство. Они были хорошо подготовлены, прекрасно оснащены, а самое главное — их вдохновляла уверенность в том, что окончательная победа будет на их стороне. Не менее важным фактором являлось и то, что у них была надежная система снабжения, отсутствие которой так отрицательно сказалось на их противнике — немцах. В боях у Эль-Аламейна уже начала чувствоваться помощь, оказываемая англичанам Соединенными Штатами Америки. Достаточно вспомнить хотя бы «Летающие крепости». Справедливости ради необходимо, однако, отметить, что в Африке англичане использовали те войска, которые им по счастливой случайности удалось эвакуировать из Дюнкерка. Эти войска составили основу новых мощных соединений, появившихся теперь на полях сражений.

Начиная отступление, Роммель понимал, что на этот раз не может быть возврата, как в январе прошлого года. Превосходство противника в вооружении и боевой технике было слишком велико, а у нас не осталось никакой надежды на улучшение снабжения. После боев у Эль-Аламейна ни один караван судов не достиг портов Ливии. Только небольшим одиночным судам иногда удавалось обмануть бдительность английской авиации и флота. По воздуху доставлялось очень небольшое количество предметов снабжения, а так как этот вид транспорта зависел от погоды, он был ненадежен. Снабжение по воздуху с

точки зрения количества, конечно, не могло заменить снабжения морем.

Новым фактором, повлиявшим на общее ухудшение положения Германии, явилось известие о высадке 8 ноября 1942 г. в Марокко и Алжире войск западных держав под командованием генерала Эйзенхауэра. Главное командование немецких вооруженных сил было застигнуто врасплох. Теперь даже ребенок видел, что Роммель оказался между двух огней. Именно такого развития событий и опасался Роммель, хотя он ожидал, что крупный английский десант высадится скорее в районе Триполи или Бенгази. Действительные события оказались гораздо более серьезными: вооруженные силы Соединенных Штатов Америки начали теперь активные, прямые военные действия против Германии, несмотря на все хвастливые заверения Гитлера, Геббельса и Геринга об их невозможности. Именно теперь и началась борьба не на жизнь, а на смерть.

Неудивительно, что после короткой и беспорядочной обороны в Северной Африке французы перешли на сторону западных держав. Этот переход был неизбежен. Его подготовила недальновидная, жестокая политика Германии по отношению к Франции. Все случилось именно так, как опасались и предсказывали пессимисты. События в Северной Африке заставили Гитлера занять ранее не оккупированную часть Франции. Теперь вся Франция была оккупирована немцами. Остатки французской армии в Европе были разоружены, а личный состав колониальной армии влился в вооруженные силы западных держав в Северной Африке. Французские моряки, не желая отдавать флот немцам, затопили в Тулоне все свои корабли.

Как ни странно, западные державы одновременно с высадкой в Марокко и Алжире почему-то не захватили Туниса. Это дало возможность главнокомандующему вооруженными силами Южного фронта фельдмаршалу Кессельрингу, штаб которого находился в Италии, перебросить из Италии в Тунис некоторые части и соединения, которые, несмотря на свою малочисленность, сумели захватить Тунис и создать там плацдарм. Немцы уговорили сдаться французский гарнизон, оборонявший укрепленную военно-морскую базу в Бизерте. Позднее в Тунис были переправлены немецкие подкрепления, и тогда силы немцев составили почти четыре дивизии, вошедшие в 5-ю тан-

ковую армию. Все это привело к тому, что основное внимание теперь обращалось на снабжение войск, действующих в Тунисе, а об армии Роммеля почти забыли. У него осталось так мало горючего, что ему не раз приходилось отказываться от реальных возможностей для перехода в наступление.

К концу ноября Роммель вновь оказался на позициях у Эль-Агейлы в заливе Сидра, откуда он дважды начинал наступление — в марте 1941 г. и январе 1942 г. Он знал, что может рассчитывать на несколько спокойных дней до подхода армии Монтгомери. Воспользовавшись короткой передышкой, фельдмаршал без предварительного предупреждения вылетел в Германию на свидание с Гитлером. Роммель надеялся убедить Гитлера срочно эвакуировать войска из Северной Африки. Предложение Роммеля было отвергнуто, и он вернулся в Африку разочарованный. Немецким войскам, находившимся под его командованием, было приказано сражаться до конца.

В северо-западной Африке положение оставалось пока сравнительно спокойным, так как продвижение войск западных держав на восток происходило все еще очень медленно. Это было затишье перед бурей. На границе между Тунисом и Алжиром велись бои местного значения, причем немцам удалось даже несколько продвинуться на запад. Был укреплен плацдарм в Тунисе и создано некоторое подобие непрерывного фронта, хотя оборонялся он незначительным количеством войск. Таким образом, критическое положение, создавшееся вначале, было ликвидировано, и к рождеству 1942 г. положение стало более или менее стабильным. Однако до самого конца этой кампании немецкие войска испытывали серьезный недостаток в тяжелом вооружении, особенно в танках и артиллерии.

Высадка десанта в Северной Африке вскрыла один факт, который имел чрезвычайно серьезные последствия для немецких войск: авиация западных держав располагала теперь почти безграничным господством в воздухе. Немецкие и итальянские истребители только в отдельных случаях не давали эскадрильям английских бомбардировщиков достигать их целей, и поэтому на наши войска, которые в пустыне не могли найти себе укрытия, непрерывно обрушивался смертоносный град бомб. Еще в боях под Эль-Аламейном Роммель оценил значение этих массиро-

ванных бомбардировок с воздуха. Они должны были решить исход войны, если у немцев не появится оснащенная новейшими образцами самолетов истребительная авиация, способная нанести бомбардировщикам противника серьезные потери. Вполне справедливо утверждение, что старые вояки Африканского корпуса привыкли к бомбардировкам. Кессельринг был прав, говоря, что они лучше всех других войск в мире переносят воздушные атаки. Но это утверждение не распространялось на большую часть итальянских войск в Африке, не имевших боевого опыта. Каково же будет положение при обороне самой Италии, когда основная тяжесть боев ляжет на плечи не нюхавшей пороха итальянской территориальной армии?

Господство западных держав на море также становилось все более очевидным. Особенно убедительно доказала это транспортировка войск в Тунис. Морские коммуникации немцев здесь были очень короткими, но это незначительное преимущество сводилось на нет интенсивностью атак противника. Нехватка у немцев грузовых судов усугублялась их ежедневными потерями. Словом, переход через узкий Тунисский пролив стал для отважных немецких и итальянских моряков верным путем в рай. На дно океана пошло огромное количество людей и бесценных грузов. Поразительно, что, несмотря на отчаянные усилия нашей авиации и флота, атаковавших противника, не считаясь с потерями, высадка войск западных держав в Северной Африке продолжалась почти беспрерывно. Правда, очень много судов было потоплено нашими пикирующими бомбардировщиками и подводными лодками, но со стапелей американских верфей сходило так много новых судов, что эти значительные потери почти не ощущались западными державами.

В эти несколько недель, когда немцы с волнением наблюдали за событиями на юге, далеко на востоке, на берегах Волги, создалось положение, которое позднее привело к катастрофе, имевшей гораздо большее значение. В следующей части книги бывший начальник генерального штаба сухопутных сил, который делал все возможное, чтобы предотвратить надвигавшуюся катастрофу, дает описание событий, известных в истории как Сталинградская битва.

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

Генерал-полковник КУРТ ЦЕЙТЦЛЕР

Намерения Гитлера

Планируя летнее наступление 1942 г., Гитлер намеревался прежде всего захватить Сталинград и Кавказ.

Осуществление этих намерений, безусловно, имело бы огромное значение. Если бы немецкая армия смогла форсировать Волгу в районе Сталинграда и таким образом перерезать основную русскую коммуникационную линию, идущую с севера на юг, и если бы кавказская нефть пошла на удовлетворение военных потребностей Германии, то обстановка на Востоке была бы кардинальным образом изменена и наши надежды на благоприятный исход войны намного возросли бы. Таков был ход мыслей Гитлера. Достигнув этих целей, он хотел через Кавказ или другим путем послать высокоподвижные соединения в Индию.

Следовало, однако, учитывать реальное положение вещей.

Военные цели всегда нужно приводить в соответствие с наличными силами и средствами. С чисто тактической точки зрения недостаточно достичь цели — важно закрепиться на захваченном объекте. Если это не будет сделано, то наступательная операция, какой бы заманчивой ни была ее цель, с самого начала будет содержать в себе зародыш неудачи, если не полного поражения.

Весной 1942 г. наша линия фронта проходила в 500 километрах от Сталинграда. Кавказ был еще дальше, на расстоянии более 600 километров. Кроме того, эти районы находились на расстоянии около 600 километров

друг от друга, и поэтому обе наступательные операции, начавшись на одном участке фронта, затем должны были проводиться по расходящимся операционным направлениям.

Возник естественный вопрос: хватит ли наличных сил, чтобы захватить эти два столь отдаленных от линии фронта и друг от друга района? Ответ был отрицательный. Можно ли найти необходимые для операции силы? Этот вопрос был поставлен перед Гитлером его военными советниками, а решение его, насколько мне известно, было предложено генералом Иодлем. Заключалось оно в том, чтобы потребовать свежие дивизии от союзников Германии. Тогда на Восточном фронте можно было бы сосредоточить силы, необходимые для осуществления намерений Гитлера в кампании 1942 г. Это была первая роковая ошибка 1942 г.

Каждый немецкий офицер и солдат, который воевал на Востоке в 1941 г., видел, что войска немецких союзников не отвечают требованиям войны на этом суровом театре военных действий. В 1941 г. войска наших союзников состояли в основном из небольших отрядов — отборных частей, которые воевали обычно в составе немецких соединений. В 1942 г. эти иностранные войска были сведены в однородные национальные корпуса и даже армии, воевавшие на огромных расстояниях от своей родины. Было совершенно очевидно, что такие соединения могли поставить под угрозу весь наш Восточный фронт. Но Гитлер был опьянен цифрами, он видел только то, как увеличилось количество дивизий на его штабных картах. Мой предшественник на посту начальника генерального штаба генерал Гальдер, безусловно, понимал, какие опасности таились в этом плане, и настойчиво указывал на них Гитлеру. Однако диктатор не посчитался с его предупреждениями.

Начало наступательных действий

Наступление началось в конце июня. Впереди, образуя острие клина, шли немецкие дивизии, а за ними следовали войска наших союзников. Наступление проводилось силами двух групп армий. Слева находилась группа армий «Б» под командованием фельдмаршала фон Бока (позже он был сменен фельдмаршалом фон Вейхсом), справа действовала группа армий «А», которой коман-

довал фельдмаршал Лист. Ставка Гитлера передислоцировалась из Восточной Пруссии на Украину, в район Винницы. Начало кампании ознаменовалось целой серией побед. В июле были захвачены Краснодар и Ставрополь и взято много пленных. В конце августа на Эльбрусе, самой высокой точке Кавказских гор, был поднят немецкий флаг. В это же время наши передовые части вышли к Волге в районе Сталинграда.

Тогда нам казалось, что наша первая главная цель достигнута. Но, увы, это был мираж. Вскоре наше наступление здесь было приостановлено. Пришел конец и нашим успехам на Кавказе, а в районе Сталинграда русские стали оказывать отчаянное сопротивление.

Кризис в верховном командовании

Первым признаком того, что наше наступление захлебнулось, было снятие фельдмаршала Листа с его поста. В течение некоторого времени на его место никто не назначался и группой армий «А» командовал заместитель Листа.

В конце сентября с поста начальника генерального штаба был снят генерал-полковник Гальдер. В это время я был начальником штаба группы армий[1]. Неожиданно и не сообщая о причине, меня вызвали в штаб верховного главнокомандующего. Как только я прибыл в ставку, Гитлер по своему обыкновению обратился ко мне с многочасовым монологом. Невозможно было перебить его речь, в которой он выражал свою глубокую неудовлетворенность ходом событий на Восточном фронте и провалом наступления. Как всегда, Гитлер не стал искать действительных причин постигших нас неудач. В данном случае причиной был ошибочный выбор целей наступления и недостаток сил и средств для достижения поставленных перед войсками задач. Всю вину Гитлер свалил на войска и их командиров — это было для него гораздо удобнее. Особенно резко он говорил о якобы полной некомпетентности фельдмаршала Листа и генерал-полковника Гальдера.

Неожиданно он закончил свою речь словами: «Итак, я решил назначить вас начальником генерального штаба».

---

[1] Генерал-полковник Цейтцлер был начальником штаба группы армий «Д». (*Прим. ред.*)

Это был обычный метод Гитлера. Совершая ошибку, он сваливал свою вину на другого, снимал его с должности и на его место назначал нового человека. Он никогда не делал правильных выводов из своих неудач, иначе он мог бы, если не исправить ошибки, допущенные в прошлом, то по крайней мере уменьшить влияние их на события в будущем.

Приступив к обязанностям начальника генерального штаба, я сразу же почувствовал, что после провала нашего наступления на Востоке в штабе верховного главнокомандующего сложилась какая-то странная обстановка. Офицеру, прибывшему сюда с фронта, эта атмосфера, пропитанная недоверием и враждой, казалась не только странной, но и просто невероятной. Никто не доверял своим коллегам, а Гитлер подозревал в измене каждого.

Многие офицеры, считая, что они попали в немилость, приходили в уныние и совершенно теряли мужество. Лист и Гальдер были не единственными жертвами гитлеровского раздражения. Над Иодлем тоже нависла черная туча. Бешенство Гитлера вызывали армии Восточного фронта в целом и особенно командующие армиями и группами армий. Теперь фюрер вел совершенно замкнутую жизнь, одиноко размышляя о своих подозрениях. Ни с кем из генералов он не здоровался за руку. На время обеда или ужина он предпочитал теперь уединяться. Когда ему надо было присутствовать на штабных совещаниях, он входил, холодно кланялся и, сердито нахмурив брови, выслушивал краткие доклады своих советников. Затем опять холодно кивал головой и покидал зал.

Лист и Гальдер стали козлами отпущения за провал операции. Временная немилость к Иодлю имела, как я слышал, длинную и запутанную историю. Начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами Иодль был ближайшим военным советником Гитлера. Гитлер послал его на Кавказ в качестве своего личного представителя. Он должен был заставить командиров и войска возобновить наступательные действия хотя бы с целью преодоления Кавказских гор. Но Иодль вскоре после прибытия туда убедился, что войска совершенно выдохлись и о дальнейшем наступлении не может быть и речи.

Вернувшись в ставку, Иодль рассказал Гитлеру о сложившемся на Кавказе положении. Это не понравилось Гитлеру, и он закричал: «Вам было приказано заставить командиров и войска наступать, а не говорить мне, что это невозможно!» Гитлер открыто сравнил доклад Иодля о положении на Кавказе с известным докладом Хенча во время первой мировой войны. Представитель немецкого верховного командования полковник Хенч в 1914 г. обрисовал обстановку на Западном фронте в таком свете, что командование приняло решение об отступлении. На Хенча была свалена вся вина за поражение немецких войск на Марне. Иодль попал в немилость, и встал вопрос о снятии его с поста начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами. На его место предполагалось назначить командующего 6-й армией.

Итак, в атмосфере, которая существовала тогда в штабе верховного главнокомандующего, откровенное и объективное обсуждение обстановки было невозможно. Такое положение должно было пагубно сказаться на проведении военных операций и тяжким бременем лечь на плечи наших боевых войск.

Таковы были мои первые, далеко не успокоительные, впечатления на должности начальника генерального штаба.

Обстановка на Восточном фронте

Если в штабе верховного главнокомандующего атмосфера была беспокойной, но на Восточном фронте в целом сложилась благоприятная обстановка.

Наши две северные группы армий — группа армий «Север» под командованием фельдмаршала фон Кюхлера и группа армий «Центр» фельдмаршала фон Клюге — не принимали непосредственного участия в летнем наступлении, и на их фронте пока было сравнительно тихо. Но прогнозы на будущее были не слишком безоблачными, главным образом из-за отсутствия сколько-нибудь значительных резервов в их тылу. На фронте этих двух групп армий имелся ряд потенциально опасных участков, особенно в районе Ладожского озера, северо-восточнее Ленинграда и Демянского мешка, где немецким войскам был оставлен лишь единственный узкий коридор.

Что касается двух других групп армий, участвовавших в летнем наступлении, то на них неотвратимо надви-

талась катастрофа. Она должна была вот-вот разразиться в двух районах. Во-первых, на растянувшемся левом крыле группы армий «Б» фельдмаршала фон Вейхса северо-западнее Сталинграда, где находились только дивизии наших союзников. Во-вторых, в районе между Сталинградом и Кавказом, где образовался огромный разрыв между двумя немецкими группировками. Наши подвижные соединения быстро преодолели огромное степное пространство, но не смогли создать непрерывную линию фронта.

Наши армии Восточного фронта попали в критическое положение не по своей вине. Они воевали блестяще. Их боевые достижения будут выглядеть еще внушительнее, если вы примите во внимание, что войска во многих случаях вели боевые действия без отдыха в течение 18 месяцев и что почти всегда им противостояли превосходящие силы русских. Армии понесли большие потери в боевой технике, а личный состав был крайне переутомлен.

Части не были доведены до штатной численности, оружия не хватало, а изредка присылаемые пополнения были явно недостаточны. В таких условиях нашим войскам предстояло выполнить задачу, которая даже в идеальных условиях показалась бы сверхчеловеческой.

Вот какой была обстановка на Восточном фронте в конце сентября 1942 г. Гитлер, конечно, знал обо всем этом, но игнорировал большие трудности, стоявшие перед нашими войсками. Он продолжал настаивать, чтобы обе наступающие группы армий продолжали продвижение вперед, несмотря на полное истощение их сил. Он был полон решимости захватить оставшуюся часть Сталинграда, кавказские месторождения нефти и сам Кавказ. Но наступление повсеместно застопорилось. Гитлер полагал, что оно должно возобновиться путем проведения небольших наступательных действий. В Сталинграде он приказал провести серию атак с целью захвата города квартал за кварталом и даже здание за зданием. На Кавказе войскам тоже было приказано непрерывно атаковать противника. Гитлер настаивал, чтобы, несмотря ни на какие потери, наступление продолжалось хотя бы в миниатюре.

В течение первых нескольких недель моего пребывания на посту начальника генерального штаба я тщательно изучил обстановку на Восточном фронте, состояние наших

войск, а также силы, которыми располагал противник. Затем я попросил у Гитлера разрешения представить ему детальный и сугубо конфиденциальный доклад. Он согласился.

Мой доклад об обстановке

Я начал свой доклад с точного и обстоятельного анализа условий, в которые попали немецкие войска на Восточном фронте, а затем перешел к тщательной оценке положения нашего противника. Во втором случае я основывался на подробных данных разведывательного отдела генерального штаба, известного под названием «Иностранные армии на Востоке». В заключительной части своего доклада я коснулся выводов, которые мы должны были сделать как для немецких, так и для русских войск, и дальнейшего развития событий, которого следовало ожидать в течение ближайших недель и месяцев. Я закончил доклад пятью четкими требованиями.

Первая часть моего доклада была изложена в форме, доступной для человека, не сведущего в военных вопросах. Я приводил многочисленные статистические данные, таблицы и карты. Например, была сделана таблица соотношения сил обеих сторон на один километр фронта. В ней указывались точные данные о количестве немецких солдат и солдат наших союзников, артиллерийских стволов, противотанковой артиллерии и т. д. на различных участках фронта. Здесь же приводились аналогичные цифровые данные о русских войсках. Таким образом, эта таблица доходчиво и внушительно убеждала в численном превосходстве противника. Статистические данные рассказывали о русских людских ресурсах, вооружении, боеприпасах, месячной продукции танковых и оружейных заводов и свидетельствовали о все возрастающем потоке предметов снабжения, поступающих в Россию из США.

Все эти данные необходимы для того, кто хочет составить объективное представление о своих собственных силах и силах противника и кто стремится предугадать вероятный ход событий в ближайшем будущем. Как начальник генерального штаба, я добился того, что эти положения всеми были приняты безоговорочно. А на самого Гитлера, можно без преувеличения сказать, мой доклад произвел потрясающее впечатление. Он ни разу меня не прервал, что он обычно делал, когда докладываемые

факты ему не нравились или, как он часто говорил, носили «пораженческий характер». Как правило, в таких случаях он прекращал самый обстоятельный доклад, приказывая говорящему остановиться. Гитлер был неравнодушен к статистическим данным, и масса цифр, которые я привел для подкрепления выдвинутых мною положений, вероятно, воздействовала на него так же сильно, как и мои убедительные диаграммы. Впрочем, он, может быть, просто не хотел расстраивать «нового человека» в самом начале нашей совместной работы.

Я был удовлетворен тем, что сказал Гитлеру голую правду сразу же после вступления на пост начальника генерального штаба. Пока все шло хорошо. Но вот я подошел к самой трудной части доклада — к пяти выводам или требованиям, если их так можно назвать, которые вытекали из моего доклада и которые я сформулировал следующим образом.

1. В связи с летним наступлением территория, захваченная на Востоке, больше не соответствует размерам оккупирующей ее армии. Другими словами, слишком мало солдат находится на таком огромном пространстве. Если эти два фактора не будут приведены в соответствие, катастрофа неизбежна.

2. Самым опасным участком Восточного фронта, несомненно, является левое крыло группы армий «Б», занимающее участок фронта от Сталинграда до стыка с левым соседом — группой армий «Центр». Количество войск здесь незначительно. Кроме того, этот участок фронта удерживается самыми слабыми и самыми ненадежными солдатами: румынами, итальянцами и венграми. Итак, здесь создалась серьезная опасность, которую необходимо ликвидировать.

3. Приток людского состава, боевой техники, оружия и боеприпасов на Восточный фронт явно недостаточен и не может возместить потери наших войск. Это должно привести к гибельным последствиям.

4. В 1942 г. боеспособность русских войск стала гораздо выше, а боевая подготовка их командиров лучше, чем в 1941 г. Этот факт следует принимать в расчет. Мы должны проявлять значительно бóльшую осторожность.

5. В этом пункте я коснулся необходимости улучшения работы тыла, повышения пропускной способности желез-

ных дорог и других, главным образом технических, проблем.

К моему удивлению, Гитлер слушал эти выводы и требования очень внимательно. Казалось, они даже произвели на него известное впечатление. Когда я кончил, он улыбнулся и сказал: «Вы отчаянный пессимист. Здесь, на Восточном фронте, мы пережили куда худшие времена и то остались живы. Справимся и с новыми трудностями».

Что касается моих окончательных выводов, то он постарался умалить их значение. Он сказал: «Конечно, на некоторых участках фронта русские имеют численное превосходство. Но ведь наши солдаты превосходят по своему качеству солдат противника. И оружие у нас лучше. К тому же вскоре у нас будет новое оружие, еще лучше прежнего».

Вот как реагировал Гитлер на мой доклад. Вопросы, поднятые в моем докладе, он считал решенными. Как начальник генерального штаба, я надеялся, что хотя бы часть сказанного мною останется в голове верховного главнокомандующего, что он будет думать о моих замечаниях и мой доклад в конце концов принесет хоть какую-то пользу. Я уже знал, что убедить в чем-либо Гитлера можно, только снова и снова напоминая ему об этом. Так я и делал в течение нескольких недель, повторяя мои пять требований. Что же было сделано нами за те несколько недель, которые остались до большого русского контрнаступления?

Немецкие приготовления

Мои пять требований произвели на Гитлера гораздо большее впечатление, чем я ожидал. Прежде всего он отдавал себе полный отчет об опасности на огромном участке Восточного фронта между Сталинградом и группой армий «Центр». Следовательно, его советники могли внушить ему ту или иную мысль, если они часто повторяли ее, твердо придерживаясь своей точки зрения. Ведь заставил же я Гитлера осознать опасность положения, создавшегося на левом фланге группы армий «Б». Теперь, когда он знал об этой опасности, следовало избрать один из трех возможных путей, чтобы избежать ее.

Первый путь — кардинальный и наиболее эффективный — отвести войска Сталинградского фронта на запад,

таким образом укоротить опасный левый фланг и высвободить большое количество дивизий, которые можно затем использовать в другом месте. В этом случае мы имели бы сильный новый фронт и одновременно создали бы в своем тылу необходимый нам подвижный резерв. Достоинства данного решения, которое было, несомненно, самым лучшим, должны быть очевидны каждому. Но это привело бы к оставлению Сталинграда — основной цели нашего летнего наступления, то есть явилось бы запоздалым исправлением первоначальных ошибок, допущенных верховным командованием при планировании данного наступления.

Этот путь оказался совершенно неприемлемым для Гитлера. Он выходил из себя, когда на подобное решение проблемы только намекали в его присутствии. Несмотря ни на какие обстоятельства, Гитлер всегда принципиально отказывался соглашаться на оставление какой бы то ни было территории. На этом принципе, если его так можно назвать, Гитлер особенно упорно настаивал в своей знаменитой речи о Сталинграде, с которой он обратился к немецкому народу в октябре 1942 г. Он сказал: «Немецкий солдат остается там, куда ступит его нога». И далее: «Вы можете быть спокойны — никто не заставит нас уйти из Сталинграда». Эти утверждения укрепили его упрямство, и удержать Сталинград стало теперь для Гитлера вопросом его личного престижа. Ничто не могло заставить его передумать.

Второй путь являлся в сущности вариантом первого. Предполагалось, что в течение некоторого времени мы будем удерживать свои позиции в Сталинграде. Проведя необходимые мероприятия, мы оставим город перед самым контрнаступлением русских войск. Это было компромиссное решение. Оно имело все недостатки, свойственные компромиссам, и все-таки это было решение, хотя оно и содержало в себе одно большое «но», не поддающееся учету. Позволит ли нам русский климат осуществить такой отход, когда наступит критический момент? Поэтому второй путь казался опасным. Впрочем, Гитлер не принял его, хотя казалось, что это решение ему понравилось по той простой причине, что оно давало возможность отложить рассмотрение вопроса. Он никогда не принимал неприятного решения сразу, если мог вернуться к нему позже. Свойственную ему нерешительность Гитлер

прикрывал тем, что он якобы «дает обстановке возможность созреть».

Третий путь состоял в замене ненадежных армий наших союзников, удерживавших опасный участок фронта, хорошо оснащенными немецкими дивизиями, поддержанными мощными резервами. Для проведения этого решения в жизнь немецкое верховное командование не располагало ни достаточными резервами войск, ни боевой техникой. Чтобы заменить венгров, румын и пр. немцами, необходимо было снять немцев с других участков Восточного фронта. Переброска их вдоль фронта была бы очень трудна, а если учесть плохую систему коммуникаций в России, то проведение этого мероприятия было бы сопряжено с невероятными осложнениями. Вполне вероятно, что русские, контрнаступления которых мы теперь ожидали, нанесли бы удар по нашему левому флангу как раз во время смены войск. Итак, это решение тоже не было принято.

Таким образом, ни один из трех путей выбран не был: первые два — из-за упрямства Гитлера, третий — как неосуществимый в тех обстоятельствах. Вместо этого решено было провести отдельные незначительные мероприятия, которые, по признанию генерального штаба, не могли кардинальным образом повлиять на сложившуюся обстановку. Многие сомневались, что проведение этих мероприятий принесет какую-либо пользу. Но мы должны были сделать все возможное, чтобы облегчить проведение в жизнь решения № 2, когда начнется наступление русских. Если бы опасность, о которой мы говорим, не была сначала чисто предположительной, Гитлер, по всей вероятности, одобрил бы это решение.

Некоторые из проводимых нами мероприятий заключались в следующем.

На опасном левом фланге был создан небольшой резерв. В него входил один танковый корпус в составе двух дивизий — одной немецкой и одной румынской. Во всех отношениях этот корпус был очень слаб.

В промежутках между дивизиями наших союзников были расположены небольшие немецкие части, такие, как противотанковые дивизионы, взятые из резерва ОКВ. Предполагалось, что этими частями будут усилены войска, расположенные на опасных участках фронта. Посредством подобной «тактики усиления» командование надея-

лось укрепить дивизии наших союзников, воодушевить их и оказать им помощь в отражении наступления противника. В случае если соединения наших союзников будут смяты, части усиления удержат свои позиции и ограничат прорыв противника. Тогда создадутся благоприятные условия для нашего контрудара. Это был хорошо продуманный план, но и он имел очевидные изъяны. Если войска союзников, находящиеся между нашими частями усиления, будут разгромлены слишком быстро и если мы своевременно не будем располагать достаточными силами для нанесения контрудара, части усиления окажутся в безнадежном положении и в конце концов будут списаны со счета. Следовательно, и «тактика усиления» была весьма сомнительным выходом из положения.

К штабам крупных соединений наших союзников была прикомандирована группа связи, состоявшая из офицеров генерального штаба и подразделений связи. Штабы наших союзников не имели такого опыта и дисциплины, как немецкие. Кроме того, их структура командования и система связи были громоздки и медлительны. Мы надеялись, что созданные нами группы связи компенсируют эти недостатки.

В широких масштабах мы практиковали радиообман с целью скрыть от противника тот факт, что на левом фланге не было немецких войск, и создать у него неправильное представление о наших силах на этом участке фронта.

Выше были перечислены лишь некоторые из намеченных нами мероприятий. Проведение их в жизнь потребовало большой и весьма сложной штабной работы, исключительно внимательного отношения к деталям и хорошей организации дела. Специалисты прекрасно понимали, что одних этих мероприятий совершенно недостаточно. Но по указанным мною причинам мы старались обеспечить наибольшую их эффективность. В самом проведении этих мероприятий таилась, однако, опасность: если Гитлер убедится, что подготовка проведена, он забудет об осторожности. Поэтому приходилось снова и снова заострять внимание Гитлера на серьезности создавшейся у Сталинграда обстановки, напоминая ему о тех пяти требованиях, которые я перечислил выше, и о возможности только двух правильных решений. Делать это, несмотря на гнев Гитлера, было моим служебным долгом.

Что касается пунктов 1, 3, 4 и 5, которыми я закончил свой доклад и к которым неоднократно возвращался, то в конце концов Гитлер принял их и начал действовать в соответствии с ними. К несчастью, он вообще был склонен к компромиссным решениям, которые зачастую осуществлялись слишком поздно.

Одно из проведенных нами мероприятий заключалось в создании в целях прикрытия левого фланга постоянной системы разведки, располагающей необходимыми средствами связи. Это потребовало организации тесного взаимодействия между соответствующими отделами генеральных штабов сухопутных и военно-воздушных сил и разведывательных частей со штабом группы армий «Б». Командующий группой армий и его начальник штаба разделяли нашу точку зрения. Это было видно из их донесений Гитлеру об обстановке и намерениях противника. Комплексные разведывательные мероприятия вскоре подтвердили наши опасения. Противник медленно, но настойчиво увеличивал свои силы перед нашим левым флангом. Теперь это уже не вызывало сомнений. Более того, показания пленных начали раскрывать наличие на этом участке фронта весьма боеспособных русских дивизий. Из этого можно было сделать только один вывод — наступление русских неизбежно.

Намерения русских

Теперь стало очевидно, что ход мыслей русского верховного командования был тот же, что и немецкого генерального штаба. Русские решили начать свое зимнее наступление, нанеся удар по левому флангу группы армий «Б». В случае успеха эта операция принесла бы им большие выгоды. Наши обманные мероприятия не ввели русских в заблуждение. Они хорошо знали, что этот участок фронта удерживается войсками наших союзников, которые, по их расчетам, были менее стойки в обороне.

Мы все еще не знали, на каком участке растянутого левого фланга русские нанесут удар — на румынском, находившемся близ Сталинграда, на более западном итальянском или, наконец, на венгерском, который протянулся еще дальше на запад. С чисто тактической точки зрения наиболее результативным был бы удар по самой западной оконечности фланга. Но это было бы исключительно смелое решение, а русское верховное командо-

вание, по-видимому, не хотело рисковать. Казалось, оно предпочитало придерживаться более осторожного плана.

В течение первой половины ноября (в это время ставка Гитлера и главное командование сухопутных сил передислоцировались из Винницы в Восточную Пруссию) картина будущего русского наступления становилась все яснее. Русские собирались нанести удар северо-западнее Сталинграда, вероятно, на участке, занимаемом румынскими войсками. Но на какой день намечено русскими начало наступления, мы еще не знали.

Перед наступлением

Упорно отказываясь принять какое-либо из основных решений, Гитлер, однако, разрешил провести мероприятия, направленные на усиление войск, занимавших участок фронта, над которым нависла русская угроза. Но даже теперь он не терял надежды захватить Сталинград. Он гневно отдавал приказы продолжать бои в городе за каждый дом, за каждый квартал, и 6-я армия несла напрасные потери. Последние резервы ОКВ — первоклассные штурмовые саперные батальоны — были переброшены в Сталинград, где они должны были захватить застроенный район, прибегнув к «новой штурмовой тактике». Эти батальоны были уничтожены. А тем временем северо-западнее Сталинграда все явственнее надвигалась угроза.

В начале ноября Гитлер выступил с политической речью, в которой заявил: «Я хотел выйти к Волге в определенном месте, возле определенного города. Случилось так, что этот город носит имя самого Сталина... Я хотел взять этот город. Не делая преувеличенных заявлений, я могу теперь сказать вам, что мы его захватили. Только небольшая его часть пока еще не в наших руках. Нас могут спросить: «Почему армия не продвигается вперед еще быстрее?» Но я не хочу второго Вердена, я предпочитаю достигнуть своей цели путем ограниченных штурмов. Время в данном случае не имеет никакого значения».

Это была странная речь. Гитлер говорил и как верховный главнокомандующий, и как партийный агитатор. Нельзя было не опасаться, что Гитлер, заявив однажды о своих намерениях на всю Германию и на весь мир, откажется когда-либо изменить их, так как выполнение этих намерений станет для него вопросом личного престижа.

А когда речь идет о престиже, диктаторы, как известно, всегда проявляют повышенную чувствительность. Более того, Гитлер был политиком, а не солдатом. Объявляя о своих намерениях, он думал дать ясные цели своим командирам и войскам и таким образом укрепить их решимость. Гитлер считал, что его речи повышают стойкость солдат. Он не знал, как будут звучать его слова в ушах высших командиров, младших офицеров и солдат, ожесточенно сражавшихся и умиравших в Сталинграде. Он не знал, какое впечатление могут произвести его слова на генеральный штаб сухопутных сил и его начальника. Кстати, мне никто не сообщил об этой речи до того, как она была произнесена, — впервые я услышал ее по радио.

В течение первых недель ноября я снова и снова представлял свои основные требования Гитлеру. Благодаря данным нашей разведки картина становилась яснее с каждым днем. Мы работали в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами, подвергая районы сосредоточения русских войск ударам с воздуха. Большего мы не могли сделать. Оставалась единственная надежда. Несмотря на все, еще можно было в самый последний момент убедить Гитлера принять основное решение. Я беспрестанно приводил ему все новые и новые доказательства.

Весь генеральный штаб — от старшего начальника до рядового сотрудника — разделял мои мрачные предчувствия и с тревогой ожидал неизбежного, как мы все понимали, русского наступления. Если оно будет успешным, оно поставит всю сталинградскую армию в отчаянное положение. Ужасно предвидеть надвигающуюся катастрофу и в то же время не иметь возможности предотвратить ее. Тяжело видеть, что единственное в тех условиях средство излечения отвергается единственным человеком, который может принимать решения, — Гитлером.

Командующий группой армий «Б» и его начальник штаба дали такую же оценку обстановки, как я. Они тоже считали, что избежать надвигающейся катастрофы можно, только приняв кардинальное решение. Они чувствовали себя несчастными, так как были не в состоянии влиять на ход событий. Они могли только заострить внимание Гитлера на действительном положении дел, представляя свои донесения с оценкой обстановки. Сосредото-

чивая внимание на самом опасном участке фронта, они старались не пропустить критического момента.

Конечно, мы пытались наносить удары по движущимся колоннам и районам сосредоточения русских войск авиацией и дальнобойной артиллерией. Но самое большее, что могли дать такие действия, это отсрочить день наступления. Предотвратить наступление можно только тогда, когда обороняющийся имеет абсолютное превосходство в воздухе и способен беспрерывно наносить мощные удары по железным и шоссейным дорогам, а также по районам сосредоточения противника. Мы не обладали военно-воздушными силами необходимых для этого размеров.

Такова была обстановка, когда на нас со всей яростью обрушилась суровая русская зима. Теперь мы знали, что наступления русских придется ждать недолго.

Русское наступление началось

Ранним утром 19 ноября 1942 г. главное командование сухопутных сил, находившееся теперь в Восточной Пруссии, получило следующую телеграмму: «Началась мощная артиллерийская бомбардировка всего румынского фронта северо-западнее Сталинграда». Наша группа связи проследила за тем, чтобы эта телеграмма пришла к нам через штаб группы армий «Б» без задержки. Итак, наступление началось, и мы были уверены, что оно будет развиваться так, как мы не раз говорили об этом Гитлеру. Теперь нам предстояло убедиться, правильно ли мы подсчитали силы русских.

Группе армий «Б» был послан ответ: «Танковый корпус «X» должен быть подготовлен для немедленного ввода в бой [1]. Гитлер дал согласие на вывод его из резерва».

Этот единственный резервный корпус мог быть введен в бой только по личному приказанию Гитлера. Как только я услышал о русской артиллерийской подготовке и понял, что обстановка будет развиваться, как и предполагалось, я обратился к Гитлеру с просьбой о выводе корпуса из

---

[1] Речь идет о 48-м танковом корпусе, в состав которого входили 22-я немецкая и 1-я румынская танковые дивизии. См. Г. Дерр. «Поход на Сталинград». Воениздат. М., 1957, стр. 67. *(Прим. ред.)*

резерва. Если же события не примут опасного оборота, такая предосторожность не повредит.

В это время Гитлера в Восточной Пруссии не было — он находился в своем поезде на пути в Мюнхен или Берхтесгаден. Его сопровождал личный штаб, в который входили фельдмаршал Кейтель и генерал Иодль. По телефону я сообщил фюреру об этой новости и с большим трудом убедил его вывести танковый корпус «Х» из резерва верховного главнокомандующего и передать его в распоряжение группы армий «Б». Даже тогда он хотел отложить принятие решения по этому вопросу и дождаться дальнейших сообщений с фронта. Как обычно, с немалым трудом мне удалось убедить его, что потом будет слишком поздно. Добившись согласия Гитлера на вывод танкового корпуса из резерва, я почувствовал себя прямо-таки победителем. Командование группы армий «Б» было от этого в восторге.

Артиллерийская бомбардировка румынских позиций становилась все более интенсивной. И вот под прикрытием сильной снежной метели, в двадцатиградусный мороз Красная Армия перешла в наступление. На румын шли массы танков с пехотой, находившейся на танках или двигавшейся позади них. Повсюду русские имели огромное численное превосходство. Румынский фронт представлял собой печальную картину полного хаоса и беспорядка.

Штаб группы армий «Б» теперь получал поток часто совершенно противоречивых сведений, которые тут же препровождались в генеральный штаб. Одни донесения рисовали общую картину панического бегства румынских войск и появления русских танков глубоко в нашем тылу. В других же говорилось о героическом сопротивлении румын и уничтожении множества советских танков. Наконец, обстановка прояснилась. Русские прорвали румынский фронт в двух местах. Между участками этих прорывов, а также на левом фланге румынские войска и немецкие части усиления продолжали вести упорные бои с превосходящими силами противника. Как только командование группы армий «Б» осознало, что произошло, оно приказало танковому корпусу «Х» контратаковать те русские части, которые достигли наибольших успехов.

Я непрерывно информировал Гитлера по телефону об изменении обстановки на фронте. Снова и снова я ука-

зывал ему на то, что наступило время провести в жизнь основное решение, то есть отступить из Сталинграда, или хотя бы подготовиться к его выполнению в ближайшем будущем. Это только раздражало Гитлера. Как обычно, он цеплялся за каждую соломинку. Он хотел увидеть, какой эффект произведет ввод в бой танкового корпуса. Когда я сказал ему, что этот корпус может только замедлить темп русского продвижения, но ни в коем случае не задержать наступления русских, он воспринял это как пессимистическое заявление.

Тем временем обстановка продолжала ухудшаться. Русские расширили участки своих прорывов, а их танки продвинулись глубоко в наш тыл. Танковый корпус «Х», который готовился к контратаке, сам был атакован передовыми танковыми частями русских. Кроме того, ему мешали действовать толпы бегущих румын и ужасная погода. На успех контратаки теперь почти не было надежды, особенно потому, что те части и соединения, которые все еще удерживали фронт, оказались в критическом положении. Обстановка становилась опасной.

С точки зрения группы армий «Б» и главного командования сухопутных сил обстановка должна была ухудшиться. Мы знали, что танковый корпус «Х» не сможет стабилизировать положение и будет вовлечен в общий беспорядок. Если он будет разгромлен, мы потеряем свое единственное резервное соединение. В штабе главнокомандующего сухопутными силами атмосфера становилась мрачной.

Я делал все, чтобы объяснить это Гитлеру. Однажды я опять предложил ему отвести 6-ю армию на запад, так как это единственно возможный путь избежать крупной катастрофы. Эта армия должна была повернуться фронтом на запад, обеспечив свой тыл арьергардами, и атаковать русские части, которые прорвали фронт румынских войск. Затем нужно было создать новый крепкий фронт. Такие действия не только ликвидировали бы угрозу 6-й армии, но и поставили бы в трудное положение прорвавшиеся русские войска. По крайней мере в данном случае мы могли ожидать хотя бы местных успехов.

Если это не будет сделано, поражение станет неизбежным. 6-я армия будет отрезана и окружена, а в линии фронта, удерживаемой группой армий «Б», образуется большой разрыв. Свежих сил для восстановления кон-

такта с 6-й армией и закрытия этого разрыва не было. Каждый день задержки затруднял возможность восстановить положение на фронте и избежать катастрофы.

Гитлер отверг это смелое решение. Несмотря на все мои требования и предупреждения, он оставался непреклонным. Вместе со своими военными советниками Гитлер решил вернуться из Баварии в Восточную Пруссию.

План Гитлера и Иодля

Еще до прибытия поезда в Растенбург мне позвонил генерал Иодль. Я этого не ожидал. Раньше мне как-то не приходилось с ним встречаться. Его штаб ведал Южным и Западным фронтами. Восточным фронтом занимались главнокомандующий сухопутными силами и начальник генерального штаба сухопутных сил.

В моем присутствии Иодль воздерживался давать Гитлеру советы по вопросам, касавшимся Восточного фронта, и ограничивал свою деятельность управлением двумя другими театрами военных действий, осуществлением общего руководства по ведению войны и вопросами военной политики.

Теперь, однако, стало очевидно, что в поезде в отсутствие начальника генерального штаба сухопутных сил он и фельдмаршал Кейтель сочли удобным давать Гитлеру советы и относительно Восточного фронта. Возможно, он сам обратился к ним за советом. Во всяком случае, они дали ему совет, и что́ это был за совет, вскоре стало ясно.

Генерал Иодль сказал по телефону, что главному командованию сухопутных сил следовало бы рассмотреть возможность изъятия одной танковой дивизии из состава группы армий «А», действовавшей на Кавказе, и переброски ее в распоряжение группы армий «Б» для использования в качестве подвижного резерва. Такое решение было принято в поезде Гитлера. Переброска этой танковой дивизии в угрожающий район боевых действий должна была занять много времени, и трудно было сказать, как сложится обстановка, когда эта дивизия прибудет туда.

Я был крайне удивлен и сказал Иодлю, что хочу говорить лично с Гитлером. Опять я стал упрашивать Гитлера отдать приказ об отходе 6-й армии. Тон ответа был холодным и непреклонным: «Мы нашли другой выход из создавшегося положения. Иодль сообщил вам о

нем. Обо всем остальном мы поговорим завтра». И это было все. Позже меня официально информировали, что Гитлер желает видеть меня в полдень на следующий день, чтобы обсудить со мной обстановку. Я ответил, что это будет слишком поздно. Тогда мне было сказано, что видеть Гитлера раньше невозможно, так как ему необходимо отдохнуть после продолжительного путешествия. Следует заметить, что этот разговор происходил в то время, когда весь фронт пылал в огне и каждый час гибли сотни храбрых солдат.

Я игнорировал это предупреждение и в полночь, когда должен был прибыть поезд Гитлера, приехал в штаб верховного главнокомандующего. Я настоял, чтобы Гитлер принял меня немедленно, так как задержка даже на несколько часов могла катастрофически отразиться на ходе боевых действий. Гитлер и его окружение были взбешены тем, что я появился там в полночь, не дожидаясь полудня следующего дня. Наконец, меня все же впустили к нему. Эта встреча настолько важна для хода боевых действий в районе Сталинграда и так характерна для методов Гитлера, что я опишу ее как можно подробнее.

Гитлер вышел мне навстречу, протянув руку, с сияющей улыбкой, которая должна была изображать уверенность и надежду. Он пожал мне руку и сказал: «Благодарю вас. Вы сделали все, что могли. Если бы я был здесь, я не смог бы сделать большего». Затем, так как выражение моего лица оставалось печальным, он продолжал с некоторым пафосом в голосе: «Не расстраивайтесь. В несчастье мы должны показать твердость характера. Нужно помнить Фридриха Великого».

Несомненно, он хотел ободрить меня и надеялся, что, если он сможет вселить в меня эту «твердость характера», я отброшу свои «пораженческие» аргументы и перестану настаивать на отступлении 6-й армии. Вероятно, он также хотел, чтобы я восхитился твердостью его духа перед лицом такого несчастья. Мне кажется, Гитлер не мог понять, что во время величайшей опасности актерская игра не только бесполезна, но, пожалуй, может иметь даже пагубный эффект.

Наш разговор начался с моего доклада об обстановке северо-западнее Сталинграда. Я сообщил Гитлеру о последних донесениях с фронта и о моих предположениях относительно развития событий в ближайшем будущем.

Я представил ему доклады, полученные мною от командующего группой армий «Б» фельдмаршала фон Вейхса и его начальника штаба генерала фон Зоденштерна, которые разделяли мое мнение. Свой доклад я закончил заявлением, что, если ход событий не изменится, 6-я армия неизбежно будет окружена. Это нужно предотвратить любой ценой, так как, если 6-я армия будет окружена, мы не сможем ни деблокировать, ни снабжать ее.

Здесь Гитлер прервал меня. Вне себя от ярости он сослался на решение, выработанное им совместно с Иодлем. Оно заключалось всего лишь в переброске одной танковой дивизии с Кавказа. Я ожидал этого и заранее приготовился дать подробный обзор транспортных возможностей и назвать приблизительную дату прибытия дивизии в район Сталинграда, а также самый ранний срок ввода ее в бой. Этого можно было ожидать не раньше чем через две недели. Трудно сказать, какая обстановка сложится к тому времени, известно только одно: она катастрофически ухудшится, если мы будем бездействовать в течение двух недель. К тому времени одна дивизия, кстати, даже не полного состава оказалась бы совершенно бесполезной и неспособной оказать влияние на ход боевых действий. Более того, эта дивизия едва ли смогла бы вступить в бой как цельное соединение. Вероятно, отдельные ее части и подразделения пришлось бы вводить в бой по мере выгрузки их с железнодорожных платформ. Мне показалось, что эти заявления, а особенно предположение о дате прибытия дивизии произвели на Гитлера некоторое впечатление.

Но он не хотел отказаться от своего плана. Немного подумав, он сказал: «В таком случае мы перебросим с Кавказа две дивизии». Я ответил, что и это не дало бы хороших результатов. Опасность существовала сейчас, и ввод в бой двух дивизий именно теперь еще мог бы благоприятно сказаться на ходе боевых действий. Но перебросить их своевременно с Кавказа не представлялось возможным. Железные дороги не позволили бы перебросить вторую дивизию раньше, чем они освободятся после выгрузки первой дивизии. К тому времени и две дивизии не смогут восстановить положение, и 6-я армия определенно попадет в окружение.

Гитлер опять вышел из себя и стал прерывать меня, но я продолжал: «Поэтому и есть только одно возможное

решение. Вы должны немедленно приказать сталинградской армии повернуть фронт и атаковать в западном направлении. Этот маневр спасет 6-ю армию от окружения, нанесет большие потери прорвавшимся русским войскам и даст нам возможность использовать 6-ю армию для создания нового фронта далее на запад».

Теперь Гитлер совершенно потерял самообладание. Ударив кулаком по столу, он закричал: «Я не оставлю Волгу, я не уйду с Волги!»

На этом закончилось наше совещание, от которого я, генеральный штаб, группа армий «Б» и 6-я армия так много ожидали. Я ничего не достиг. Но прошлый опыт показал, что, как начальник генерального штаба, я не должен терять надежду, а, наоборот, продолжать настаивать на своем, так как, может быть, еще удалось бы убедить Гитлера изменить решение. Впрочем, верно и то, что, если бы он в конце концов и согласился со мной, его положительный ответ мог бы оказаться слишком запоздалым. Время истекало, а обстановка ухудшалась с каждым часом. Таковы были обстоятельства, когда я утром вошел в свой кабинет. Там меня ждали дурные вести с фронта.

Перспектива становится еще более мрачной

В течение последних нескольких часов обстановка на фронте ухудшилась, и притом значительно быстрее, чем мы ожидали.

Беспокойство в моем штабе, а также в штабах группы армий «Б» и 6-й армии возрастало по мере того, как все явственнее определялись масштабы надвигавшейся на нас катастрофы. В то же время никто в этих штабах не был в состоянии изменить ход событий. Только Гитлер мог это сделать, но он яростно отвергал все благоразумные предложения. А я еще надеялся, что хотя бы теперь удастся заставить его изменить мнение и прислушаться к словам начальника генерального штаба и высших командиров на поле боя, а не к увещеваниям льстивых советников, которые говорили ему только то, что он хотел слышать. Во имя спасения отчаянно сражавшихся солдат у меня не оставалось иного выбора, как снова и снова пытаться воззвать к его благоразумию.

20 ноября русские войска перешли во второе наступление, на этот раз южнее Сталинграда. Здесь они также нанесли удар по румынским войскам, умышленно выбрав занимаемый ими фронт. Таким образом, для сталинградской армии создалась угроза окружения с обоих флангов. Осталось всего несколько часов до того момента, когда клещи противника сомкнутся в тылу нашей армии. Ни командующий группой армий «Б», ни командующий 6-й армией не были в состоянии предотвратить окружение своих войск. Они могли только приказать, чтобы в кратчайший срок из подразделений тылового обслуживания были созданы и подготовлены для ввода в бой новые части. Но такие войска вряд ли могли оказать отборным русским ударным дивизиям более сильное сопротивление, чем боевые части, которые уже были разгромлены русскими. Небольшие, слабые, созданные на скорую руку части, к тому же плохо вооруженные и недостаточно подготовленные, оказались лицом к лицу с лучшими частями Красной Армии, щедро оснащенными танками и артиллерией. Несмотря на всю свою храбрость, эти тыловые войска были не в состоянии задержать продвижение русских. Они смогли только замедлить темп русского наступления, но предотвратить окружения 6-й армии им не удалось.

Больших результатов вряд ли можно было ожидать и от контратаки танкового корпуса «Х». Гитлер и его окружение возлагали, вероятно, немалые надежды на это соединение, которое на карте выглядело довольно внушительно и имело более 100 танков. Однако внешние данные были обманчивыми. Они не должны были ввести в заблуждение Гитлера, так как он хорошо знал об истинном состоянии этого корпуса. Однако он опять отказался смотреть правде в лицо, ссылаясь, как всегда, на то, что донесения с фронта носят якобы «пораженческий» характер. Корпус состоял из двух дивизий — 1-й румынской и 22-й немецкой. Румынская дивизия, еще ни разу не вступавшая в бой, целиком была оснащена трофейными танками. 22-я танковая дивизия имела неполный состав: многие ее машины вышли из строя во время марша к фронту. Корпусу предстояло действовать в ужасную погоду: дороги обледенели, непрерывно шел снег. Дни стали такими короткими, что видимость сократилась до нескольких часов в сутки. И в этих условиях ждали, что танковый корпус «Х» остановит лавину русских танков, дви-

гавшихся через огромную, все расширявшуюся брешь в нашей линии фронта. Те, кто хорошо знал реальную обстановку, понимали, что танковый корпус «Х» обречен еще до вступления в бой.

Как мы и ожидали, контратаку корпуса задержала плохая погода. Наконец, он был введен в бой и вначале добился некоторых успехов: в нескольких пунктах русские были остановлены и понесли большие потери, особенно в танках. Но это, разумеется, не привело к кардинальному изменению обстановки, на которое так надеялся Гитлер. Двум слабым дивизиям не под силу была такая серьезная задача. Для ее выполнения требовалось много сильных дивизий, укомплектованных закаленным в боях личным составом и оснащенных первоклассной боевой техникой.

Когда Гитлер узнал о провале контратаки танкового корпуса «Х», его ярость не имела границ. Повернувшись к фельдмаршалу Кейтелю, который ведал вопросами, связанными с поддержанием воинской дисциплины в вооруженных силах, он закричал: «Сейчас же пошлите за командиром корпуса, сорвите с него погоны и бросьте в тюрьму! Это он во всем виноват!»

Такова была атмосфера на совещаниях у Гитлера. Зная его характер, я не удивился, когда он наотрез отказался выслушать очередную мою просьбу об отводе 6-й армии. Он с недоверием и пренебрежением относился к донесениям из группы армий «Б» и 6-й армии, командующие которых, сознавая свою ответственность, пытались обратить его внимание на серьезность сложившейся у Сталинграда обстановки. В этих донесениях они высказывали предположения о возможном ходе событий в зоне боевых действий и требовали отвода 6-й армии. Гнев Гитлера усиливал его упрямство.

Через несколько часов, полагая, что Гитлер уже пришел в себя, я попросил у него личной аудиенции. На этот раз я хотел добиться от него положительного решения двух вопросов. Во-первых, я надеялся, что если я представлю Гитлеру фактические данные о реальной обстановке и выводы, сделанные на основании изучения этой обстановки, и если при этом меня не будут прерывать шептуны из его личного окружения, то мне удастся убедить его отвести 6-ю армию. Во-вторых, я хотел доказать ему, что обвинения, выдвинутые против командира танко-

вого корпуса «Х», не оправданы и должны быть отвергнуты [1].

Гитлер спокойно принял и внимательно выслушал меня. Я рассчитывал, что мой доклад увенчается успехом. Когда я обрисовал обстановку и возможный ход будущих событий, Гитлер, который на этот раз не прерывал меня, обещал, что он снова рассмотрит свое решение со всей тщательностью и хладнокровием. Затем я вернулся к вопросу о командире корпуса. Я сказал: «Хотя военные трибуналы не входят в компетенцию начальника генерального штаба, я хотел бы кое-что сказать о командире танкового корпуса «Х». Жесткое выражение появилось на лице Гитлера, но я продолжал: «Я вмешиваюсь в это потому, что считаю данный вопрос оперативным, поскольку он связан с ведением операций на Восточном фронте. Как начальник генерального штаба, я считаю, что генерал, который допустил ошибки, имевшие губительные последствия, должен быть привлечен к ответственности. Но прежде чем судить его, нужно доказать, что он действительно виновен. А с этим генералом дело обстоит совсем не так: обвинения против него целиком основаны на предположениях». Я предложил передать дело в военный трибунал, который занялся бы проверкой фактов. Я предложил Гитлеру членами этого трибунала назначить генералов, которым он полностью доверял. Гитлер подумал и затем сказал: «Хорошо, я это сделаю».

К сожалению, мои успехи оказались эфемерными. Когда я снова встретился с Гитлером, он сказал мне: «Я тщательно рассмотрел обстановку у Сталинграда, и мое решение остается неизменным. Отход 6-й армии исключен». Трудно сказать, самостоятельно ли пришел Гитлер к этому решению или под давлением фельдмаршала Кейтеля и генерала Иодля. Но факт остается фактом: он не посчитался с мнением начальника генерального штаба сухопутных сил.

Что касается командира корпуса, то Гитлер нарушил данное мне слово после своего продолжительного разговора с Кейтелем. Он подтвердил первоначальное решение, необдуманно принятое в пылу гнева. В присутствии Гитлера теперь не разрешалось даже упоминать фамилию

---

[1] Командиром 48-го танкового корпуса был генерал-лейтенант Гейм. (*Прим. ред.*)

этого генерала. Несколько месяцев командир корпуса провел в тюрьме, а затем был разжалован в рядовые. Трибунал не заседал, так как на нем раскрылось бы, кто виноват в провале контратаки танкового корпуса. В начале декабря до сведения всех высших генералов был доведен приказ Гитлера, в котором перечислялись проступки, якобы совершенные командиром корпуса.

Русские клещи сомкнулись

На фронте обстановка с каждым часом ухудшалась. К исходу третьего дня этого грандиозного зимнего сражения стало неизбежным соединение двух группировок русских войск, наступавших навстречу друг другу, а следовательно, и окружение 6-й армии. Штаб 6-й армии находился как раз там, где должны были сомкнуться русские клещи. Командующий армией попросил у Гитлера разрешения передвинуть штаб на запад, но эта просьба так и осталась без ответа.

Главное командование сухопутных сил ежедневно составляло коммюнике, в которое Гитлер обычно вносил свои поправки. В первый день сражения коммюнике гласило: «Противник перешел в наступление, в котором участвуют крупные силы пехоты, поддерживаемые танками». На третий день в нем говорилось: «Юго-западнее Сталинграда и в большой излучине Дона Советам удалось прорвать нашу оборону, так как они безжалостно бросили в бой огромные массы войск и боевой техники».

Вечером 22 ноября главное командование сухопутных сил получило радиограмму от командующего 6-й армией. В ней сообщалось, что армия окружена. Гитлер по радио приказал 6-й армии занять круговую оборону, а командующему и его штабу остаться в Сталинграде. Итак, окружение наших войск в районе Сталинграда завершилось. На остальных участках фронта русские продолжали безостановочно продвигаться вперед.

На мой взгляд, русское верховное командование основывало свои планы на следующих предположениях. Как подсказывал ему опыт прошлых боев, 6-й немецкой армии и всем другим частям, окруженным в районе Сталинграда, будет приказано стойко оборонять занимаемые ими позиции. Они не смогут долго сопротивляться и автоматически попадут в руки русских. Поэтому сразу же после завершения окружения русские войска будут стремиться, веро-

ятно, не к ликвидации окруженной группировки, а к предотвращению ее деблокирования. С этой целью они будут стремиться как можно быстрее отодвинуть немецкий фронт возможно дальше на запад, чтобы создать таким образом максимальный разрыв между окруженной армией и основными немецкими силами.

План был, несомненно, правильным, и теперь русские приступили к реализации его на практике. По группе армий «Б» противник наносил один мощный удар за другим, и она вынуждена была отступать все дальше и дальше на запад. Чтобы увеличить масштабы своей победы, русские во второй половине декабря атаковали итальянцев, в январе венгров и, наконец, нанесли удар по 2-й немецкой армии, находившейся левее венгров. Они продвинулись глубоко на запад. Все обернулось именно так, как я и предсказывал Гитлеру во время продолжительной беседы с ним, когда я был только что назначен на должность начальника генерального штаба сухопутных сил.

«Крепость» Сталинград

В одном из первых приказов Гитлера, отданном вскоре после того, как сомкнулись русские клещи, говорилось: «Войска 6-й армии, окруженные в Сталинграде, впредь будут именоваться войсками крепости Сталинград».

Так одним росчерком пера район окружения превратился в крепость, по крайней мере в воображении Гитлера. Вероятно, некоторые наивные люди были обмануты этой хитростью, но военные штабы, войска, да, по-видимому, и противник знали, что такое «крепости» Гитлера.

Это был обычный метод ведения им психологической войны. Призывая к себе на помощь слово «крепость», Гитлер надеялся, что одним выстрелом убьет нескольких зайцев. Противник будет обманут, считая Сталинград укрепленным районом, способным отразить атакующие русские войска. Немецкие войска в Сталинграде будут думать, что они находятся в крепости, которая, будучи в состоянии выдержать долгую осаду, спасет их от тяжелых потерь. Гражданское население будет введено в заблуждение историческими мемуарами о героически обороняемых и героически деблокируемых крепостях. Таким образом, мир забудет, что немецкая армия была окружена вследствие неумелого планирования высших штабов, ибо «крепость» Сталинград была крепостью только по названию.

Гитлер был без ума от своего изобретения. Говоря о нем мне, он сиял от удовольствия и, очевидно, ждал, что и я буду в восторге. Но я сказал: «В доброе старое время крепостью называлось фортификационное сооружение, которое было результатом долгих подготовительных работ. Когда строительство фортификационных сооружений заканчивалось, в крепости создавались большие запасы продовольствия и боеприпасов. Сталинград не имеет ни фортификационных сооружений, ни запасов предметов снабжения. Кроме того, цель крепости — отвлечь большие силы противника своими сравнительно небольшими силами. С 6-й же армией дело обстоит как раз наоборот».

Но даже в таком мелком деле, как вопрос с названием, Гитлер не выносил критики. Мои замечания только рассердили его, и он остался верен своему изобретению. Генералы и солдаты внутри Сталинградского котла по вполне понятной причине были раздражены тем, что им присвоено такое напыщенное, но ничего не значащее название. Никаких других последствий выдумка Гитлера не имела.

Район окружения протянулся на 40 километров с запада на восток и на 20 километров — с севера на юг. Это была голая степь с редкими деревцами и кустарниками. Здесь находилось несколько деревень и бо́льшая часть Сталинграда (меньшая часть города оставалась еще в руках русских). Восточная граница района окружения проходила по правому берегу Волги. Бо́льшая часть фронта, созданная недавно, в результате прорыва русских с севера и юга, была совершенно не укреплена. Оборонительные сооружения там должны были строиться в невероятно трудных условиях снежных метелей, сильных морозов, почти полного отсутствия строительных материалов. Физическое напряжение командиров и солдат достигло крайних пределов. В таких условиях и была создана круговая оборона.

В котле находилась основная масса 20 немецких дивизий и некоторые подразделения двух румынских дивизий. Кроме того, там находились части, приданные 6-й армии главным командованием сухопутных сил, такие, как инженерные, артиллерийские, дивизионы штурмовых орудий, части организации Тодта, а также штабы пяти армейских корпусов и штаб 6-й армии генерала Паулюса. ВВС были

представлены несколькими подразделениями корпуса зенитной артиллерии и техническим персоналом. Запасы продовольствия и боеприпасов были невелики, но особенно не хватало горючего для многочисленных механизированных частей. Было ясно, что имевшихся в 6-й армии предметов снабжения хватит ненадолго.

Точно установить количество окруженных войск невозможно. Указывались различные цифры — от 216 тысяч до более чем 300 тысяч человек. Причина такого большого расхождения заключается в том, что самая высокая цифра отражает численность личного состава не только 6-й армии, но и частей, приданных ей перед началом русского наступления. Некоторые части и подразделения 6-й армии не попали в окружение, в то время как части из состава других армий оказались в котле. В первые несколько недель обстановка была настолько запутанной, что назвать точные цифры совершенно невозможно. Во всяком случае, командиры окруженных войск думали о более важных задачах, чем сбор сведений о численности личного состава, состоящего на довольствии.

Средствами сообщения и связи окруженной армии с внешним миром остались только самолеты и радио. Сначала в котле было три или четыре аэродрома. Вскоре после окружения была установлена работавшая в первое время вполне надежно радиотелефонная связь между генералом Паулюсом и командующим группой армий.

Должна ли 6-я армия выходить из окружения?

Когда 6-я армия была окружена, командующий 6-й армией и командующий группой армий попытались добиться у Гитлера разрешения на прорыв кольца окружения и соединение с главными немецкими силами, находившимися западнее. Гитлер упорно отказывался санкционировать отступление, для которого уже были разработаны планы с учетом оценки вероятного хода событий. Но теперь обстановка так ухудшилась, что, как полагали Вейхс, Паулюс и командиры корпусов 6-й армии, новые условия заставят Гитлера действовать иначе. Поэтому, не дожидаясь его ответа, командование отдало предварительный приказ, чтобы, как только разрешение на отступление будет получено, выход из окружения начался без всяких задержек.

Но разрешение не приходило. День за днем я убеждал Гитлера разрешить 6-й армии выйти из окружения. Почти каждую ночь мы подолгу обсуждали этот вопрос. Разговоры наши были то спокойными, то язвительными, когда мы оба повышали голос. Если Гитлер кричал на меня, я тоже кричал в ответ: когда он раздражался, это был единственный способ заставить его слушать.

Однажды мне уже показалось, что я добился своего. Гитлер как будто готов был подписать приказ, разрешавший 6-й армии выход из окружения. Все с облегчением вздохнули и принялись за разработку предварительных инструкций. Но когда приказ был представлен Гитлеру на подпись, он долго не подписывал его, а затем сказал мне, что передумал. Все было напрасно: снова придется начинать бесконечные разговоры и споры. Казалось, нервы наши больше не выдержат. Чтобы показать, какая была атмосфера в это время, я остановлюсь здесь на двух особенно важных разговорах, которые я имел с Гитлером. В некоторых местах я постараюсь привести подлинные слова Гитлера и свои.

Первый разговор произошел вскоре после того, как сомкнулись русские клещи. Я попросил диктатора дать мне аудиенцию для продолжительной беседы. Моя просьба была удовлетворена. Гитлер принял меня поздно ночью, и мы разговаривали почти до утра. Я начал с того, что показал Гитлеру на карте точное расположение войск и описал вероятный ход событий. Но тут он прервал меня, сказав, что обстановка не будет развиваться так, как предполагаю я, что ее коренным образом изменит атака танковой дивизии, перебрасываемой с Кавказа, а также ввод в бой новых тяжелых танков «Тигр».

Старая история! С заводов начали поступать первые танки «Тигр», а Гитлер имел привычку каждое новое оружие считать чудодейственным средством. Он считал, что первый же батальон «Тигров» сможет прорвать кольцо русского окружения. Гитлер был прямо-таки опьянен своим планом. Он действительно верил, что стоит ввести один такой батальон, как обстановка у Сталинграда немедленно изменится.

Возбужденный, с горящими глазами, Гитлер пытался заразить меня своим энтузиазмом. Казалось, он жаждал моего одобрения. Я сказал:

— Разумеется, танки «Тигр» имеют высокие боевые качества, и от них можно ожидать многого. Но мы не знаем, как они будут действовать в условиях русской зимы. К тому же они еще не были испытаны в бою. До сих пор в первых боях у новых видов оружия неожиданно обнаруживались дефекты, ликвидация которых надолго затягивалась. Поэтому мы не можем рассчитывать, что «Тигр» с самого начала будет на сто процентов удовлетворительным. Кроме того, «Тигров» еще недостаточно. Возможно, одному батальону удастся прорваться через кольцо русского окружения и установить контакт с 6-й армией, но он, вероятно, будет не в состоянии держать коридор открытым. Кроме того, когда новые танки будут введены в бой, наш основной фронт[1] окажется значительно дальше от сталинградской армии, чем сейчас. Таким образом, из-за огромного расстояния, которое танкам придется преодолевать, провести операцию тогда будет гораздо труднее, чем теперь.

Вот то, что касалось танков «Тигр». Я закончил следующими словами:

— Так как операция по деблокированию 6-й армии не может состояться, необходимо отдать этой армии приказ с боем выйти из окружения. Это нужно сделать немедленно, пока еще не поздно.

Я говорил, а Гитлер становился все мрачнее. Он не раз пытался прервать меня, но я не давал ему, так как понимал, что у меня осталась последняя возможность высказать ему все свои соображения. Когда я, наконец, закончил, он закричал:

— 6-я армия останется там, где она находится сейчас! Это гарнизон крепости, а обязанность крепостных войск — выдержать осаду. Если нужно, они будут находиться там всю зиму, и я деблокирую их во время весеннего наступления.

Это была нелепейшая фантазия, и я не мог не возразить:

— Сталинград — не крепость, да и снабжать 6-ю армию просто невозможно.

Гитлер закричал еще яростнее и громче:

— Но Геринг обещал снабжать армию по воздуху!

---

[1] В данном случае автор имеет в виду фронт группы армий «Б», откатывавшейся на запад под ударами советских войск. (*Прим. ред.*)

Теперь и я крикнул:

— Чепуха!

Гитлер сказал:

— Я не уйду с Волги!

Я громко ответил:

— Мой фюрер, оставить 6-ю армию в Сталинграде — преступление. Это означает гибель или пленение четверти миллиона человек. Вызволить их из этого котла будет уже невозможно, а потерять такую огромную армию — значит сломать хребет всему Восточному фронту.

Гитлер побледнел, но ничего не сказал и, бросив на меня ледяной взгляд, нажал кнопку на своем столе. Когда в дверях появился его адъютант — офицер СС, он сказал:

— Позовите фельдмаршала Кейтеля и генерала Иодля.

До их прихода мы не проронили ни слова. Впрочем, они пришли так быстро, словно ожидали вызова в соседней комнате. Если так, то они, несомненно, слышали наши сердитые голоса через тонкие стены кабинета, а следовательно, были в курсе нашего спора.

Кейтель и Иодль официально приветствовали фюрера. Гитлер продолжал стоять. Он был все еще бледен, но внешне держался торжественно и спокойно. Он сказал:

— Я должен принять очень важное решение. Прежде чем сделать это, я хочу услышать ваше мнение. Эвакуировать или не эвакуировать Сталинград? Что скажете вы?

Начался военный совет, если его можно так назвать. Никогда раньше Гитлер не прибегал к такой форме обсуждения вопросов. Вытянувшись, словно по команде смирно, Кейтель ответил:

— Мой фюрер, не оставляйте Волгу.

Иодль говорил тихо и объективно, взвешивая каждое слово.

— Мой фюрер,— начал он,— это действительно очень важное решение. Если мы отступим от Волги, мы потеряем большую часть территории, захваченной нами во время летнего наступления ценой огромных потерь. Но если мы не отведем 6-ю армию, ее положение станет крайне тяжелым. Операция по ее деблокированию может пройти успешно, но может и провалиться. До тех пор, пока мы не увидим результатов этой операции, на мой взгляд, надо удерживать позиции на Волге.

— Ваша очередь,— обратился Гитлер ко мне.

Очевидно, он думал, что слова двух других генералов заставили меня изменить мнение. Хотя Гитлер сам принимал решения, он всегда стремился получить одобрение, пусть даже формальное, своих технических советников.

Встав по стойке смирно, я сказал:

— Мой фюрер, я не изменил своего мнения. Оставить армию там, где она находится сейчас, — преступление. Мы не сможем ни деблокировать, ни снабжать ее. Она будет бессмысленно принесена в жертву.

Внешне Гитлер казался спокойным, но в душе у него, видимо, все кипело. Он сказал мне:

— Обратите внимание, генерал, что я не одинок в своем мнении. Его разделяют эти два офицера, которые по должности выше вас, поэтому мое решение остается неизменным.

Он сделал холодный поклон, и мы вышли из кабинета.

Второй разговор, который я описываю здесь так же подробно, состоялся следующей ночью.

Несмотря на прямой отказ Гитлера согласиться с моими доводами, я не хотел сдаваться в борьбе за спасение 6-й армии. Из своего опыта я уже знал, что теперь нужно подойти к этому вопросу с другой стороны. Решение Гитлера, окончательное и неизменное, основывалось, вероятно, на каких-то стратегических концепциях. В ближайшее время не имело смысла пытаться возобновлять с ним разговор на эту тему — Гитлер просто откажется слушать. Но я полагал, что если его не убедили мои доводы, касавшиеся стратегической стороны вопроса, то аргументы, доказывающие трудность снабжения окруженной армии, окажутся более действенными. Мне все еще казалось, что я смогу уговорить Гитлера принять мою точку зрения, если я нарисую ему безотрадную картину снабжения 6-й армии и с помощью неопровержимых фактов и цифр докажу, что регулярное снабжение этой армии по воздуху невозможно. Статистика всегда производила на Гитлера сильное впечатление.

Оперативное управление моего штаба и офицеры различных служб были убеждены, что Сталинград удержать нельзя, а регулярное снабжение армии по воздуху наладить невозможно. Я приказал по каждому виду снабжения подготовить данные, на которых основывались эти выводы, в форме таблиц, диаграмм, схем и т. д. Теперь я не могу привести по памяти точные цифры, приведен-

ные офицерами штаба, но общее количество необходимых предметов снабжения я помню.

Если учесть запасы предметов снабжения, находившиеся в районе окружения, то 6-я армия нуждалась в доставке по воздуху ежедневно 600 тонн грузов. Минимум предметов снабжения, на который 6-я армия могла существовать (испытывая большие лишения и прибегая к такому крайнему средству, как использование всех лошадей для питания личного состава), составлял 300 тонн. Но этот минимальный груз нужно было доставлять каждый день, несмотря на условия погоды, которые вряд ли могли быть благоприятными в это время года. Поэтому, чтобы поддерживать боеспособность 6-й армии, следовало ежедневно доставлять ей по крайней мере 500 тонн предметов снабжения в те дни, когда самолеты могли садиться и взлетать в районе окружения.

Эти факты и были отражены в таблицах, подготовленных моими штабными офицерами. Как только таблицы были готовы, я опять попросил у Гитлера аудиенции, и снова он принял меня поздно ночью. Гитлер держался холодно: очевидно, наш спор прошлой ночью не был забыт. Мне удалось заинтересовать его цифрами, и он позволил мне закончить доклад, необходимый для того, чтобы разъяснить значение приведенных мною статистических данных. Свои объяснения я закончил словами:

— Детальное изучение фактов заставляет сделать вывод, что снабжение 6-й армии по воздуху невозможно.

Холодно взглянув на меня, Гитлер сказал:

— Рейхсмаршал заверил меня, что это возможно.

Я повторил, что это неосуществимо, и тогда Гитлер произнес:

— Очень хорошо. Пусть он сам убедит вас.

Он послал за главнокомандующим военно-воздушными силами. Когда Геринг пришел, фюрер спросил:

— Геринг, можно ли осуществлять снабжение 6-й армии по воздуху?

Подняв правую руку, Геринг торжественно продекламировал:

— Мой фюрер, я не сомневаюсь, что ВВС справятся со снабжением 6-й армии.

Гитлер торжествующе взглянул на меня, но я еще раз повторил:

— Военно-воздушные силы не справятся с выполнением этой задачи.

Рейхсмаршал сердито нахмурил брови и сказал:

— Вы не компетентны в данном вопросе.

Повернувшись к Гитлеру, я спросил:

— Мой фюрер, разрешите задать рейхсмаршалу вопрос?

— Пожалуйста.

— Господин рейхсмаршал,— начал я,— вы знаете, сколько тонн предметов снабжения необходимо будет перебрасывать по воздуху каждый день?

Очевидно, Геринг был смущен моим вопросом. Бросив на меня негодующий взгляд, он сказал:

— Я не знаю, но офицерам моего штаба это известно.

Я продолжал:

— Учитывая запасы у 6-й армии предметов снабжения, а также принимая во внимание, что будут удовлетворяться только минимальные потребности войск, ежедневно потребуется перебрасывать 6-й армии 300 тонн грузов. Но так как летать можно будет не каждый день (в этом я сам убедился прошлой зимой), нам придется доставлять 6-й армии около 500 тонн грузов в каждый летный день.

Геринг ответил:

— Я могу это сделать.

Тут я не выдержал и крикнул:

— Мой фюрер, это ложь!

Гробовая тишина воцарилась в комнате. Геринг побелел от бешенства. Гитлер, недоумевая и удивляясь, смотрел то на меня, то на Геринга. Наконец, он обратился ко мне:

— Рейхсмаршал представил мне свои соображения, и я не могу не верить ему, поэтому мое решение остается неизменным.

— Тогда у меня к вам другая просьба,— сказал я.

— Что же вы хотите?

— Вы мне позволите каждый день доставлять вам сводку о количестве предметов снабжения, переброшенных 6-й армии за предыдущие сутки? — спросил я.

Геринг возражал, говоря, что это меня не касается, но на этот раз Гитлер не согласился с ним. Мне было дано разрешение ежедневно представлять фюреру сводки. Так закончилось наше совещание.

Опять моя попытка потерпела неудачу. В результате

нашего ночного разговора я добился лишь того, что заслужил ненависть рейхсмаршала. Между прочим, многие штабные офицеры и командиры соединений ВВС с самого начала разделяли мою точку зрения. Некоторые из них даже письменно изложили свои взгляды, но им не удалось убедить своего главнокомандующего. Игнорируя их рапорты, он следил за тем, чтобы они не попали на стол Гитлера.

В ожидании наступления Манштейна

Таким образом, все мои попытки спасти 6-ю армию потерпели неудачу. Но я еще надеялся. Гитлера могли убедить изменить решение, пожалуй, два будущих события: во-первых, провал наступления, рассчитанного на деблокирование окруженной армии, и, во-вторых, провал ВВС в снабжении этой армии. Самое большее, что могло дать наступление,— это несколько приблизить наши основные силы к 6-й армии, создав более благоприятные условия для успешного выхода ее из окружения. Я молил бога, чтобы Гитлер изменил свое решение, когда наступление с целью прорыва основных сил к 6-й армии провалится. Что касается снабжения по «воздушному мосту», то я надеялся на свои ежедневные сводки. Они должны были заставить Гитлера отбросить иллюзии, внушенные ему Герингом и другими.

Но прежде чем все это станет реальной действительностью, которая, возможно, убедит Гитлера изменить решение и оставить Сталинград, пройдет время, а время работало против 6-й армии. Через 10—15 дней ее положение сильно ухудшится. За это время сократится количество предметов снабжения, необходимых для прорыва кольца окружения, особенно запасы горюче-смазочных материалов. Следует также указать, что войска группы армий «Б» постепенно отходили на запад и расстояние, которое нужно было преодолеть 6-й армии, увеличивалось. Таковы были две основные проблемы.

Но пока приходилось напрягать все усилия для увеличения боеспособности 6-й армии или по крайней мере для отсрочки ее ослабления, а также для проведения в ближайшее время наступательной операции с целью деблокирования окруженных войск.

Гитлер согласился перестроить структуру командования на южном участке Восточного фронта. Между груп-

пами армий «А» и «Б» была создана новая группа армий, получившая название «Дон».

В результате этой реорганизации группа армий «Б» передала южную часть своего обширного фронта группе армий «Дон», которая могла теперь сосредоточить все свои усилия на предстоящем деблокировании сталинградской армии, не отвлекаясь для решения других задач. 27 ноября в группу армий «Дон» были включены 6-я армия, 4-я танковая армия, которая должна была деблокировать окруженные войска, а также 3-я и 4-я румынские армии, в результате наступления русских откатившиеся на запад и теперь удерживавшие участок фронта перед Сталинградом.

Приказы Гитлера командующему группой армий «Дон» были отражением его взглядов, высказанных мне. Сталинград было приказано удерживать, а связь с окруженными немецкими войсками восстановить путем проведения наступательной операции в направлении Сталинграда. Манштейн сразу понял, что полученные им приказы выполнить невозможно. В своем четком докладе он писал, что 6-я армия должна прорваться в западном направлении одновременно с наступлением 4-й танковой армии на восток. После этого дальше на запад должен быть образован новый фронт.

Таким образом, Манштейн в несколько видоизмененной форме выразил взгляды, уже высказанные мною и командующим группой армий «Б».

Однако Гитлер остался непреклонным, и Манштейн по существу был лишен оперативного руководства 6-й армией. Правда, фюрер попытался подсластить пилюлю, пообещав Манштейну дополнительные силы для усиления его войск, готовившихся к наступлению. Для этого предусматривалось перебросить части и соединения с Кавказа и Западного фронта. Хотя эти силы в конечном счете могли быть полезны Манштейну, они прибыли бы слишком поздно, так как подготовка к операции уже шла полным ходом.

Несмотря на то что Манштейну помешали осуществить его планы, он постарался как можно лучше выполнить полученные им приказы. Не касаясь неуместных в данном случае подробностей, можно утверждать, что штаб группы армий «Дон» сделал все возможное для организации наступления в самых благоприятных условиях и с

минимальной задержкой. Манштейн надеялся начать его между 8 и 10 декабря.

Окруженную под Сталинградом армию мы снабжали по воздуху. Как показывали сводки, которые я ежедневно представлял Гитлеру, тоннаж перевозимых на самолетах грузов, как правило, составлял 110, 120 и лишь иногда 140 тонн. Последняя цифра превышалась очень редко, и чаще всего 6-я армия получала в день менее 100 тонн грузов. Итак, 6-й армии не доставлялся даже ежедневный минимум предметов снабжения, не говоря уже об обещанных Герингом 500 тоннах. Как я и предсказывал, много дней подряд грузы совсем не поступали. Таким образом, не удовлетворялись даже минимальные потребности 6-й армии. В этом не были повинны ни экипажи самолетов, ни командиры авиационных подразделений и частей, ибо они делали все, что было в их силах. Геринг взялся за выполнение задачи, превосходившей возможности немецких ВВС.

На ежедневных совещаниях с Гитлером Геринг обещал улучшить положение. Он утверждал, что переброска грузов по воздуху только началась, что через несколько дней все пойдет хорошо и он выполнит свои обещания. Гитлер принимал его извинения и каждому повторял их: «Рейхсмаршал дал мне слово. Рейхсмаршал разрабатывает лучшую организацию. Рейхсмаршал планирует использование большего количества самолетов».

Но на самом деле обстановка ухудшалась. Основной фронт отодвигался назад, и приходилось часто менять аэродромы, с которых грузы доставлялись в Сталинград. Расстояния увеличивались, и самолеты должны были летать над расширявшейся с каждым днем территорией противника. В связи с этим мы теряли все больше и больше самолетов. Этому, конечно, не следовало удивляться. Такое положение неизбежно должно было возникнуть, и его нужно было учесть при разработке планов снабжения 6-й армии по воздуху. Я предупреждал об этом еще в самом начале создания «воздушного моста».

Подготовка к наступлению с целью деблокирования сталинградской армии, наконец, закончилась. Этой операции с беспокойством ожидали все, а особенно войска 6-й армии. Почти все части, переброшенные с Кавказа, заняли свои позиции. Прибыли значительные подкрепления из Германии. Непосредственное руководство опера-

цией было возложено на командующего 4-й танковой армией генерала Гота. В его распоряжении было три танковых дивизии штатной численности, небольшое количество пехоты для прикрытия флангов и ряд подразделений и частей из резерва главного командования, среди которых находился батальон танков «Тигр». Этих сил явно не хватало для выполнения поставленной перед Готом задачи.

Условия наступления были далеки от идеальных. Исходный район находился в районе Котельниково, километрах в ста от Сталинграда. Русские отлично понимали, что этот участок был самым уязвимым. В своих действиях они должны были исходить из этого, и потому Гот мог встретить здесь сильное сопротивление. Правда, и командиры и солдаты 4-й танковой армии понимали, какую важную роль играло их наступление для деблокирования сталинградской армии. Они были полны решимости пойти на любые жертвы, чтобы успешно выполнить свою задачу.

Попытка деблокирования 6-й армии

Наступление началось 12 декабря, и все мы с нетерпением ожидали первых донесений. Вначале все шло хорошо. 4-я танковая армия понемногу продвигалась вперед. К 18 декабря войска Гота были в 60 километрах от так называемой крепости. 19 декабря они вышли к р. Мышкова и 20 форсировали ее. 21 декабря они были всего в 45 километрах от Сталинграда.

И вот тут наступление застопорилось. Войск явно не хватало, к тому же они были крайне утомлены и плохо снабжались. Храбрость и решимость войск не могли компенсировать этих слабостей. Кроме того, против 4-й танковой армии действовали крупные силы русских. Несмотря на приказы и увещевания штаба верховного командования, возобновить наступление не удалось. Для этого требовалось ввести в бой свежие силы, а их у нас, к сожалению, не было.

Я с нетерпением ожидал реакции Гитлера. Когда до начала наступления Гота у фюрера просили разрешить 6-й армии вырваться из окружения, он ответил, что нужно подождать результатов наступления 4-й танковой армии. В первые несколько дней армия Гота добилась известных успехов, и Гитлер был на седьмом небе. Он заявил тогда, что его решение оправдано, и не допускал и мысли о

выходе 6-й армии из окружения. Но даже в дни успешного наступления все командиры частей и соединений в зоне боевых действий продолжали считать, что спасти 6-ю армию от уничтожения можно, только выведя ее из окружения.

Временные победы вернули Гитлеру его прежнюю уверенность. Теперь он говорил не только о деблокировании окруженной армии, но даже о восстановлении линии фронта, существовавшей до большого русского наступления. Гитлер не желал выслушивать объективные оценки обстановки. Он не понимал, что наступление, в котором участвовали слабые силы и перед которым были поставлены огромные цели, провалится, если 4-я танковая армия не будет усилена и обеспечена необходимыми предметами снабжения. Его нельзя было убедить даже в том, что следует принять элементарные меры предосторожности на случай, если наступление провалится.

Когда в 45 километрах от Сталинграда наступление застопорилось, всем военным специалистам стало ясно, что это конец. Но не так думал Гитлер. «Вот увидите,— говорил он нам,— наступление обязательно будет продолжено». Но его предсказания не сбылись. 23 декабря наступление окончательно прекратилось.

Это был последний момент, когда еще можно было спасти 6-ю армию.

Последняя надежда

Фельдмаршал фон Манштейн и я предпринимали последние отчаянные попытки убедить Гитлера. Если бы 6-я армия получила приказ вырваться из окружения, она, безусловно, выполнила бы его. Безвыходность положения заставила бы солдат пойти на любые жертвы, и окончательной катастрофы можно было бы избежать. Но приказ о выходе из окружения должен был исходить от Гитлера, а он не соглашался подписать его.

Почти каждую ночь я убеждал его отдать такой приказ. Подобные сцены я уже описывал и потому не стану входить в детали, снова говорить о спорах, о взаимном раздражении и т. д. Но мне хотелось бы упомянуть о двух характерных инцидентах.

Помню, однажды я подумал, что мне удалось убедить Гитлера принять мою точку зрения, так как он сказал: «Хорошо, напишите Паулюсу и спросите его, насколько

далеко он сможет продвинуться, если он получит приказ о выходе из окружения».

Я вздохнул с облегчением и, чтобы Гитлер не успел передумать, тут же, в его присутствии, составил телеграмму и дал ему подписать. Он прочитал ее, взял карандаш и дописал: «с тем условием, что Вы будете удерживать оборону вдоль Волги». Это добавление в корне меняло цель и характер предлагаемой мною операции. В подобных случаях мне казалось, что я могу сойти с ума. Телеграмма была отправлена, и Паулюс немедленно ответил. Я забыл, какую цифру он назвал,— кажется, от 30 до 40 километров. Во всяком случае, это расстояние было значительно меньше того, которое отделяло его армию от авангардов Гота. На следующий день на совещании в присутствии большой группы офицеров Гитлер сказал:

— Я послал Паулюсу радиограмму, в которой запросил его, как далеко сможет он продвинуться, если получит приказ выйти из окружения. Он ответил, что его войска смогут продвинуться только на 30—40 километров. Следовательно, нет никакого смысла проводить такую операцию.

Я резко возразил:

— Но ведь вы поставили ему условие — удерживать позиции на Волге.

От ярости Гитлер побледнел, но промолчал.

На следующий вечер я добился у него приема и снова умолял дать разрешение на выход из окружения. Я говорил, что это последняя надежда спасти 200-тысячную армию Паулюса.

Гитлер спросил:

— Можете ли вы дать гарантию, что им удастся вырваться со всем вооружением?

— Этого никто не может гарантировать,— ответил я,— но я могу поручиться, что войска будут уничтожены, а все их оружие потеряно, если вы немедленно не отдадите приказ о выходе из окружения.

Гитлер не уступал. Напрасно я описывал условия внутри так называемой крепости: отчаяние умирающих с голоду солдат, потеря веры в верховное командование, гибель тысяч раненых от недостаточного медицинского ухода и сильных морозов. Он остался глух к этим, как и к прежним, моим аргументам.

Так как мои слова не тронули Гитлера, я надеялся заставить его собственными глазами увидеть все, что происходит в Сталинградском котле. Я предложил ему полететь со мной в штаб группы армии «Дон», чтобы он представил себе фронтовые условия. Гитлер отверг это предложение. Тогда я посоветовал ему вызвать из Сталинграда компетентных офицеров, которые рассказали бы ему о положении окруженной группировки. Но и это предложение не было принято. Гитлер явно предпочитал не знать, что происходит внутри котла. Я решил сам взяться за дело и послал в штаб 6-й армии радиограмму с просьбой прислать к нам генерала Хюбе, который пользовался особым расположением Гитлера. Я надеялся, что Гитлер, может быть, прислушается хотя бы к словам Хюбе.

Я поговорил с Хюбе перед тем, как он был принят Гитлером. Хюбе спросил меня, можно ли говорить верховному главнокомандующему правду. Как я понял, он слышал, что Гитлеру нельзя говорить о действительных фактах. Я заверил его, что это не так, хотя тот, кто говорил правду, действительно часто вызывал у него гнев и поэтому мог впасть в немилость. А на этот риск немногие решались. Я сказал Хюбе, что он не только может, но обязан говорить Гитлеру правду.

Встретив Хюбе своим обычным длинным монологом, Гитлер постарался склонить его на свою сторону. Он сказал, что знает о тяжелых условиях в крепости, а также о том, что снабжение по воздуху пока не совсем эффективно. Однако, продолжал он, меры приняты, и вскоре положение значительно улучшится. Гитлер говорил долго, пытаясь заранее лишить Хюбе тех аргументов, которые он мог выставить. Когда, наконец, Хюбе разрешено было говорить, он с предельной ясностью нарисовал печальную картину действительного положения окруженных войск. Я не преувеличу, если скажу, что он буквально умолял Гитлера спасти сталинградскую армию.

Но Гитлер оставался непреклонным. Когда Хюбе понял, что обстоятельное описание обстановки не произвело на диктатора никакого впечатления, он вышел из себя. Хюбе был откровенным человеком и сказал прямо: «Снабжение по воздуху провалилось. Ведь кто-то виновен же в этом. Мой фюрер, почему вы не казните одного из генералов ВВС? До сих пор за ошибки расстреливали только

армейских генералов. Пришло время выписать дозу этого лекарства и нашим авиационным коллегам».

Для Гитлера это было слишком. Позже мне довелось слышать, как он говорил Герингу: «Хюбе спросил меня, почему я не расстрелял какого-нибудь авиационного генерала. Вот с какими вещами приходится мне мириться». Разговор с Хюбе Гитлер закончил словами: «Я располагаю точной информацией о крепости и ее трудностях. К тому же едва ли найдется человек, который с большей настойчивостью выступал бы в защиту сталинградской армии, чем мой начальник штаба».

Итак, визит Хюбе ничего не дал, кроме повторения обычных заверений. Единственным результатом посещения генералом Хюбе Гитлера явилось создание специального штаба ВВС под руководством фельдмаршала Мильха для воздушного снабжения сталинградской армии. Но положение уже нельзя было выправить, и не только потому, что новые меры были приняты слишком поздно. Дело в том, что снабжение целой армии зимой, как и предсказывали многие авиационные офицеры, оказалось не по плечу немецким военно-воздушным силам.

Обстановка в конце декабря

1942 год подходил к концу. В сводках верховного командования сообщалось, что наши войска в районе Сталинграда предпринимают ожесточенные атаки, но на самом деле обстановка с каждым днем становилась все менее благоприятной. Группа армий «Дон» оказалась не в состоянии отразить натиск русских и теперь откатывалась назад. 4-я танковая армия не смогла удержать рубеж, на который она вышла 21 декабря, и расстояние между передовыми отрядами 4-й и 6-й армий опять увеличилось до ста с лишним километров. Северо-западнее Сталинграда русские расширили фронт своего зимнего наступления. Они атаковали и разгромили итальянскую армию, удерживавшую участок фронта между румынами и венграми. Теперь опасность нависла над венгерскими войсками. Такой ход событий усилил отчаянное положение группы армий «А», действовавшей на Кавказе.

Обстановка в самой «крепости» серьезно ухудшилась, хотя русские еще не начали решительного наступления. Пресловутый «воздушный мост» работал плохо, и нехватка предметов снабжения ощущалась все острее.

Рационы войск стали настолько мизерными, что продержаться на них сколько-нибудь долго люди не могли. Мало того, неизбежно было новое уменьшение суточного пайка. Провал наступления 4-й танковой армии деморализовал как командиров, так и войска внутри Сталинградского котла. Их разочарование было тем сильнее, что они верили в возможность скорого деблокирования. Я не берусь описывать обстановку в районе окружения — о ней могут рассказать лишь те немногие из участников событий, кому посчастливилось остаться в живых.

Я следил за тем, чтобы Гитлера информировали достаточно полно и правдиво, не умалчивая о недостатках. Мне казалось, что он совершенно безразлично относился к неумолимо надвигавшейся катастрофе. Внешне он придерживался прежнего мнения, считая, что решение удерживать Сталинград при данных обстоятельствах было правильным. Чтобы оправдать себя, он выдвигал теперь следующие причины. Удерживая Сталинград, 6-я армия приковывает к себе крупные силы русских, поэтому противник не может проводить крупные операции в другом месте, а мы получаем возможность создать прочную линию фронта. На эти доводы я ответил так: «Если русские будут проводить свои операции правильно,— а у меня есть все основания полагать, что они будут действовать именно так,— то для окружения сталинградской армии они оставят минимальное количество дивизий. Они не станут штурмовать крепость в ближайшее время, а бросят свои основные силы для наступления в западном направлении. Наши солдаты в Сталинграде вынуждены будут смириться со своей судьбой, даже не вступая в бой, и попадут в руки противника так же просто, как спелые фрукты падают с деревьев на землю».

Позднее мои предсказания сбылись. Но Гитлер продолжал ободрять окруженные войска даже после провала наступления 4-й танковой армии. Он обратился к ним с новогодним приказом, в котором говорилось: «Я даю слово, что для вашего освобождения будет сделано все возможное». Этот приказ был написан лично Гитлером, и старший адъютант фюрера принес его мне для отправки в 6-ю армию. Я отказался это сделать, так как не имел ни малейшего желания посылать приказ, содержание которого было явно неосуществимо. Старший адъютант заявил, что Гитлер настоятельно требовал отправки при-

каза и что о моем неповиновении он вынужден будет доложить Гитлеру. Но никакие последствия не могли заставить меня согласиться с Гитлером, и в конце концов приказ был послан в Сталинград через другие каналы. Между прочим, Гитлер не привлек меня к ответу и ни разу не напомнил об этом случае.

Примерно с середины декабря стала надвигаться другая катастрофа, подобная сталинградской. Так как она имеет прямое отношение к Сталинграду, я скажу о ней несколько слов. Речь идет о судьбе немецких войск на Кавказе. На самом южном участке Восточного фронта наше летнее наступление уже давно приостановилось. Некоторое время продолжались местные атаки наших войск, но в конце концов немецкое командование вынуждено было отдать приказ о переходе к обороне на всем этом участке фронта. Теперь, в результате успешного русского зимнего наступления западнее и южнее Сталинграда, возникла угроза всему кавказскому фронту. В начале декабря я старался обратить внимание Гитлера на возраставшую опасность в этом районе, но он отказался сделать выводы из сложившейся там обстановки. Декабрьское наступление русских западнее Сталинграда, а затем провал наступления 4-й танковой армии поставили группу армий «А» на Кавказе в крайне опасное положение.

Нетрудно было понять, что если русские продолжат наступление, то вскоре они достигнут Ростова, а в случае захвата ими Ростова всей группе армий «А» грозит неминуемая опасность окружения. Следовало принять необходимые меры предосторожности, поэтому я договорился со штабом группы армий «А» о разработке подробного плана отхода двух армий — 17-й полевой и 1-й танковой. Все это было сделано без ведома Гитлера. Если бы он узнал об этом, я мог бы поплатиться жизнью. Я хотел провести такую подготовку, чтобы, получив приказ об отходе, обе эти армии были в состоянии немедленно выполнить его. В то время во многом можно было усомниться, но в одном я был совершенно уверен: если Гитлер когда-нибудь отдаст приказ об отходе группы армий «А», то он сделает это лишь в самый последний момент. Поэтому каждая минута была на счету, и малейшее промедление в связи с разработкой плана могло решить судьбу кавказской группы армий.

Когда попытка деблокировать Сталинград потерпела неудачу, я вторично попытался получить санкцию Гитлера на эвакуацию войск с Кавказа. Он отказался меня слушать и тогда, и в следующие дни, когда я обращался к нему по этому неотложному делу. В конце декабря он все же, по-видимому, сдался. Как-то раз наедине с ним я описал сложившуюся на юге обстановку и закончил свое сообщение так: «Если вы теперь же не отдадите приказ об отступлении с Кавказа, то вскоре нам придется пережить второй Сталинград».

Казалось, это произвело впечатление на Гитлера, и я должен был непременно использовать его нерешительность. Мне удалось буквально выжать из него согласие. «Хорошо,— сказал он, наконец,— отдайте соответствующее приказание». Выйдя из комнаты, я прямо из приемной Гитлера по телефону отдал приказ об отступлении. Я распорядился, чтобы приказ был передан войскам немедленно и чтобы их отход начался тотчас же.

Спешил я не напрасно. Когда всего через полчаса я приехал в свой штаб, меня уже ждала срочная телефонограмма: Гитлер приказывал немедленно позвонить ему. Заранее зная, что это значит, я снял телефонную трубку и попросил соединить с Гитлером. Он сказал: «Не отдавайте пока распоряжений об отступлении с Кавказа. Завтра мы снова обсудим этот вопрос».

Итак, Гитлер собирался начать новую серию бесконечных отсрочек, откладывая решение до тех пор, когда уже поздно будет что-либо предпринять. Я сказал: «Мой фюрер, слишком поздно. Я отправил приказ еще из вашего штаба, и теперь он уже достиг фронтовых частей и соединений. Отступление началось. Отменить приказ сейчас — значит вызвать невероятную путаницу. Я вынужден просить вас не делать этого».

Гитлер молчал, видимо, не зная, на что решиться. Наконец, он сказал: «Хорошо, пусть будет так».

Итак, я добился спасения 1-й танковой и 17-й полевой армий от той участи, которая постигла 6-ю армию. Дальнейший ход событий показал, что я использовал самый последний момент для успешного отвода наших войск с Кавказа. Хоть здесь мои усилия не пропали даром.

Русские требуют сдачи Сталинграда

Если бы меня попросили указать дату, которую я считаю началом конца 6-й армии Паулюса, я бы назвал 8 января 1943 г. В этот день русские послали в «крепость» парламентеров и официально потребовали ее сдачи. Правда, можно считать и так, что судьба окруженной 6-й армии была решена еще в тот день, когда ей было запрещено вырваться из окружения. Все, кто был в состоянии здраво оценивать реальную обстановку, понимали это, все, кроме Гитлера, которого упрямство лишило способности видеть действительный ход событий. Немецкий народ не знал о создавшемся положении, так как верховное командование умалчивало о неизбежной судьбе 6-й армии вплоть до самой ее капитуляции. Ниже я остановлюсь на этом подробнее.

Наступление русских на «крепость» началось в первые дни января. Русское верховное командование, вероятно, считало, что группа армий «Дон» отброшена назад достаточно далеко и теперь не помешает русским войскам ликвидировать Сталинградский котел. Почему русские решили перейти в наступление, не дожидаясь, пока котел развалится сам по себе, без всяких потерь со стороны русских, известно только русским генералам.

На их решение оказали влияние, возможно, следующие три фактора. Во-первых, проведение дальнейших боевых действий во многом зависело от овладения таким важным центром дорог, как Сталинград. Во-вторых, они, конечно, поняли, что своевременный отход наших войск с Кавказа лишил их возможности отрезать и окружить группу армий «А». В-третьих, их разведка, видимо, сообщила, что запасы предметов снабжения в котле иссякли и что конец окруженных войск близок. Последний фактор кажется самым вероятным объяснением. Во всяком случае русское верховное командование решило, что пришло время уничтожить 6-ю армию. Но прежде чем перейти в генеральное наступление, они попытались добиться капитуляции этой армии без дальнейшего кровопролития.

8 января русские парламентеры вошли в «крепость». Они вручили Паулюсу требование о капитуляции 6-й армии, подписанное командующим русским Донским фронтом. Это был пространный документ. Описав безнадежное

положение окруженной 6-й армии, русский командующий предлагал сложить оружие и в случае согласия на это гарантировал солдатам сохранение жизни и безопасность, а сразу же после окончания войны возвращение на родину — в Германию и другие страны. Документ заканчивался угрозой уничтожить армию, если она не капитулирует. В случае отклонения ультиматума вся ответственность за последствия возлагалась на командующего 6-й армией. Ответ было предложено дать до 10 часов 00 минут 9 января 1943 г.

Паулюс немедленно связался с Гитлером и попросил свободы действий. Гитлер дал резкий отказ. Трудно сказать, о чем думал он в это время. Все же я попытаюсь рассказать об этом, основываясь на своих личных наблюдениях.

Как всегда, Гитлер упорно скрывал свои истинные взгляды. Казалось, он был уверен в благоприятном исходе Сталинградского сражения. Но свои сокровенные мысли он держал при себе. Только люди, которые близко знали его, постоянно общались с ним и видели смену его настроений, догадывались о его настоящих чувствах, когда он случайно выдавал себя неосторожно сказанной фразой. В своем новогоднем приказе по сталинградской армии он все еще обещал солдатам и офицерам освободить их из кольца вражеского окружения. Всему личному составу вооруженных сил и немецкому народу он не раз повторял, что упорство и моральная стойкость сталинградской армии не дали возможность войскам противника перейти в наступление на других участках Восточного фронта. Их героическая оборона, говорил он, завершится победой. Этой же точки зрения он придерживался в разговоре со мной и с командующим группой армий «Дон» фельдмаршалом фон Манштейном. Вероятно, только генералу Иодлю, своему самому близкому военному советнику, он признавался, что больше не верит в возможность спасения 6-й армии.

Генерал Иодль на Нюрнбергском процессе заявил:

«Я испытываю глубокое сострадание к свидетелю генералу Паулюсу. Он не знал, что Гитлер считал его армию потерянной с тех пор, как первые зимние метели стали бушевать в районе Сталинграда».

Крикливые пропагандистские доводы в пользу удержания Сталинграда не отражали существа мыслей Гит-

лера. Вероятнее всего он находился в плену своего упрямого убеждения, что немецкий солдат не должен отступать оттуда, куда ступила его нога.

«Я не оставлю Волгу, — снова и снова повторял Гитлер. — Когда воюешь против русских, не может быть и речи о сдаче в плен». Более того, с самого начала он совершенно не считался с советами командующих группами армий и с моими предложениями и часто действовал как раз наоборот. Но теперь он ни за что бы не признался, что допустил ошибку. Таково было истинное отношение Гитлера к происходившим под Сталинградом событиям, но он был достаточно умен, чтобы скрыть его от своих солдат и немецкого народа. И он использовал мощный аппарат пропаганды, чтобы исказить действительное положение вещей.

Вероятно, Гитлер не выдавал своих истинных чувств даже самым близким людям. Мучили ли его угрызения совести? Осознавал ли он грандиозность катастрофы, которая произошла по его вине? Испытывал ли он чувство жалости к сотням тысяч солдат, которых он обрек на смерть или русский плен? Раскаивался ли он в своих поступках? Я думаю, что на все эти вопросы ответ может быть только отрицательным. Он не был одарен способностью разделять страдания других. Хотя он часто повторял, что сам сражался в траншеях во время первой мировой войны и поэтому хорошо понимал состояние солдат во второй мировой войне, он не чувствовал к ним никакого сострадания. Зато он без конца говорил о своих «бессонных ночах». Все эти лицемерные высказывания были рассчитаны на то, чтобы произвести впечатление на окружающих.

Таковы причины, которые побудили Гитлера безжалостно отвергнуть просьбы командующего группой армий «Б», а также и мои о представлении генералу Паулюсу свободы действий. Единственным ответом на все наши требования было резкое и непреклонное «Нет!». Зная о его нелепой гордости, мы пытались подсластить пилюлю. Мы уже не просили его согласиться на капитуляцию. Мы умоляли только об одном — дать Паулюсу свободу действий. А там уж сам Паулюс мог принять решение о капитуляции своей армии. Но нам не удалось убедить диктатора согласиться хотя бы с этим. Время, данное нам русскими на размышления, истекло, и их предложение о капитуляции армии без напрасного кровопролития было,

таким образом, отвергнуто. Печальные последствия этого оказали решающее влияние на дальнейший ход второй мировой войны.

Наступление русских

Рано утром 10 января русская артиллерия открыла ураганный огонь. Через два часа их пехота перешла в наступление с севера, юга и запада. С ужасом ожидали этого момента оборонявшиеся, у которых осталось мизерное количество боеприпасов. Весь день шел жестокий бой. Героически обороняясь, наши солдаты подбили много русских танков и нанесли большие потери наступающим русским войскам. Но и наши потери были неслыханно велики. Вечером этого дня командование 6-й армии сообщило по радио, что русские прорвали оборону наших войск на северном, южном и западном направлениях и что бреши закрыть не удалось. Большие участки обороны самовольно или по разрешению штаба 6-й армии были оставлены войсками. Котел постепенно сужался. Это продолжалось несколько дней. Чем меньше становился удерживаемый немцами район, тем больше страдания окруженных солдат.

К 16 января расстояние между самыми отдаленными пунктами котла по длине сократилось до 25, а по ширине — до 15 километров, то есть с 10 января и в длину и в ширину уменьшилось в два раза. Особенно серьезной была потеря аэродрома Питомник, так как через него осуществлялось снабжение «крепости».

Теперь померк даже наигранный оптимизм Гитлера. По его приказу в сводках верховного командования впервые появились намеки на серьезность создавшейся под Сталинградом обстановки. В коммюнике от 10 января говорилось только о боях местного значения и действиях патрулей. 16 января уже сообщалось «об оборонительных боях с наступающими со всех сторон войсками противника». Но Гитлер все еще отказывался дать Паулюсу свободу действий, о которой неоднократно просил командующий группой армий «Б» и которой так настоятельно требовал я в своих разговорах с диктатором. Его ответом каждый раз было монотонное повторение любимого изречения: «Каждый день сопротивления 6-й армии — огромная помощь другим армиям Восточного фронта. 6-я армия приковывает к себе крупные силы русских и наносит им тяжелые потери».

А сталинградская трагедия неумолимо приближалась к концу. Солдатам 6-й армии каждый новый день приносил только усиливавшийся голод, лишения, душевное одиночество, безнадежность, страх замерзнуть или умереть с голода, страх получить ранение, которое в этих условиях невозможно излечить. В зависимости от своего темперамента одни солдаты в этих условиях проявляли храбрость, другие отчаяние, а третьи просто апатию. Но каковы бы ни были их чувства, им ничего не оставалось делать, как только продолжать воевать, воевать без отдыха, без перерыва, воевать, сознавая, что нечеловеческие условия, в которых они существуют, могут стать лишь еще ужаснее. Это был бесконечный кошмар.

Младшие и старшие офицеры находились в таких же условиях, как и солдаты. Тяжесть их положения усугублялась, однако, тем, что на них лежало бремя ответственности за жизни людей, которым они не могли помочь. Они отчетливо сознавали, что полуголодные люди, лишенные к тому же достаточного количества боеприпасов, не в состоянии выполнять получаемые ими приказы.

Высший командный состав и штабные офицеры были в несколько лучших условиях, зато на них лежала еще бóльшая ответственность. Они уже не строили никаких иллюзий. Раньше или позже, в зависимости от воинского звания и характера, они осознали бессмысленность приказов Гитлера и лживость его обещаний. Они понимали, что неизбежность горького конца, который ждал находившихся под их командованием офицеров и солдат, бесспорна, как математическая аксиома. Каждый боевой приказ вызывал у них душевную борьбу: выполнять его или нет? Но они обязаны были передавать приказы, которые сами считали ошибочными. Более того, перед своими подчиненными они должны были показывать храбрость и уверенность в победе.

Снабжение войск почти прекратилось. Солдатам не хватало продовольствия, боеприпасов, горючего и многих других предметов снабжения. С каждым днем все острее ощущалась нехватка боевой техники и снаряжения. Многие артиллерийские части, расстреляв все снаряды, уничтожали орудия. Водители грузовиков, когда кончался бензин в баках, поджигали свои машины. Исчезали целые части и соединения.

Для раненых не было ни убежища, ни постели, ни

пищи, ни медикаментов, не хватало даже бинтов. Медицинский персонал бессилен был что-либо сделать. День за днем обстановка ухудшалась. Только одно оставалось неясным: сколько еще продлится сражение?

Между 16 и 24 января район обороны 6-й армии был расколот на две части, и связь между ними теперь осуществлялась только по радио. 23 или 24 января последний самолет улетел на запад — русские захватили последнюю посадочную площадку. Впредь остатки 6-й армии были оторваны от внешнего мира. Нетрудно представить, что это значило для окруженных войск. Теперь у них уже не было никакой надежды на спасение. Отчаяние охватило людей. Предметы снабжения теперь сбрасывались с самолетов, но в небольшом количестве. Основная часть их падала на территорию противника, а те, что попадали на маленький район, где еще находились немцы, трудно было найти в больших сугробах.

24 января снова появились русские парламентеры. Они надеялись, что теперь немцы, наконец, сдадутся. Генерал Паулюс по радио опять обратился к Гитлеру за разрешением на капитуляцию. Он откровенно сообщил, что положение безвыходное: централизованное руководство более невозможно, фронт прорван, появились признаки разложения среди солдат, не хватает продовольствия и боеприпасов, а раненые лишены медикаментов. В заключение своего разговора с Гитлером Паулюс сказал, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, так как разгром войск, находящихся под его командованием, неизбежен. Он просил Гитлера согласиться на немедленную капитуляцию, чтобы спасти от гибели еще остававшихся в живых солдат.

Фельдмаршал фон Манштейн и я поддержали эту просьбу — он письменно, а я устно. Она была новым повторением того требования, которое мы выставляли в течение последних двух недель.

Гитлер был непреклонен. Ни командующий группой армий, ни я не смогли уговорить его. Правдивый доклад Паулюса не произвел на него никакого впечатления. Количество убитых и раненых, положение со снабжением, продовольствием и боеприпасами — все это не тронуло его. Даже полные драматизма описания свидетелей сталинградского ада, с каждым днем становившегося все ужаснее, не подействовали на него. Ничто не могло убе-

дить Гитлера и заставить изменить свою точку зрения. Он снова и снова повторял, что каждый день сопротивления 6-й армии облегчает положение других войск Восточного фронта.

Ответ на просьбу генерала Паулюса пришел немедленно: Гитлер запретил капитулировать и приказал 6-й армии сражаться до последнего человека, до последнего патрона. Паулюсу пришлось вторично отвергнуть предложение русских парламентеров.

Вскоре Гитлер отправил второй приказ 6-й армии, изобиловавший высокопарными выражениями о «героической обороне» и о «спасении Западного мира». И это было все. За пределами котла жизнь и война шли своим чередом.

Конец

К северу и западу от котла русские расширили фронт зимнего наступления. Была разгромлена венгерская армия, находившаяся левее итальянцев. Дальше на север та же участь постигла 2-ю немецкую армию. На юге обстановка оставалась критической, и единственной надеждой на спасение было своевременное отступление наших войск с Кавказа. Эта операция, проведенная в самый последний момент, прошла успешно. Решение об отходе войск полностью оправдало себя. Освободившиеся дивизии можно было использовать на других участках фронта. Ставке Гитлера приходилось думать о боевых действиях не только на Восточном фронте. В Африке англичане захватили Триполи, и всей армии Роммеля угрожала серьезная опасность.

В эти дни Геринг несколько раз выступил с речами, в которых говорил о героическом сражении на Волге. Видимо, он не понимал, что вместе с Гитлером повинен в сталинградской трагедии, и забыл о своем торжественном обещании осуществить снабжение 6-й армии по воздуху. Он даже нашел уместным отпраздновать свой день рождения с обычной экстравагантностью и расточительностью. Это происходило как раз в то время, когда я и офицеры моего штаба из товарищеской солидарности с окруженной армией урезали свои продовольственные пайки до уровня тех, какие выдавались солдатам Паулюса.

В атмосфере крайнего напряжения немецкий народ ясно сознавал, что надвигается страшная катастрофа. Коммюнике верховного командования подготавливали

людей к плохим новостям. За описанием героических подвигов 6-й армии официальные органы пропаганды пытались скрыть масштабы и характер сталинградской трагедии.

В самом котле быстро и безжалостно приближался конец. Один командир дивизии отказался подчиниться приказам высших начальников и, чтобы спасти горсточку оставшихся в живых солдат и офицеров своей дивизии, принял решение о сдаче в плен. К русским перешла и одна румынская часть в полном составе, со всем своим вооружением. Старшие и высшие командиры либо кончали жизнь самоубийством, либо уходили на передовую и находились там, пока русская пуля не прерывала их жизнь. Некоторые младшие офицеры и солдаты просили у своих командиров разрешения пробиться через кольцо русского окружения к своим. Многие дерзнули сделать этот рискованный шаг, но после нескольких недель неописуемых страданий к нашим войскам удалось добраться всего одному унтер-офицеру. После стольких лишений он прожил недолго. В самом котле люди гибли от голода и сильных морозов.

Отколовшаяся часть котла постепенно уменьшалась, затем одна из его половин тоже разделилась на две части. Таким образом, образовалось три котла, три района окружения немецких войск: на севере под командованием командира 11-го армейского корпуса, в центре под командованием командира 51-го танкового корпуса и на юге под командованием самого генерала Паулюса. Такое положение, затруднив оборонительные действия наших войск, облегчило наступающим русским выполнение их задачи и быстрее привело к трагическому концу. Обо всем этом генерал Паулюс доложил в ставку Гитлера 28 января. Он добавил, что, по расчетам его штаба, 6-я армия продержится не дольше чем до 1 февраля.

Даже теперь Гитлер наотрез отказался слушать фельдмаршала Манштейна и меня, когда мы опять попросили дать генералу Паулюсу свободу действий. Вместо этого он снова послал штабу 6-й армии длинную радиограмму, насыщенную такими высокопарными фразами, как «героическая борьба», «навеки войдет в историю» и т. д. Гитлер приказал послать под Сталинград массу орденов и медалей и повысить в звании умирающих от голода и холода солдат и офицеров. Он думал, что

это будет стимулом для продолжения борьбы. Генерал Паулюс был произведен в фельдмаршалы. Такой вклад внес Гитлер в сталинградское сражение в его последний час.

Из сводки верховного командования от 27 января немецкому народу нетрудно было сделать вывод, что конец 6-й армии приближается. В этом коммюнике промелькнуло такое выражение: «подразделения и части 6-й армии, еще способные вести бой». Даже люди, совершенно не разбиравшиеся в военных делах, поняли, что значит эта фраза. А официальные органы пропаганды продолжали делать упор на героические подвиги в сражении, которое уже было проиграно. Пример подавал Геринг. Он по радио обращался к 6-й армии с речами, а солдаты, зная, какую роль сыграл рейхсмаршал в постигшей их катастрофе, все больше ожесточались против него. В своей речи 30 января он говорил о Сталинградской битве как о «величайшей, самой героической битве в истории германской расы» и сравнивал солдат 6-й армии с греческими героями, которые в битве при Фермопилах сражались до последнего. Неужели он не понимал, что, проводя такую параллель, он списывал со счета солдат 6-й армии, словно их уже не было в живых? Многие солдаты и офицеры пришли именно к такому заключению. Они прекрасно знали, что этот человек как главнокомандующий военно-воздушными силами Германии в свое время торжественно обещал обеспечить 6-ю армию всеми необходимыми предметами снабжения.

Последние дни в Сталинграде прошли так, как и предсказывал в своем донесении от 28 января фельдмаршал Паулюс. 31 января Паулюс радировал в штаб командующего сухопутными силами, что конец драмы наступит в ближайшие 24 часа. В этот же день войска центрального котла сдались в плен. Рано утром 2 февраля капитулировал северный котел, а в полдень того же дня — южный. Войска каждого котла сообщали о своей сдаче по радио. В каждом случае последняя радиограмма заканчивалась словами: «Да здравствует Германия!»

Заключение

Солдаты 6-й армии исполнили свой долг до конца, несмотря на бессмысленность получаемых ими приказов и несмотря даже на то, что многие, если не большинство из

них, хорошо понимали это. Их положение было поистине трагическим. Ослабленные от недоедания, страдающие от страшного мороза, почти без боеприпасов и предметов снабжения, они причинили русским командирам и войскам много неприятностей и нанесли тяжелые потери. С 10 января по 2 февраля, то есть более трех недель, они вели бой с превосходящими силами противника. Это уже внушительное достижение. Если иметь в виду физическое напряжение войск, их психическое состояние, а также климатические условия, в которых они сражались, их достижения придется удвоить и даже утроить. У меня не хватает слов, чтобы описать их преданность своему воинскому долгу. История отдаст дань солдатам, которые до последних дней думали только о выполнении своего долга.

При вынесении приговора этим солдатам не нужно исходить из того, что Сталинградская битва не должна была произойти и что весь мир осудил человека, который, несмотря на протесты своих военных советников, приказал принять в ней участие. Как же он реагировал на эту катастрофу?

Узнав, что под Сталинградом все кончено, Гитлер пришел в ярость. Его взбесило, что новый фельдмаршал предпочел плен смерти. Он говорил, что не ожидал этого, а если бы знал, никогда бы не присвоил Паулюсу звание фельдмаршала. Вот все, что он сказал по адресу Паулюса.

Я не заметил, чтобы Гитлер сожалел о своем упорстве или чувствовал угрызения совести. Он продолжал повторять те аргументы, которые он раньше выставлял в пропагандистских целях: 6-й армией необходимо было пожертвовать ради создания нового фронта. Плохая погода, говорил он, то есть обстоятельство, находившееся, так сказать, вне его власти, приостановила снабжение 6-й армии по воздуху. Он обладал изумительной памятью, если это было выгодно ему, но забыл, что я, основываясь на своем опыте зимних боев 1941—1942 гг., предупреждал его о вероятности плохой погоды. Гитлер не допускал и мысли, что во всем виновен он, неправильно оценивший обстановку. Послушать его, так он был неизменно прав. Если его планы проваливались, то только из-за непредвиденных обстоятельств или неспособности тех лиц, коим доверялось выполнение его приказов.

На него не произвели впечатления кровавые сталинградские события, неслыханные страдания сотен тысяч солдат и невзгоды, которые эта трагедия принесла их семьям. Все это его не трогало, и вскоре он с энтузиазмом принялся за разработку «новых планов на будущее». «Мы создадим новую 6-ю армию», — говорил он. Так он решил проблему, поставленную Сталинградом. Но нельзя воскресить 6-ю армию, присвоив новому объединению название «6-я армия». Она погибла в Сталинграде. Вместе с ней исчезло и доверие, которое немецкая армия еще питала к своему верховному главнокомандующему. Точнее, Гитлер убил это доверие своим упрямством.

В ноябре я говорил Гитлеру, что потерять под Сталинградом четверть миллиона солдат — значит подорвать основу всего Восточного фронта. Ход событий показал, что я был прав. Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны.

Германия пережила такую трагедию, что сознание моей правоты не могло утешить меня. В течение нескольких месяцев я пытался убедить Гитлера принять правильное решение. Но мои старания оказались тщетными. Приняв решение уйти с поста начальника генерального штаба сухопутных сил, я отправился к Гитлеру и попросил отстранить меня от этой должности. Гитлер был разъярен и резко ответил: «Генерал не имеет права оставлять свой пост».

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕШАЮЩИМИ СРАЖЕНИЯМИ

Генерал-лейтенант ЗИГФРИД ВЕСТФАЛЬ

Поражение под Сталинградом повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск. В современной войне ожесточенные бои не прекращаются ни днем ни ночью, и потому обычно не остается времени осмыслить происходящее. И все-таки уже тогда стали открыто выражать сомнения в способностях наших политических и военных руководителей.

Начавшийся так трагически 1943 год принес новые роковые неожиданности. Правда, несмотря на то, что, кроме 6-й немецкой армии, были разгромлены также итальянская, венгерская и румынская, немецкому командованию удалось стабилизировать фронт и предотвратить прорыв русских на стратегическую глубину. В результате блестящей операции, проведенной фельдмаршалом фон Манштейном, был даже вновь захвачен Харьков. Но брешь в рядах немецкой армии, появившаяся после гибели 20 лучших дивизий 6-й армии, так и не удалось закрыть, хотя вместо разгромленных в Сталинграде дивизий были сформированы новые.

Не успел Восточный фронт обрести некоторую стабильность, как события на юге стали приближаться к своей трагической развязке. В январе войска Роммеля вынуждены были оставить Триполи и отойти на «линию Марет», тянувшуюся вдоль границы между Ливией и Тунисом. Таким образом, Италия полностью лишилась того, чем она так гордилась, — своих африканских колоний. В феврале Роммель предпринял последнее наступление,

преследовавшее, однако, ограниченные цели. Он быстро пересек район южного Туниса и нанес удар по американским войскам, захватив их врасплох на марше. Роммелю удалось задержать их. Но затем под нажимом превосходящих сил 8-й английской армии ему пришлось оставить позиции на «линии Марет» и отойти на север. Соединившись в центральной части Туниса, армии Роммеля и Арнима образовали новую группу армий «Африка». Но Гитлер не хотел, чтобы вслед за Паулюсом попал в плен еще один немецкий фельдмаршал, и Роммель вскоре получил приказ сдать командование этой группой армий. В мае после ожесточенных боев объединенные англо-американские силы под командованием генерала Александера нанесли смертельный удар германо-итальянским армиям в Африке. В середине мая остатки войск стран оси капитулировали. Теперь союзники овладели всей Африкой, и Мальтийский и Тунисский проливы снова открылись для союзнических кораблей, курсирующих между Гибралтарским проливом и Суэцким каналом.

Новость о катастрофе в Тунисе, в результате которой попало в плен более 150 тысяч немецких и итальянских солдат и офицеров, итальянский народ воспринял, как гром среди ясного неба. Если раньше Италия испытывала только бомбардировки с воздуха, то теперь она была накануне превращения в арену военных действий. Правительство Муссолини зашаталось. В течение лета для поддержки итальянского союзника на Апеннинский полуостров прибыло семь немецких дивизий. Хотя итальянцы остро нуждались в военной помощи, Муссолини, руководствуясь лишь политическими соображениями, принял ее неохотно. А между тем на Восточном фронте сильно ощущалось отсутствие этих дивизий.

Приблизительно в это же время у англичан и американцев появились радарные установки, что в корне изменило обстановку на море, ранее складывавшуюся явно в нашу пользу. Угрожающе росли потери нашего подводного флота, и так же быстро сокращалось количество потопляемых нами кораблей противника.

Постоянно возрастала интенсивность налетов авиации союзников на промышленные центры и узлы коммуникаций, особенно на крупные города Германии. Число жертв среди гражданского населения все время возрастало. Во время массированного налета на Гамбург 26 июля 1943 г.

погибло 55 тысяч жителей города. Наша истребительная авиация и зенитная артиллерия сбивали большое количество вражеских бомбардировщиков, но все же были не в силах остановить их бесконечную лавину.

Главное командование сухопутных сил считало необходимым добиться передышки на Востоке, чтобы восстановить боеспособность изрядно потрепанных пехотных и танковых дивизий. Гитлер же полагал, что затишье — это потеря времени. После поражений под Сталинградом и Тунисом он жаждал побед. Поэтому он решил провести наступление на огромный «Курский выступ», глубина которого от Курска на запад составляла почти 100 километров. Намечалось группами армий «Центр» и «Юг» нанести концентрированный удар по сходящимся операционным направлениям и взять в клещи русские войска, находившиеся в выступе.

Операция «Цитадель» началась 5 июля 1943 г. наступлением группы армий «Центр» в районе Орла и группы армий «Юг» близ Белгорода. В наступление перешло в общей сложности 19 танковых и моторизованных, а также 16 пехотных дивизий. Северная ударная группировка скоро натолкнулась на глубокоэшелонированную оборону русских. Попытки пехотных и инженерных частей расчистить дорогу танками стоили больших потерь в живой силе и технике, но оказались безрезультатными. Группа армий «Юг» вначале добилась некоторого успеха, но в середине июля все-таки пришлось отказаться от дальнейшего проведения операции. Особенную тревогу вызвали потери танков в «белгородской мясорубке». Немецким бронетанковым войскам так никогда и не удалось оправиться от удара, полученного под Белгородом. Советский маршал Конев назвал эту битву «лебединой песней немецких танковых дивизий».

Приблизительно в это же время выяснились стратегические замыслы союзников на Средиземноморском театре военных действий. В ночь с 9 на 10 июля парашютисты союзников выбросились на Сицилии. Началось вторжение в Европу с юга. За воздушным десантом последовал морской, в котором участвовали приблизительно 2500 судов, включая различные военные корабли, десантные суда и морские транспорты. Итальянская 6-я армия не смогла противостоять удару англичан и американцев. Особенно чувствительны итальянцы оказались к бомбардировке

с воздуха и обстрелу корабельной артиллерии. Две же немецкие дивизии, находившиеся к началу вторжения на Сицилии, были не в состоянии уничтожить морской десант, тем более что одна из них дислоцировалась в западной части острова, где на первых порах операции не проводились. Позднее в район Катании через Мессинский пролив была переброшена третья немецкая дивизия, а по воздуху прибыла четвертая. Все эти четыре дивизии были сведены в один корпус, но слишком поздно, чтобы существенным образом повлиять на ход событий. После тяжелых боев в районе вулкана Этны они вернулись на материк. К 7 августа эвакуация в Италию людей, вооружения и снаряжения закончилась.

Это очередное доказательство неумения вести войну решило судьбу режима Муссолини. 25 июля на бурном заседании Большого фашистского совета Муссолини получил вотум недоверия. Его покинули даже ближайшие последователи. По приказу короля он был арестован. Мгновенно, как карточный домик, рассыпалась и фашистская партия. Маршал Бадольо, которого Муссолини в 1941 г. сделал козлом отпущения за неудачи в Албании и Африке, сформировал новое правительство. Гитлер догадался, что правительство Бадольо прежде всего постарается заключить мир, и принял чрезвычайные меры. 26 июля из Франции, Тироля и Каринтии в северную Италию двинулась новая немецкая группа армий, состоявшая из восьми дивизий. Ее командующим был назначен фельдмаршал Роммель. Задачей Роммеля было воспрепятствовать капитуляции страны. Таким образом, в Италии оказалось два главнокомандующих: на севере — Роммель и на юге — Кессельринг. Этому факту суждено было оказать воздействие на будущие операции в Италии.

Хотя итальянцы заявляли о своей решимости сражаться до победного конца, в течение всего августа между Италией и Германией сохранялись крайне напряженные отношения. Немцы и итальянцы следили друг за другом с оружием в руках и недоверием в сердце. Не успел итальянский министр военно-морского флота поклясться фельдмаршалу Кессельрингу в безусловной лояльности по отношению к Германии, как спустя несколько часов итальянское радио объявило о капитуляции, а итальянский флот направился к острову Мальта, чтобы сдаться англичанам. В это время 5-я американская армия

высадилась на побережье Салернского залива. Здесь она вступила в бой с немецкой танковой дивизией. Еще две немецкие дивизии находились в районе Рима, затем одна в области Апулия, а остальные, дислоцированные в южной Италии, срочно направлялись к месту сражения. Но их движение задерживали взорванные мосты и постоянная нехватка горючего, поэтому им не удалось повлиять на ход боевых действий в их начальной стадии. Следовательно, и эта высадка союзников прошла успешно. И все же Кессельринг мог вздохнуть с облегчением, так как, если бы союзники высадились в районе Рима, все немецкие войска в южной Италии оказались бы перед смертельной опасностью быть отрезанными. Дивизия в Апулии, получившая приказ задержать продвижение сильной группировки 8-й английской армии, высадившейся на побережье залива Таранто, выполнила свою задачу и благополучно соединилась с основными силами немецкой армии. В конце концов все обернулось не так плохо, как можно было ожидать. Нам даже удалось эвакуировать войска с островов Сардиния и Корсика.

Вначале Гитлер собирался как можно быстрее перебросить дивизии Кессельринга в Северные Апеннины и, объединив их с войсками Роммеля, создать там единую линию обороны под командованием последнего. Но когда катастрофы, которой так боялся Гитлер, удалось избежать, фюреру показалось пока более целесообразным закрепиться южнее Рима, в самом узком месте полуострова, где потребовалось бы меньше войск, чем севернее итальянской столицы. Поэтому он назначил Кессельринга командующим всеми нашими силами в Италии, а Роммеля отозвал и назначил на новую должность на Западном фронте.

Группа армий Кессельринга удерживала Италию в течение почти всей зимы. Однако 2 января 1944 г. наступил кризис. В этот день на рассвете южнее Рима, близ Анцио, высадились американские войска. Вторжение было совершенно неожиданным, ибо немецкая авиационная разведка уже много недель доносила об отсутствии оживленного движения в тылу союзных армий и в занятых ими портах. Планируя свою оборону, мы, правда, предусматривали такую высадку, да и передовые десантные части противника не воспользовались временной слабостью наших позиций в Анцио. Поэтому мы, отозвав некоторые части с

фронта, перебросили ряд дивизий из Франции, Германии и с Балканского полуострова. Эти дивизии прибыли как раз вовремя, чтобы блокировать американский плацдарм. Если бы американцы высадились в Ливорно, а не южнее Рима, немецкую линию обороны пришлось бы перенести севернее итальянской столицы.

В феврале немецкие соединения предприняли две попытки сбросить противника в море, но потерпели поражение, во-первых, потому, что почва бывших Понтийских болот не выдерживала тяжести танков, и, во-вторых, потому, что Гитлер лично вмешался в ход сражения, отдав приказ об одновременном вводе в бой всех дивизий. Во время первого наступления подразделения одной немецкой дивизии так близко подошли к побережью, что американский командующий уже решил было отдать приказ о посадке людей на корабли. Не подозревая об этом, немцы отступили. В марте по приказу Гитлера наши войска в этом районе окончательно перешли к обороне. Железнодорожная сеть Италии была сильно разрушена, и стало невозможно своевременно доставлять боеприпасы, чтобы продолжать наступление.

К концу лета 1943 г. Восточный фронт находился все еще в глубине России и приковывал к себе около 200 дивизий различных родов войск[1]. Линия фронта проходила от побережья Финского залива через окрестности Ленинграда к пункту южнее Орла, затем к Харькову и далее к восточному побережью Азовского моря. Около 4 миллионов немецких солдат противостояло 5,5 миллионам русских. Еще миллион с четвертью немцев сражались на других театрах военных действий, и прежде всего на Балканском полуострове, где усилившаяся партизанская война вынуждала держать большую оккупационную армию. Другие крупные контингенты немецких войск находились в Норвегии, Дании и на острове Крит.

В августе русские начали наступательные операции, в результате которых зимой 1943/44 г. они вновь овладели всей Украиной. Русские полностью оправились от поражения 1941 г. Так была упущена прекрасная возможность. Невероятное упрямство Гитлера, не соглашав-

---

[1] По трофейным документам, на 1 июля 1943 г. на советско-германском фронте находилось 232 дивизии, в том числе 36 дивизий стран — сателлитов Германии. (*Прим. ред.*)

шегося на временные потери ненужных территорий, облегчало крупные победы русских, а иногда даже являлось их причиной. Получая приказ оборонять не представляющие никакой ценности участки, войска несли тяжелые потери. Дивизии постоянно нуждались в пополнениях и, без отдыха сражаясь против, как правило, значительно превосходящих сил противника, постепенно теряли боеспособность. Без всякой цели их бросали в самое пекло. Вынужденная бороться за каждый клочок русской земли против войск, превосходство которых в технической оснащенности росло, немецкая армия неудержимо катилась назад. К февралю 1944 г. нам пришлось расстаться с такими важными источниками сырья, как Донецкий бассейн и черноземные районы Украины. Теперь линия фронта проходила от Ленинграда к пункту западнее Смоленска, по западной части Пинских болот, по Днепру и далее южнее Киева, к Одессе. Итак, немецкая армия опять оказалась на старой русско-польской границе в опасной близости от Карпатских гор. За зимнюю кампанию мы лишились многих наших лучших солдат. Но этими невосполнимыми потерями, которые мы понесли в бесчисленных котлах, создававшихся русскими, не закончились наши беды. Весной 1944 г. была отрезана 17-я армия, не успевшая эвакуироваться из Крыма. Солдаты не без основания считали, что судьба Германии решается на Украине.

При такой неблагоприятной для нас обстановке на Восточном фронте американцы и англичане 11 мая 1944 г. перешли в широкое, давно уже ожидавшееся нами наступление против немецкой группы армий в Италии. Несмотря на боевую отвагу и готовность к самопожертвованию, группа армий Кессельринга не надеялась даже на короткий срок удержать свои позиции в горах южнее Рима и вокруг плацдарма Анцио. Стремясь сохранить памятники древней цивилизации, Кессельринг приказал оставить Рим без боя, и 6 июня американцы вступили в Вечный город. Промешкав с организацией отступления, немецкие дивизии оказались в очень опасном положении. Только неуверенные действия союзников позволили немцам оторваться от противника. В тот самый день, когда американцы вступили в Рим, Эйзенхауэр издал приказ, ознаменовавший начало самой крупной операции западных союзников в войне против Германии — вторжения во Францию. Оно описано в следующей главе.

ФРАНЦИЯ, 1944 ГОД

Генерал-лейтенант БОДО ЦИММЕРМАН

Общая обстановка перед вторжением союзников во Францию

Я отчетливо помню мартовское утро 1943 г. Штаб главнокомандующего войсками Западного фронта фельдмаршала Рундштедта находился тогда в парижском предместье Сен-Жермене. Я был начальником оперативного отдела штаба.

Был чудесный весенний день. Когда я вошел в кабинет Рундштедта, он выглядел элегантным и моложавым, как обычно. При любых обстоятельствах фельдмаршал был одет как с иголочки. Но в то утро, судя по его поведению, он был в подавленном состоянии. По первым же словам Рундштедта я понял в чем дело. «Сталинград пал,— сказал он.— Что теперь будет?» Как и его предшественник на посту главнокомандующего войсками Западного фронта фельдмаршал фон Витцлебен, Рундштедт всегда был уверен, что война с англичанами и американцами во Франции может быть проиграна и, вероятно, уже проигрывается на Восточном фронте, еще до высадки англо-саксонских армий на континент. Огромный пожар, пылавший на другом конце Европы, уничтожал людей, орудия и танки, которые потребовались бы, чтобы отразить возможное вторжение. Это было очевидно и в 1941 г., а тем более в 1943 г., когда английские и американские военно-воздушные силы добились преимущества над 3-й воздушной армией Шперрле. Доля вины за это ложится на Геринга с его ленью и бестолковостью.

Тяжелые бои в Африке, а позднее на Сицилии и в Италии — вторая важная причина оскудения ресурсов Германии, которые сокращались к тому же мощным воздушным наступлением противника.

Так складывалась общая обстановка, когда Рундштедт, предвидя вторжение союзников, пытался организовать оборону Франции, Бельгии и Голландии.

Западный фронт выгнулся огромной дугой, причем большая часть немецких войск находилась на побережье или поблизости от него. Дуга протянулась от Голландии по берегу Ла-Манша и Бискайского залива к Пиренейскому полуострову, затем вдоль побережья Средиземного моря до Тулона. Оборонительные позиции от Тулона до итальянской границы занимали части 4-й итальянской армии, которая тоже подчинялась Рундштедту. Много немецких войск располагалось в основном в так называемых «крепостях», то есть на ближайших к противнику островах и укрепленных базах. Только на островах пролива Ла-Манш находились одна пехотная дивизия, одна зенитно-артиллерийская бригада, множество тяжелых батарей береговой артиллерии, инженерные и строительные подразделения из организации Тодта — всего 30—40 тысяч человек. Снабжение такого значительного количества войск, сосредоточенных в дальних гарнизонах, становилось очень затруднительным, и по личному приказу Гитлера там были созданы годовые запасы. Рундштедт не мог и думать об эвакуации войск из этого или любого другого района гигантского Западного фронта.

Протяженность линии фронта по прямой составляла тысячу километров, а с учетом изгибов побережья и островов гораздо больше. Конечно, удержать ее наличными войсками не представлялось возможным. Чтобы воспрепятствовать крупному вторжению на каком-либо участке, на Западе в 1943 г. явно не хватало дивизий.

Кроме войск, рассредоточенных вдоль побережья, в тыловых районах дислоцировались части, укомплектованные солдатами старших возрастов и подчинявшиеся командованию оккупационных войск на территории Франции и Бельгии. Эти части нельзя было рассматривать как резерв. В то время нечего было и думать о подвижных, мощных и гибких резервах. Едва только они начинали создаваться, части из их состава отправлялись на поля сражения в Россию или Италию, чаще всего в Россию,

Можно сказать без преувеличения, что Восточный фронт настойчиво выкачивал из немецких армий, находившихся на Западе, всю боеспособную живую силу и боевую технику.

Вследствие этого тактические и организационные мероприятия на Западе сводились к затыканию дыр. Командиры, войска и боевая техника, откровенно говоря, стали второразрядными. С 1943 г. основу немецких войск Западного фронта составляли старики, оснащенные устаревшим вооружением. Ни личный состав, ни вооружение не отвечали требованиям предстоявших тяжелых сражений.

Миф об «Атлантическом вале»

Чтобы скрыть действительную слабость немецкой оборонительной системы на Западе, Гитлер приказал в течение 1942 г. завершить строительство укреплений на побережье Ла-Манша. Там возникли гигантские железобетонные сооружения, однако повсюду закончить их не удалось, не говоря уже об оснащении этого «Атлантического вала» вооружением. Французская часть побережья Средиземного моря, которую немцы оккупировали только в ноябре 1942 г., совсем не была укреплена. Бóльшая часть предметов вооружения для «Атлантического вала», в том числе мины и даже колючая проволока, была снята со старой «линии Зигфрида», проходившей по франко-германской границе.

Для отдыха и доукомплектования обескровленных и зачастую совершенно разбитых дивизий главный штаб вооруженных сил (ОКВ) обычно практиковал переброску их с Восточного фронта на Западный. Получив пополнения и новое вооружение и снаряжение, они возвращались в Россию. Поэтому наши боевые расписания не отражали действительного положения вещей. Обычно в них перечислялись дивизии, фактически оставшиеся без личного состава и вооружения. А перекачка боевых частей продолжалась. Так, в начале 1943 г. по приказу ОКВ 20 лучших батальонов со всем своим вооружением были отправлены на Восточный фронт.

Зимой 1943 г. Рундштедт попытался доложить Гитлеру о действительном положении, сложившемся тогда на Западе, но только потерял время. Беседа в Оберзальцберге, продолжавшаяся 3 часа, на две трети состояла из

речи Гитлера, высказывавшего свои взгляды на положение на Восточном фронте, и на одну треть из чаепития, когда официальные разговоры запрещались. Легко себе представить, что Рундштедт едва усидел в кресле от поднимавшегося в нем бешенства. Потом ему осталось только пробормотать несколько язвительных замечаний в адрес своего верховного главнокомандующего и приказать, чтобы для ОКВ составили подробный отчет о состоянии обороны побережья.

В течение этого года частота и эффективность налетов английской и американской авиации на Францию возросла. Бомбы обрушивались на немецкие административные учреждения, промышленные объекты и железнодорожные сооружения. Все труднее и труднее становилось строить оборонительные сооружения вдоль Ла-Манша. Трудности усугублялись обычной управленческой неразберихой, в результате которой тысячи рабочих были переведены со строительства оборонительных рубежей на сооружение площадок для запуска секретных самолетов-снарядов. Рундштедту даже не сообщили об этом. Вообразите себе его гнев, когда он узнал, что у него тайком выкрали рабочих.

Между тем в конце лета 1943 г. вышла так называемая «директива фюрера № 51». В ней говорилось, что Западный театр военных действий станет решающим оборонительным районом. Ла-Манш теперь становился главным немецким оборонительным рубежом. Чтобы выполнить эту директиву, Рундштедт должен был получить большое количество нового тяжелого вооружения, боеприпасов и различных предметов снабжения. Обоснованной стратегической директивы Гитлеру было мало. Он дополнил ее оперативными инструкциями для главнокомандующего войсками Западного фронта. «Директива фюрера № 51» обязывала не дать противнику возможности зацепиться за побережье, а немедленно сбросить в море высадившиеся войска. Побережье следовало удерживать при всех обстоятельствах — отступление запрещалось.

Осенью Рундштедт представил в ОКВ тот подробный отчет, который он приказал составить в начале года после бесполезной беседы с Гитлером. На ОКВ отчет произвел впечатление внезапно разорвавшейся бомбы.

В отчете говорилось, что на Западном театре военных

действий большинство немецких солдат слишком стары. Зачастую на службе находились офицеры с искусственными конечностями. Один батальон был сформирован из людей, страдавших болезнями уха. Позднее целая 70-я дивизия была укомплектована солдатами, имевшими желудочные заболевания и нуждавшимися в специальной диете. Кстати, эта дивизия отважно сражалась на острове Валхерен. Ощущался острый недостаток в тяжелых видах вооружения, особенно в танках, а следовавшие одно за другим поражения на Восточном фронте безнадежно задерживали поступление обещанных «директивой фюрера № 51» пополнений. Пригодными для использования в боевых действиях теоретически можно было считать только несколько воздушнодесантных и танковых дивизий, которые и представляли собой светлые пятна на общем удручающем фоне.

Мало того, на Западе не было и стратегических резервов, хотя предусматривалось, что как только начнется вторжение, такие резервы следует быстро и эффективно использовать на главном направлении. Слабые военно-воздушные силы были не в состоянии сковать деятельность англо-американской авиации. Наш военно-морской флот был представлен здесь всего лишь несколькими моторными баркасами и торпедными катерами. Подводные лодки не могли действовать в мелководном проливе Ла-Манш.

Доклад произвел на Гитлера огромное впечатление, и нам опять пообещали подкрепления. Но обещания остались обещаниями, а подкрепления прибывали в ограниченном количестве или совсем не прибывали, ибо поражение на Востоке настоятельно требовало переброски их туда. Что касается военно-воздушных сил, то Гитлер намеревался перебросить во Францию мощные группы бомбардировщиков и истребителей сразу после того, как начнется вторжение. Даже Гитлер должен был понять, что тогда это будет слишком поздно. Вероятно, он понимал это и подобные «приказы» писал по привычке, для собственного успокоения.

В такой обстановке прошел во Франции 1943 г. А на другой стороне Ла-Манша английские и американские войска накапливались для гигантской операции, которая должна была решить исход войны и начало которой Рунд-

штедт ожидал весной 1944 г.[1] Главнокомандующий войсками Западного фронта не обольщал себя никакими надеждами ни относительно мощи предстоящего удара, ни относительно его технического обеспечения. Высадки союзников на Сицилии и в Салерно показали, как мало пользы принесла отвага и самоотверженность войск Кессельринга в борьбе с противником, обладавшим превосходством в корабельной артиллерии и авиации. И мы имели все основания полагать, что события прошлого окажутся ничтожными по сравнению с тем, что нас ожидало.

Рундштедт в Сен-Жермене

Я припоминаю два характерных случая, происшедших с главнокомандующим войсками Западного фронта в течение этих месяцев ожидания.

Воздушные налеты союзников так участились, что мы стали беспокоиться о безопасности фельдмаршала, хотя сам он не обращал никакого внимания на воздушные тревоги. Когда его не было в штабе, в саду около его дома в Сен-Жермене быстро построили и тщательно замаскировали бомбоубежище. Но увидев его, фельдмаршал категорически заявил, что «и ноги его не будет в этом сооружении». Однажды ночью бомбардировщики союзников сбросили над Сен-Жерменом осветительные ракеты, за которыми следовало ожидать лавину бомб. Поэтому я приказал сыну Рундштедта, выполнявшему обязанности адъютанта при своем отце, увести фельдмаршала в убежище. Молодому Рундштедту только с большим трудом удалось выполнить мой приказ. Бомбардировщики атаковали, однако, соседний пригородный район. Поглощенный телефонными разговорами, я совсем забыл о главнокомандующем. Примерно через час у меня раздался телефонный звонок. Звонил фельдмаршал. Со своей обычной вежливостью он спросил меня: «Циммерман, теперь мне можно выйти?»

Другую историю о налете, улыбаясь, рассказывал он сам в нашей офицерской столовой.

---

[1] Здесь, как и в других местах, преувеличивается значение высадки и боевых действий англо-американских войск в Северной Франции. Слов нет, организация крупного десанта была проведена успешно. Однако центр военных событий по-прежнему находился на советско-германском фронте, где решалась судьба фашистской Германии. (*Прим. ред.*)

У Рундштедта была привычка каждый день в одиночестве прогуливаться по улицам Сен-Жермена. Однажды во время его прогулки заревела сирена воздушной тревоги. Фельдмаршал, как обычно, не обратил на нее внимания. Так же безразлично отнеслась к ней и пожилая француженка, проходившая мимо с корзинкой для покупок. «Мадам, — обратился к ней Рундштедт, — разве вы не боитесь бомб?» Старая женщина ответила: «А чего мне бояться? Они не будут бомбить Сен-Жермен. Тут никогда ничего не происходило, наш городок не имеет никакого военного значения».

Роммель

В конце 1943 г. Гитлер поручил Роммелю проинспектировать всю береговую оборону на Западе от Дании до испанской границы. У Роммеля не было войск — остался лишь прекрасно знающий свое дело штаб. ОКВ надеялся, что инициатива, опыт и отличные технические знания Роммеля принесут большую пользу. Кроме того, ожидали, что его присутствие на Западе может оказаться полезным с пропагандистской точки зрения.

Я вспоминаю первое совещание Роммеля и Рундштедта в Париже перед самым рождеством. Коротко и скептически главнокомандующий обрисовал обстановку, упомянув о плохой подготовке войск, опасной слабости военно-воздушных сил и почти полном отсутствии кораблей. Особо он подчеркнул самую уязвимую сторону нашей обороны — отсутствие у него достаточно сильных резервов. Свою речь он закончил следующими словами: «Да, во всем этом я не вижу ничего отрадного».

Потом оба фельдмаршала вместе позавтракали. За столом присутствовало несколько старших штабных офицеров, в том числе и я. Мы ждали, кто же из них начнет разговор, но оба фельдмаршала молчали. Очевидно, после беседы их одолевали самые неутешительные мысли. Эта странная трапеза прошла при гробовом молчании, и о ней долго не забудет никто из присутствовавших.

Зимой 1943 г. в ОКВ было принято решение послать Роммеля на Западный фронт. Сначала Гитлер намеревался поставить Роммеля во главе крупной подвижной группировки, которой надлежало контратаковать и уничтожить силы вторжения в самом начале операции. Но для создания такой группировки не было войск, поэтому

Роммель с согласия Рундштедта был назначен командующим группой армий «Б». Ему подчинялись дивизии, находившиеся в Голландии, 15-я армия, стоявшая вдоль Ла-Манша, и 7-я армия в Нормандии и Бретани. Еще во время инспекционной поездки Роммель понял, что только район пролива Ла-Манш до некоторой степени укреплен. Теперь фельдмаршал занимал положение, которое позволяло ему делать большее, чем просто давать рекомендации. И он принялся за работу с присущей ему неиссякаемой энергией.

Весной усиленно укреплялись оборонительные сооружения. По идее Роммеля создавалась так называемая «спаржа Роммеля». В районах, считавшихся удобными для посадки планеров, вкапывали столбы, а в прибрежных водах устанавливали подводные препятствия и мины. Об этих лихорадочных приготовлениях, конечно, узнала воздушная разведка союзников. Установка подводных препятствий заставила их изменить свои планы так, чтобы высадка началась во время отлива, а не прилива. Появилась надежда, что союзники встревожатся и отложат высадку хотя бы на несколько месяцев. Роммель и Рундштедт теперь стремились к одному — выиграть время. С этой целью они пытались ввести союзников в заблуждение, организуя по всей Франции ложные штабы танковых дивизий и корпусов. Однако такие штабы, естественно, не могли долго обманывать противника. Во Франции находилось слишком много французских и английских агентов, чтобы трюк остался нераскрытым более одного—двух месяцев.

И все-таки энергия и настойчивость Роммеля воодушевили войска. Хотя он задал людям столько работы, что к началу мая в войсках стали появляться признаки усталости, их боевой дух определенно повысился.

Оборона нормандского побережья

Участок побережья Ла-Манша между устьями рек Сена и Шельда считался наиболее вероятным местом высадки, так как он ближе всего к Англии. Такое предположение подкрепляла и «директива фюрера № 51». Поэтому данному участку отдавалось предпочтение при распределении войск и строительстве оборонительных сооружений. Если здесь оборону усиливали, то обороне Нормандии уделяли все меньше и меньше внимания, что

отметила и инспекционная комиссия ОКВ, посетившая Западный фронт в январе 1944 г.

На нормандском побережье не хватало войск, и дивизии получили слишком широкие полосы обороны. Основная вина за это ложится на военно-морские силы. Морская разведка доложила, что побережье между устьем р. Сена и полуостровом Котантен неудобно для высадки крупного десанта. Западная часть полуострова Котантен совершенно непригодна для вторжения, а восточная его часть, как считали, была надежно прикрыта крепостью Шербур. Давние расчеты на Шербур при реальной высадке оказались необоснованными, а его способность контролировать территорию явно была переоценена. Внешний обвод крепости протянулся на добрых 30 километров, и, когда пришлось удерживать его, оказалось, что гарнизон крепости сделать это не в состоянии.

В апреле 1944 г. стали поступать сведения, что высадка союзников произойдет, возможно, в Нормандии. Однако эти данные показались неубедительными, и участок обороны на побережье Ла-Манша по-прежнему считался главным направлением. Перебрасывать войска отсюда в Нормандию запрещалось. Правда, Гитлер, опасавшийся за Нормандию, приказал разместить 91-ю посадочно-десантную дивизию и парашютный полк в районе, наиболее удобном для приземления парашютистов и планерных войск. Впрочем, эти дивизия и полк использовались как обычные пехотные формирования.

Воздушная обстановка на Западном фронте

Возрастающая мощь дневных и ночных воздушных налетов показала, что военно-воздушные силы приобретают все большее значение. Главными объектами бомбардировок были железные дороги Франции и Бельгии, а также сооружения самих ВВС. Передвижение войск по железным дорогам все более осложнялось, и, наконец, подкрепления на побережье пришлось отправлять почти исключительно по шоссейным дорогам. Впрочем, движение по шоссейным дорогам тоже затруднялось и крайне замедлялось в связи с методическим уничтожением мостов через Сену и Луару. Тем временем аэродромы наших ВВС были перемещены с побережья в район Парижа. Налеты противника происходили на такой обширной территории, что изучение районов, подвергшихся нападению, или ни-

чего не давало, или давало очень немного для определения пунктов возможной высадки.

Редкие разведывательные полеты над южной и юго-восточной Англией почти ничего не давали нам. Немецкое командование не имело ни малейшего представления, в каком районе между Ла-Маншем и Нормандией следует ожидать наступления. Не имея точных данных, мы должны были готовиться к отражению десанта в любом пункте побережья, растянувшегося на много сот километров. Противник же мог наступать где угодно на сравнительно узком участке фронта, сосредоточив там наиболее подготовленные и прекрасно снаряженные войска, а также мощную военную технику. Понимая это, немецкое командование не раз объявляло тревогу, особенно в те ночи, когда погода благоприятствовала десантным операциям.

Стратегия Гитлера в Западной Европе

С 1942 г. стратегия Гитлера в Западной Европе целиком основывалась на твердой уверенности, что бои на Восточном фронте протянутся еще долго и что результаты их все сильнее будут сказываться на Западе. В то время в наших руках еще была значительная русская территория и независимо от неблагоприятного развития событий до непосредственной угрозы собственно Германии было еще далеко.

На Западе же успешное массовое вторжение противника очень скоро могло привести к потере Рура, так как расстояние от Ла-Манша до этого важного промышленного района слишком невелико. Следовательно, территориальные потери на Западе таили в себе бóльшую опасность, чем на Востоке, поэтому Гитлер считал, что противника нужно разбить и сбросить обратно в море еще при его высадке. Отсюда — строительство «Атлантического вала». В 1944 г. из-за тяжелых потерь в России немецкое командование не имело на Западе достаточного количества подвижных соединений для ведения маневренной войны, поэтому пришлось принять план Гитлера о переходе к жесткой позиционной обороне. Это роковое решение, если вообще можно назвать такой подход к проблеме решением, сделало наше поражение на Западе неотвратимым.

Сведения о противнике

К весне 1944 г. мы узнали, что на Британских островах сосредоточено около 75 дивизий союзников. По нашим подсчетам, к вторжению было готово 65 дивизий, включая шесть воздушнодесантных. Предполагалось, что 20—25 из них — американские, а 40—45 — английские.

В апреле 1944 г. на побережье Англии усилились учения союзников по высадке морского десанта, проводимые с участием воздушнодесантных войск. В марте в Англию из района Средиземного моря стали перебрасываться первоклассные соединения, в том числе 1-я и 9-я американские пехотные дивизии, 51-я шотландская, 1-я воздушнодесантная, 1-я и 7-я танковые дивизии англичан, а также особая американская инженерно-штурмовая бригада.

Было подсчитано, что кораблей, находившихся в английских гаванях, достаточно для перевозки через пролив за один рейс около 20 дивизий.

Кроме того, имелись сведения, что в США находится еще 45 готовых к боевым действиям дивизий. Сразу же после захвата плацдарма они могли погрузиться на корабли и прибыть прямо в район вторжения.

Авиация противника была сильнее нашей, как мы полагали, раз в 50. А военно-морской флот Германии практически уже не существовал. Этим огромным силам противника, имевшим возможность нанести удар в любом пункте французского побережья, Рундштедт мог противопоставить малочисленные сухопутные войска, лишенные поддержки с воздуха.

Группировка немецких войск в Нормандии на 5 июля 1944 года

Наиболее опасный участок побережья Нормандии обороняли три дивизии, располагавшиеся с запада на восток в следующем порядке: 716-я, 352-я и 709-я дивизии. Они обороняли побережье протяженностью свыше 40 километров. 709-я дивизия отвечала также за оборону Шербура. В северо-западной части Нормандии находился один полк 243-й пехотной дивизии, а у основания полуострова Котантен, на случай выброски воздушного десанта, — остальные два полка этой дивизии вместе с 91-й воздушнодесантной дивизией. Западное побережье

полуострова, отличавшееся неудобной береговой линией и очень высокими приливами, считалось безопасным и оборонялось 30-й подвижной бригадой, которая состояла главным образом из самокатчиков. По просьбе главнокомандующего войсками Западного фронта командующий оккупационными войсками во Франции отправил в Нормандию 1057-й гарнизонный полк. Эта часть была плохо снаряжена и имела мало тяжелого вооружения.

Единственным оперативным резервом у командующего группой армий «Б» Роммеля была 21-я танковая дивизия, дислоцированная на восточном берегу р. Орн. Основные силы дивизии сосредоточились в районе г. Кан, хотя в целях безопасности несколько подразделений моторизованной пехоты выдвинулось ближе к побережью.

Погода, приливы и отливы

Само собой разумеется, что как нас, так и военно-морские силы постоянно интересовало состояние погоды на побережье, а также уровень приливов и отливов. Если на рассвете в каком-либо пункте побережья погода казалась благоприятной для высадки десанта, то в располагавшихся там частях объявлялась тревога. Число таких утренних тревог, проведенных на различных участках фронта, вскоре достигло астрономической цифры. Личный состав, занятый учениями и строительством оборонительных сооружений, страдал от чрезмерного напряжения.

В ночь с 4 на 5 июня погода, на наш взгляд, не благоприятствовала высадке десанта. Это мнение разделяли эксперты военно-морского флота. Поэтому командующий 7-й армией генерал-полковник Дольман, умерший во время боев в Нормандии от разрыва сердца, разрешил временно отменить положение боевой готовности и на 5 июня вызвал своих старших офицеров в Ренн для штабных учений.

5 июня сила ветра над восточной Нормандией составляла пять баллов при направлении ост-зюйд-ост. Волнение на море достигало четырех — пяти баллов. Немецкие суда, которые попытались выйти в море для установки минных заграждений, вернулись обратно в гавань, так как штормовая волна грозила опрокинуть тяжело груженные корабли. Приближалось полнолуние, и ночь была светлая.

Хотя отлив в восточной части Нормандии приходился на 5—6 часов утра 6 июня, скорой высадки морского десанта на этом участке побережья не ожидалось.

Начало вторжения

Около четверти десятого, когда я ужинал в нашей офицерской столовой в Сен-Жермене, за мной прибежал начальник разведки. Он был чрезвычайно взволнован: его подчиненные только что расшифровали английскую радиограмму. Обычно союзники связывались со своими многочисленными агентами во Франции по радио, и нередко нашим специалистам удавалось расшифровывать эти, на первый взгляд безобидные, передачи.

На этот раз радиограмма была необычной. В ней предлагалось мобилизовать все французское Движение сопротивления к предстоящей ночи. Вывод мог быть только один: скоро начнется вторжение.

Само собой разумеется, мы отдали необходимые распоряжения, которые тотчас же вступили в силу. О случившемся сообщили Рундштедту и его начальнику штаба, а также в штаб Роммеля. Самого Роммеля ожидали не раньше следующего полудня, так как он возвращался из Оберзальцберга, где имел встречу с Гитлером. Был разослан приказ об общей боевой готовности, но со многими старшими офицерами связаться не удалось, так как они находились на обратном пути из Ренна в свои части. О расшифрованной радиограмме и принятых в связи с этим мерах донесли в ОКВ.

Все это было сделано довольно быстро. А потом на некоторый срок развитие событий приостановилось. Минула полночь, пробил час, но в Сен-Жермен никаких новых сведений не поступало. Около 2 часов, когда мы уже были склонны считать, что очередная тревога оказалась ложной, вдруг раздался телефонный звонок из штаба группы армий «Б». Нам сообщили о выброске вскоре после полуночи парашютного десанта в Нормандии.

Парашютистов поддерживали планерные части. Вскоре выяснилось, что крупные десанты были выброшены в трех местах: два — на полуострове Котантен, северо-западнее и западнее г. Карантан, а третий — восточнее р. Орн. Штаб группы армий «Б» доносил о принятых им контрмерах и о начале тяжелых боев. Ничего не подозревавший командир нашей 91-й посадочно-десантной

дивизии на пути из Ренна попал в один из районов выброски и тотчас же был убит, но об этом в группе армий «Б» еще не знали. В течение ночи удалось установить наименования передовых соединений противника: 82-я и 101-я американские и 6-я английская воздушнодесантные дивизии.

Ответные действия Рундштедта

На данном этапе было совершенно невозможно определить, намерены ли союзники нанести удар где-нибудь еще, но стало ясно, что они должны немедленно поддержать воздушнодесантные дивизии морским десантом, — иначе их лучшим парашютным и планерным войскам грозила неминуемая гибель.

Итак, на рассвете нам следовало ожидать высадки морского десанта. Судя по районам выброски воздушных десантов, морской десант должен был высадиться, вероятно, между рекой Орн и городом Сен-Вас-ла-Хуг.

Пока нам было неясно, наносили ли воздушнодесантные дивизии главный удар или же их действия только предшествовали более сильному удару морского десанта, которому еще предстояло высадиться. Рундштедт придерживался мнения, что если союзникам удастся захватить плацдарм, то они, безусловно, используют его в качестве исходного района для нанесения главного удара. Поэтому было очень важно как можно скорее разгромить вторгшиеся войска.

На Западе находились две танковые дивизии, подчинявшиеся не главнокомандующему войсками Западного фронта, а непосредственно ОКВ, резервом которого они и являлись. На западе Франции стояла 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд», а юго-западнее Парижа — грозная учебная танковая дивизия [1]. Не дожидаясь согласия ОКВ, Рундштедт приказал этим дивизиям отправиться в распоряжение командующего группой армий «Б». Кроме того, для руководства танковым сражением, в результате которого предполагалось сбросить в море английские и американские войска вскоре после их высадки,

---

[1] В немецко-фашистской армии в период второй мировой войны были созданы учебные танковые и полевые дивизии, в которых проходило формирование и обучение поступавшего на фронт пополнения. (*Прим. ред.*)

он сформировал штаб танковой группы «Запад» во главе с генералом фон Швеппенбургом.

На деле объединить все наши танковые части в единый бронированный кулак так и не удалось. Дивизии задержались в пути главным образом из-за бомбардировок, а когда они, наконец, прибыли на поле битвы, их пришлось посылать в бой мелкими подразделениями. Провал плана Рундштедта в значительной степени определило вмешательство ОКВ.

Первые часы боев

В шестом часу утра 6 июня Рундштедт получил два важных сообщения. Первое поступило из штаба группы армий «Б». В нем говорилось, что под прикрытием авиации и при мощной артиллерийской поддержке союзники высаживаются между устьями рек Орн и Вир и дальше к северу, у основания полуострова Котантен. Второе пришло из ОКВ. В крепких выражениях Рундштедта отчитывали за его приказ двум танковым дивизиям, которые нельзя было трогать без предварительного согласия ОКВ. «Пока трудно с уверенностью сказать, где высадятся главные силы, и, кроме того, Гитлер еще не принял никакого решения». Несмотря на уверения Рундштедта, что высадка идет полным ходом, ОКВ оставался непреклонным. Переброска двух танковых дивизий была приостановлена.

Все утро и первую половину дня я, начальник штаба генерал Блюментрит и сам Рундштедт много раз звонили в ОКВ, чтобы узнать, как Гитлер решил поступить с двумя этими дивизиями. Очевидно, он спал и никто не посмел разбудить его. И лишь на своем обычном совещании между тремя и четырьмя часами дня Гитлер решил ввести дивизии в бой. Они немедленно возобновили движение.

Но удобный момент был уже потерян. До 11 часов утра над Нормандией стоял легкий туман. Он мог бы до некоторой степени обезопасить танковые дивизии от воздушных налетов и обеспечить им быстрое передвижение. А теперь туман рассеялся, и весь район, через который дивизиям предстояло совершить марш, усиленно патрулировался авиацией противника. Из-за этой воздушной завесы, накрывшей огромный район от Нормандии до Парижа, движение по дорогам было немыслимо.

К полудню 6 июня стало ясно, что противник, использовав свое преимущество в технике, сумел высадить небольшое количество войск севернее г. Кан, в районе г. Байе и, по-видимому, неподалеку от эстуария р. Вир. Наши подводные препятствия заставили противника производить десантирование во время отлива. Атаки предпринимались и дальше на север, в районе Сент-Мэр-Эглиза, но прочно закрепиться там войскам противника еще не удалось.

Борьба с воздушным десантом, высадившимся на полуострове Котантен, казалось, протекала в нашу пользу: особенно сильные удары части нашего резерва наносили по 82-й американской воздушнодесантной дивизии, оказавшейся в довольно затруднительном положении. Большие потери с обеих сторон свидетельствовали о горячих схватках. Позднее обнаружилось, что сильный ветер отнес многих парашютистов 82-й воздушнодесантной дивизии дальше в глубь полуострова, чем намечалось, и они оказались отрезанными от своих главных сил, приземлившихся на восточном побережье.

В районе восточнее р. Орн, где десантировалась 6-я английская воздушнодесантная дивизия, было сравнительно тихо, и подвижному резерву Роммеля — 21-й танковой дивизии — следовало бы немедленно атаковать англичан. Но она ждала приказа. В конце концов утром дивизия сдвинулась с места. Однако командующий 7-й армией решил тогда использовать дивизию для ликвидации плацдарма противника севернее г. Кан и для деблокирования наших укрепленных опорных пунктов в этом районе, а не для наступательных действий против 6-й английской воздушнодесантной дивизии. Началось форсирование р. Орн, связанное, конечно, с потерей времени. К концу дня 21-я танковая дивизия повела наступление на плацдарм, и ее передовой отряд вышел к морю. Несколько наших опорных пунктов было деблокировано. Но неожиданно свежие английские воздушнодесантные части приземлились в ближайшем тылу 21-й дивизии, которая вынуждена была переменить фронт и отступить. Не следует осуждать за это командира дивизии, ибо он находился непосредственно на поле боя и ему не оставалось ничего иного, как действовать на свой страх и риск.

Первый день вторжения закончился так. Противник захватил плацдармы, на которые непрерывным потоком

устремились подкрепления. Фактически наша береговая оборона была взломана. Армада кораблей стояла в море, и бесконечная вереница быстроходных десантных судов доставляла оттуда на берег людей, танки, орудия и боеприпасы. Артиллерийский обстрел и воздушные бомбардировки прижали наших людей к земле, и они с трудом разбирались в происходящем.

Исход сражения против двух американских воздушно-десантных дивизий пока не определился. Ведя тяжелые бои, эти дивизии продвигались к северу от р. Вир в тыл немецких частей, занимавших оборону вдоль берега. Если бы американцам удалось пробиться к побережью, то операция в этом районе тоже увенчалась бы успехом и они смогли бы получить подкрепление.

Вторжение произошло

ОКВ несколько раз настоятельно требовал сбросить армии вторжения обратно в море, но умалчивал о том, кому следовало заняться этим делом. Огонь корабельной артиллерии противника сметал все, а дальность ее действия оказалась намного выше ожидаемой. Господство союзников в воздухе срывало передвижение по дорогам, и через несколько дней на наших путях подвоза к Нормандии и внутри нее возник хаос. Вскоре стало очень трудно снабжать наши войска, завязавшие тяжелые бои. Интенсивные налеты на мосты через нижнюю Сену и на железнодорожную сеть вокруг Парижа делали невозможным снабжение и перемещения войск через столицу и сильно затрудняли переброску их через реку.

В течение нескольких следующих дней союзники в упорных боях шаг за шагом расширяли свои плацдармы. Плацдармы между реками Орн и Вир соединились, и теперь все побережье в этом районе находилось в руках противника. Американцам в районе Карантана и на северо-западе тоже сопутствовал успех. К тому времени мы установили наименования двух групп армий противника, участвовавших в битве, — на восточном фланге действовала 21-я английская, а на западном — 12-я американская. Контратаки танков, на которых так настаивал ОКВ, ни к чему не приводили. Они или захлебывались в самом начале или вообще не начинались, так как предназначенные для контратаки силы то и дело приходилось направлять в другие места для решения более важных задач.

В такой обстановке прошло три — четыре дня. Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что крупная высадка, которая должна была решить исход войны, удалась. У нас был единственный выход — попытаться блокировать войска союзников внутри Нормандии и таким образом не допустить их прорыва в центр Франции, где они смогли бы действовать на обширной территории. Главной целью наступления противника был, конечно, Париж, ибо, как доказала история, кто владеет Парижем, тот владеет всей Францией.

В этой статье невозможно детально описать весь ход боев за Нормандию. Достаточно сказать, что скоро нам стал ясен оперативный план противника. Он заключался в следующем: начав наступление из района Карантана, отрезать полуостров Котантен и овладеть крепостью Шербур.

Так как успех этой операции становился все более очевидным, Рундштедт и Роммель пришли к заключению, что пора самому Гитлеру решать, как поступать дальше и как вести битву на Западе, то есть в чем должен заключаться наш оперативный план. Фельдмаршалы понимали, что изменить сложившуюся обстановку местными мероприятиями невозможно. Оставалось одно — блокировать Нормандию по наиболее удобной линии, отступив для этого далеко в тыл от теперешнего переднего края. Вдоль этой линии нужно было вновь построить сильную оборонительную полосу, которая позволила бы нам вывести из боев наши подвижные резервы и использовать их по назначению. Настоятельные требования фельдмаршалов о встрече с Гитлером были удовлетворены.

Совещание в Марживале

В обстановке строгой секретности Гитлер прибыл на свой старый командный пункт в Марживале, между городами Суассон и Лаон. Командный пункт представлял собой хорошо укрытое от постороннего взгляда сооружение. Здесь верховный главнокомандующий встретился с Рундштедтом и Роммелем и их начальниками штабов. Их первые доклады произвели на Гитлера сильное впечатление, и он, по настоянию фельдмаршалов, обещал немедленно издать директивы, касающиеся следующего этапа кампании. Но когда разговор коснулся последствий успешной высадки союзников, настроение Гитлера изме-

нилось. Роммель особенно энергично требовал, чтобы из военного положения на Западе сделали политические выводы. Гитлер обиделся, рассердился и предложил Роммелю заниматься военными, а отнюдь не политическими проблемами. Суть замечаний Гитлера заключалась, видимо, в том, что никто и никогда не захочет заключить с ним мир.

Во время совещания было получено сообщение о новой серьезной угрозе, назревавшей южнее Шербура. Американские танки прорвались с карантанского плацдарма в северо-западном направлении, совершили глубокий обходный маневр и теперь угрожали крепости с тыла. Гитлер объявил, что на следующее утро намерен лично посетить этот участок фронта.

Но он не сделал этого. В конце того же дня «Фау-1», выпущенный на Лондон, сбился с курса, покружил в воздухе и взорвался недалеко от командного пункта Гитлера. Все органы безопасности срочно занялись расследованием причин происшествия. Сам Гитлер в сопровождении мощного эскорта истребителей тотчас же вылетел обратно в Берхтесгаден.

Результатом совещания были новые инструкции, которые просто-напросто повторяли старые. Шербур и каждую пядь Нормандской земли предлагалось отстаивать до последнего солдата, до последнего патрона. Это было невыполнимо. Оборонительная позиция крепости Шербур достигала такой ширины, что остатки 709-й дивизии и оттесненные туда части 77-й дивизии не смогли удержать ее. 26 июня Шербур пал. Окончилась первая фаза битвы за Нормандию.

Изменения в немецком командовании

В конце июня Роммель послал Гитлеру еще один мрачный доклад, одобренный Рундштедтом. То же самое сделал и генерал фон Швеппенбург, который вдобавок выразил свое мнение относительно бессмысленности перемалывания его танковых дивизий на канском плацдарме и потребовал пересмотра немецких оперативных планов. Два фельдмаршала настояли на новой встрече с Гитлером. Она состоялась в последних числах июня в Берхтесгадене.

К фельдмаршалам отнеслись с заметным холодком и несколько часов заставили их ждать. Наконец, приняв

их, Гитлер прочитал им длиннейший монолог относительно результатов, ожидаемых от нового «чудодейственного оружия». Фельдмаршалы уехали в скверном настроении. Прибыв в свой штаб, Рундштедт позвонил по телефону Кейтелю и сказал, что чувствует себя слишком старым и считает необходимым для продолжения военных действий подобрать человека помоложе. Когда Кейтель спросил, что же, по его мнению, следует делать, Рундштедт громко и четко ответил: «Кончать войну, глупцы!»

Как Рундштедт предвидел и желал, его освободили от командования. Генерал Швеппенбург тоже был смещен. 3 июля в Сен-Жермен прибыл фельдмаршал фон Клюге, который перед этим провел неделю в Берхтесгадене, слушая внушения Гитлера. Если принять во внимание наставления, преподанные ему в ОКВ, то неудивительно, что, по его мнению, Рундштедт и Роммель настроены слишком пессимистично и что, следуя планам Гитлера, можно продолжать борьбу и выиграть сражение.

Но вскоре фон Клюге понял истинное положение вещей. Часто бывая на фронте, новый главнокомандующий войсками Западного фронта увидел резкий контраст между плохим снаряжением немецких войск и прекрасным оснащением противника. Воочию убедился он и в гибельных последствиях превосходства союзников в воздухе. Через несколько дней ему пришлось признать, что Роммель и Рундштедт были правы в своей оценке обстановки.

Тем временем бои в Нормандии продолжались с неослабевающим ожесточением. Стремясь создать прямую линию фронта, которая пересекла бы Нормандию с севера на юг, союзники каждый день добивались новых успехов.

15 июля Роммель представил Клюге очередной мрачный отчет об обстановке. В ответ Клюге согласился посоветоваться со всеми старшими командирами на фронте, чтобы выяснить их мнение.

Сам Роммель ежедневно бывал на фронте. 17 июля на обратном пути в штаб его автомобиль был обстрелян с истребителя. Шофер погиб, а сам фельдмаршал в бессознательном состоянии был доставлен в госпиталь близ Парижа. Он получил тяжелое ранение в голову. Итак, на критическом этапе кампании группа армий «Б» осталась без командующего.

Гитлер решил проблему преемника Роммеля самым курьезным образом. Он приказал Клюге в дополнение к обязанностям главнокомандующего войсками Западного фронта принять командование группой армий «Б». И вот Клюге перебрался в штаб Роммеля в Ла-Рош-Гюйон, а штаб главнокомандующего получил распоряжение принимать решения без предварительного согласования с Клюге. Все это привело к невероятной путанице, ибо взгляды Клюге как командующего группой армий «Б» часто противоречили взглядам, которые он должен был разделять как главнокомандующий войсками Западного фронта. Система высшего командования немецкими вооруженными силами вообще была странной, а данная структура командования на Западном фронте явилась одним из самых поразительных курьезов.

Последствия событий 20 июля

Покушение на Гитлера не отразилось на битве в Нормандии, и потому я очень кратко остановлюсь на этом событии. Фельдмаршал фон Клюге некоторое время колебался, не зная, верить ли сообщениям из ОКВ, находившегося в Восточной Пруссии, что Гитлер жив, или же основываться на сведениях из Берлина, что фюрер убит. Наконец, он лично поговорил с одним из генералов в ОКВ и тот убедил его, что Гитлер жив. А в это время военный губернатор Франции генерал Генрих фон Штюльпнагель выполнил приказы заговорщиков и арестовал видных представителей СС и гестапо в Париже. Как только Клюге узнал, что покушение не удалось, он приказал Штюльпнагелю освободить арестованных и предложил губернатору скрыться. Вместо этого Штюльпнагель попытался пустить себе пулю в лоб, но самоубийство не удалось, и генерал только лишился глаза. Находясь в полубессознательном состоянии, он повторял имя Роммеля, и это, кажется, навело гестапо на мысль о причастности Роммеля к заговору. Позднее Штюльпнагель был казнен, а Роммеля, как известно, принудили принять яд. Но, повторяю, все это никак не повлияло на ход сражения в Нормандии.

Силы союзников в Нормандии

В течение июня у нас создалось ясное представление о силах союзников в Нормандии. На правом фланге на-

шим войскам противостояла 2-я английская армия в составе четырех корпусов, насчитывавших около восьми — девяти пехотных дивизий, одну воздушнодесантную, две или три бронетанковые дивизии, а также пять или шесть бронетанковых бригад. На нашем левом фланге действовала 1-я американская армия, также состоявшая из четырех корпусов и объединявшая около девяти пехотных дивизий, две воздушнодесантные и две бронетанковые дивизии и несколько бронетанковых бригад.

Мы знали имена генерала Эйзенхауэра и фельдмаршала Монтгомери, но, начиная с июля, к нам чаще и чаще стали доходить слухи о генерале Паттоне. Он, видимо, командовал новой армией, — как позднее выяснилось, 3-й американской армией. О нем говорили, как о блестящем руководителе бронетанковых войск и как о поразительно смелом человеке. Мы прозвали его «американским Гудерианом».

До середины июля главное направление наступления противника было в районе Кан, а затем оно переместилось, очевидно, в район Сен-Ло. Имелись данные, что американцы подготавливали там крупную операцию с целью прорыва нашей обороны.

Операция началась, и 27 июля американцы прорвали наш фронт западнее Сен-Ло. К западу от 1-й американской армии теперь действовала 3-я армия. Она успешно пробивалась по западному побережью Нормандии к Авраншу.

Незадолго до этого Клюге отправил Гитлеру безрадостный доклад Роммеля вместе со своими замечаниями. Клюге писал:

«Я прибыл сюда с твердым намерением выполнить Ваш приказ держаться любой ценой. Но когда понимаешь, что цена этого — медленное, но неизбежное уничтожение наших войск, в частности дивизии «Гитлерюгенд», заслуживающей самой высокой похвалы, когда видишь, что приток пополнений и предметов снабжения почти каждого вида совершенно недостаточен, а наша артиллерия и боеприпасы совсем непригодны для такого сражения, какое приказано вести, и когда знаешь, что единственным оборонительным оружием остается боевой дух наших храбрых солдат, — тогда не можешь не испытывать тяжелых сомнений в ближайшем будущем, ожидающем Западный фронт. Я должен доложить, что, не-

смотря на ежедневные потери территории, фронт до сих пор существует благодаря исключительной храбрости наших войск и твердой воле наших офицеров, особенно младших. И все-таки приближается момент, когда даже наши отчаянные усилия не смогут предотвратить прорыв чрезвычайно растянутой линии фронта. Как только противник выйдет на открытую местность, наши недостаточно подвижные войска будут не в состоянии проводить организованные действия. В качестве главнокомандующего, несущего ответственность за этот фронт, я считаю своим долгом обратить Ваше внимание, мой фюрер, на последствия того, что может случиться.

На совещании командующих в районе южнее Кана я в заключение сказал: «Мы будем держаться, и, если вовремя не прибудет помощь, чтобы коренным образом улучшить наше положение, мы с честью сложим свои головы на поле боя».

К сожалению, этот ultima ratio[1] не предлагал никакого тактического, не говоря уж о стратегическом, решения проблемы на тот случай, если фронт, становясь все более хрупким, распадется, наконец, на куски и противник устремится из Нормандии на широкие просторы Франции. 18 июля прорыв английских войск в район г. Кан был предотвращен только благодаря крайнему напряжению нервов и сил. Массированная атака танков пришлась на фронт 16-й полевой дивизии ВВС, на которую к тому же предварительно обрушили тысячи тонн авиабомб.

В такой обстановке 27 июля началось наступление американцев в районе Сен-Ло. Над Авраншем нависла непосредственная угроза. Вскоре он пал, а вместе с ним в руки противника перешел невредимым мост в г. Понторсон. Дорога на Центральную Францию была открыта.

Немецкие потери

С начала вторжения по 25 июня мы потеряли 43 070 человек, из них 897 офицеров (в том числе шесть генералов и 63 командира полка).

Три недели спустя, то есть в середине июля, наши общие потери увеличились до 97 тысяч человек. К тому

[1] Ultima ratio (*лат.*) — последний довод, крайнее средство.

времени мы получили в качестве пополнений 60 тысяч человек и 17 новых танков взамен 225 уничтоженных.

К 7 августа потери группы армий «Б» составили 148 075 человек, в том числе 14 генералов и 201 командир полка.

14 августа потери достигли уже 158 930 человек.

Фалезский котел

В ОКВ, конечно, поняли, как опасен захват американцами Авранша. В штаб главнокомандующего войсками Западного фронта и командующего группой армий «Б» устремился поток срочных приказов. «Не дать противнику возможности выйти на оперативный простор. Каждый солдат должен стоять до конца».

Немного позднее поступила радиограмма:

«Фюрер приказывает все наличные танковые силы отвести с фронта, передать в распоряжение генерала Эбербаха и контратаковать ими Авранш».

Осуществить эту контратаку было невероятно трудно, но в ночь с 7 на 8 августа она, наконец, началась. После некоторого успеха на рассвете контратака провалилась из-за налетов авиации союзников. Впервые в истории наступающие части были остановлены одной лишь бомбардировкой с воздуха.

Авраншская брешь теперь неуклонно расширялась. Через нее на открытую местность между Сеной и Луарой дивизия за дивизией шли танки 3-й армии генерала Паттона. Их первой задачей было овладеть г. Ле-Ман, второй — отрезать ослабленным и рассеянным немецким войскам пути отступления на юг через Луару и окружить их в Бретани.

Левый фланг 7-й немецкой армии теперь висел в воздухе. Изменить ход событий с помощью небольшого количества пополнений не удалось. Овладев 10 августа Ле-Маном, 1-я американская армия обходила 7-ю немецкую армию с юга, в то время как 3-я американская армия по дуге окружала ее с востока.

Но американский план окружения предусматривал более крупные масштабы, чем этот котел. Основной удар американцы теперь наносили в направлении на Шартр, а мощный вспомогательный удар нацелили на центральные плёсы Сены южнее Парижа. Цель этой операции была ясна. Она состояла в том, чтобы перерезать немец-

кие коммуникации западнее Парижа и окружить 7-ю полевую и 5-ю танковую армии к югу от нижнего течения Сены.

Тяжелые бои между 10 и 20 августа, стоившие нам огромных, уже невосполнимых потерь в живой силе и технике, привели к сужению кольца окружения вокруг 7-й немецкой армии. Во время этого сражения на левом фланге 2-й английской армии находилась 1-я канадская армия.

Так возник знаменитый Фалезский котел. Благодаря своей большой мобильности 5-я танковая армия сумела выскочить из этого котла более или менее невредимой, но ей еще угрожало окружение в районе Шартр — Дрё.

Чтобы показать, какая неразбериха царила позади нашей линии фронта, приведу такой пример. Первым солдатом союзников, вступившим в Шартр, был один военный корреспондент на виллисе. Когда немцы взяли его в плен, он в самых неумеренных выражениях высказывал свое недовольство тем, что американские танки не прибыли в назначенный срок.

Конец фельдмаршала фон Клюге

Около середины августа фельдмаршал фон Клюге решил съездить в 7-ю армию, еще не полностью окруженную в Фалезском котле. Возможно, на этот шаг его толкнуло чувство огромной ответственности, а может быть, он просто хотел пойти на крайнюю степень самопожертвования. Как бы то ни было, сопровождаемый единственным адъютантом и автомобильной рацией, он отправился на автомобиле в котел, намереваясь побывать в штабах 7-й армии и танковой группы Эбербаха.

В течение всего дня штаб главнокомандующего напрасно пытался установить радиосвязь с Клюге. А в тот момент необходимо было принять решение по очень важному вопросу. Американцы вступили в Шартр. Следовало ли нам готовиться к обороне Парижа, или будет, наконец, предложен новый стратегический план? Сен-Жермен, где располагался штаб главнокомандующего, теперь находился в опасной близости от поля боя, но высшие штабы не имели права перемещаться без предварительного согласия Гитлера. И так как ни 7-я армия, ни танковая группа не могли информировать нас о Клюге, мы

были вынуждены доложить в ОКВ, что он пропал без вести.

Сейчас невозможно установить, что в действительности произошло с Клюге в те часы, когда он пропадал в Фалезском котле, ибо живых свидетелей не осталось. Позднее шли разговоры, что радиоразведка ОКВ перехватила радиограмму от Клюге к Паттону, в которой говорилось о возможности перемирия. Достоверно известно только, что автомобиль с рацией фельдмаршала был разбит авиабомбой, а сам он ночью пришел пешком в штаб Эбербаха. Как только в ОКВ узнали, что фельдмаршал нашелся, Гитлер отправил во Францию приказ, составленный в резких выражениях: «Теперь, когда фельдмаршал фон Клюге, наконец, появился, пусть он немедленно отправляется из Фалезского котла на командный пункт 5-й танковой армии и оттуда возобновляет руководство сражением». Приказ не застал Клюге на месте: он уже возвращался в свой штаб в Ла-Рош-Гюйон.

Этот странный инцидент знаменовал собой конец карьеры Клюге как главнокомандующего войсками Западного фронта. 16 августа он провел в Сен-Жермене совещание с командирами частей ВВС и ВМС при участии начальника парижского гарнизона. Клюге запретил боевые действия в пределах города, а также приказал не разрушать такие жизненно необходимые сооружения, как водопровод, электросеть и газопровод. Было решено возможно быстрее эвакуировать из Парижа немецких женщин и раненых. Бои предлагалось вести лишь для удержания подступов к городу, в частности главных дорог. Чтобы быть уверенным в исполнении этих приказов, Клюге подчинил начальника парижского гарнизона непосредственно себе.

Знал ли он, что его судьба уже была решена? Было замечено, что после совещания он попрощался с каждым офицером и при этом был несколько задумчив. Затем фон Клюге вернулся в Ла-Рош-Гюйон. В ночь на 17 августа туда прибыл фельдмаршал Модель с приказом о замене Клюге на постах главнокомандующего войсками Западного фронта и командующего группой армий «Б». Он привез Клюге коротенькое письмо от Гитлера, в котором фюрер писал, что Клюге переутомился за недели боев, а потому для «восстановления здоровья» на некоторое время переводится в резерв.

Клюге принял отставку совершенно спокойно. В ту ночь он написал Гитлеру ответ, умоляя его прекратить неравную борьбу на Западе. Рано утром 18 августа он попрощался со своими штабными офицерами и на автомобиле выехал в Германию. В г. Мец он приказал водителю остановиться, принял яд и был доставлен в местный госпиталь при смерти.

ОКВ приказал немедленно произвести вскрытие трупа. О результатах вскрытия в штаб главнокомандующего войсками Западного фронта, перебравшийся к тому времени в район Реймса, Иодль отправил следующую лаконичную радиограмму: «Установлено присутствие цианистого калия».

Форсирование нижней Сены и выход из Фалезского котла

Фельдмаршал Модель, который был знаком только с условиями Восточного фронта, не сразу осознал всю серьезность положения на Западе и не терял надежды выправить дело. Но и он вскоре понял, как гибельно превосходство противника в воздухе, как велики разрушения в тыловых районах, как рискованно любое передвижение по основным дорогам в дневное время, как велико вообще значение вторжения.

Он решил во что бы то ни стало отвести все, какие только можно, войска за Сену, в последний раз попытавшись выскользнуть из еще не окончательно закрытого Фалезского котла. Модель считал необходимым вывести из окружения хотя бы те части, у которых пока оставались шансы на спасение, если бы даже это стоило потери тяжелого вооружения. В котле тогда находились остатки 13 дивизий, а также штабы 7-й армии, танковой группы Эбербаха и четырех корпусов. В ночь с 21 на 22 августа наши войска при поддержке танков вырвались из котла, хотя артиллерия противника уже простреливала пути отхода. Первыми через Сену переправились части 7-й армии. Их отправили в северные районы на отдых и подготовку к новым боям. Почти весь участок фронта по р. Сена между Парижем и Руаном занимала теперь 5-я танковая армия.

Вторжение в Южную Францию

Пока шли тяжелые бои внутри и за пределами Фалезского котла, в самый критический для немецкого командо-

вания момент, произошло давно ожидавшееся вторжение в Южную Францию.

Наша слабая воздушная разведка, базировавшаяся на Ривьере, с некоторого времени постоянно доносила, что в портах Туниса и Алжира сосредоточиваются корабли. 13 и 14 августа был замечен большой караван военных транспортов, направлявшийся на север. В полдень 14 августа караван прошел западнее острова Корсика. Следовательно, 15 августа надо было ожидать появления судов у французского побережья Средиземного моря. Небезынтересно отметить, что во Франции ходили слухи о десанте союзников 15 августа — в «день Наполеона». Как мы предполагали, высадка произойдет в долине р. Рона. Южное побережье Франции обороняла группа армий «Г».

Утром 15 августа в штаб главнокомандующего войсками Западного фронта поступила радиограмма из группы армий «Г». Восточнее р. Рона, близ г. Драгиньяна, произошла высадка воздушных десантов, а морской десант атаковал нашу береговую оборону между городами Сен-Тропез, Сен-Рафаэль и Канн. Телефонограмма была принята не до конца, так как линию перерезали, и связь с группой армий «Г» удалось восстановить только к вечеру 15 августа. Правда, около полудня была установлена временная телефонная связь с 19-й армией, на участке которой произошло вторжение. Штаб этой армии сообщил нам, что он потерял связь с 67-м корпусом и что штаб этого корпуса в Драгиньяне, очевидно, захвачен парашютистами. После первоначальных неудач морской десант все-таки высадился в заливах Сен-Тропез и Сен-Рафаэль под прикрытием мощного огня корабельной артиллерии и ожесточенной бомбардировки с воздуха. О силах вторжения пока было известно только то, что они состоят из американских войск и войск «Свободной Франции»[1].

В распоряжении командующего группой армий «Г» генерал-полковника Бласковица в то время находился один-единственный подвижный резерв — прославленная 11-я танковая дивизия. При первых признаках угрозы

[1] «Свободная Франция» — антигитлеровское движение французских буржуазных элементов, оказавшихся вне пределов Франции и провозгласивших своей целью освобождение Франции от немецко-фашистских захватчиков. *(Прим. ред.)*

вторжения эта дивизия передислоцировалась из долины р. Гаронна в полосу обороны 19-й армии — в район г. Ним. Так как все мосты через Рону были уничтожены бомбардировкой, марш оказался не из легких. Теперь дивизия, находясь на восточном берегу реки, обеспечивала фланг группы армий «Г» от обходного движения противника через горы.

Наша связь со штабом Бласковица оставляла желать лучшего, но через два дня мы все же узнали, что одна группировка вторгшихся войск поворачивает на запад по направлению к Тулону, а другая пытается пробиться через горы на север, в направлении, параллельном линии р. Рона.

Прежде всего Гитлер поторопился отдать приказ об отправке дополнительных подкреплений в так называемые крепости Тулон и Марсель. В действительности для проведения операций нам требовался максимум гибкости, но фюрер по-прежнему был ослеплен идеей жесткой обороны.

Положение 19-й армии было совершенно безнадежным. Имея в своем составе семь дивизий, сведенных в три корпуса, один из которых был полностью разгромлен, она должна была оборонять все средиземноморское побережье Франции. Еще слабее 19-й армии была армия, оборонявшая побережье Бискайского залива. В связи с полной бесперспективностью обороны Южной Франции штаб главнокомандующего войсками Западного фронта не раз пытался уговорить ОКВ дать указание об эвакуации оттуда немецких войск. Планы противника были вполне ясны. Двигаясь вверх по долине р. Рона, он намеревался отрезать и окружить нашу 19-ю армию, а другие крупные соединения направить на овладение крепостями Тулон и Марсель. И действительно, наши войска вскоре вынуждены были оставить эти города. Действия противника облегчались тем, что в тылу у него оказались высоты, господствующие над крепостями.

17 августа Гитлер, наконец, согласился на частичную эвакуацию немецких войск из Южной Франции. Однако и теперь он ограничился полумерами, приказав группе армий «Г» занять промежуточные позиции между Марселем и р. Луара и соединиться с группой армий «Б». Этот приказ был абсолютно невыполним, так как колонны союзников, устремившиеся на север, уже прошли за предпола-

гаемую линию обороны. Благодаря настойчивости штаба главнокомандующего войсками Западного фронта Гитлер в конце концов согласился изменить приказ. Группе армий «Б» теперь предлагалось обороняться на линии, идущей от плато Лангр к швейцарской границе. Крепости же на побережье Бискайского залива эвакуации не подлежали. Напротив, их гарнизоны предполагалось усилить. Итак, войска группы армий «Г» пешком без продовольствия двинулись по направлению к г. Дижон и р. Луара. Примечательно, что группа армий успешно справилась с этим многокилометровым переходом.

Маневр союзников с целью окружения наших войск на юге Франции угрожал всей системе немецкой обороны в Западной Европе. так как казалось вполне вероятным, что во время отступления вверх по долине р. Рона группа армий «Г» будет отрезана, а это в свою очередь оголит левый фланг группы армий «Б». Даже до сегодняшнего дня кажется чудом, что, несмотря на мощные атаки противника, 19-я армия сумела совершить марш вдоль всей р. Рона.

Наконец, 1 сентября командующий группой армий «Г» доложил из Дижона по телефону главнокомандующему войсками Западного фронта, находившемуся теперь в Арлоне (в Арденнах), что отход войск завершен.

Описывая операции группы армий «Г», забегу вперед и скажу о событиях на фронте группы армий «Б». Там 25 августа 7-я армия с большими трудностями завершила, наконец, отход на правый берег нижнего течения Сены и проследовала дальше на север. Северный берег Сены от Парижа до Руана заняла 5-я танковая армия.

Падение Парижа

Американские бронетанковые части, за которыми следовали французские танки, через Рамбуйе продвинулись на северо-восток, прорвали немецкую оборону южнее Парижа и, выйдя к Сене, 24 августа вступили в город. К югу от Парижа, в районе среднего течения Сены, находился штаб 1-й немецкой армии, передислоцировавшейся сюда с побережья Бискайского залива. Ему подчинили находившиеся в этом районе войска и поручили заткнуть брешь между Парижем и р. Луара. Сделать это не удалось. Вскоре американские бронетанковые дивизии захватили плацдармы на правом берегу Сены и повели наступ-

ление на восток и северо-восток, по-видимому, стремясь выйти к р. Марна и г. Реймс.

Фельдмаршал Модель приказал 5-й танковой армии отступить на северный берег нижнего течения Сены и занять там оборону. С огромным напряжением сил, едва ли не вопреки логике вещей, потеряв в результате непрерывных воздушных налетов огромное количество снаряжения, немецкие войска закончили форсирование реки. Последней переправилась через Сену в районе Руана 116-я танковая дивизия. Оба берега реки представляли собой ужасное зрелище. Сотни изуродованных автомашин и сгоревших танков отмечали путь немецких войск. Введя в бой все наличные части, в том числе и зенитные, мы смогли создать, однако, только неглубокую полосу обороны вдоль северного берега Сены.

В 5-й танковой армии осталось всего-навсего 80—100 танков. Против нее противник бросил много дивизий, которые регулярно пополнялись живой силой и техникой.

В воздухе безраздельно господствовала авиация противника.

Восточнее Ла-Рош-Гюйона американцы уже захватили небольшой плацдарм на правом берегу Сены и последовательно расширяли его, что в связи с падением Парижа грозило неизбежным крахом всей системе обороны по этой реке. Чтобы не попасть в мешок, самому Моделю с его штабом пришлось быстро выбираться из Ла-Рош-Гюйона.

А Париж был потерян навсегда. Гитлер мог, сколько ему заблагорассудится, издавать приказы о контратаке и возвращении города — контратаковать было нечем. Под конец фюрер даже отдал приказ о разрушении Парижа путем бомбардировок с воздуха и обстрела из крупнокалиберных мортир. Этот приказ не был выполнен, как и инструкция о взрыве мостов в центре Парижа. Благоразумие начальника штаба группы армий «Б» генерал-лейтенанта Шпейделя позволило многие подобные приказы оставить на бумаге [1].

---

[1] Циммерман пытается обелить военного преступника Г. Шпейделя, по приказу которого были замучены тысячи французских патриотов, в том числе и парижан. Не случайно, что когда в 1957 г. Шпейдель был назначен командующим сухопутными войсками НАТО в центральной зоне Европы, по всей Франции прокатилась бурная волна протестов. (*Прим. ред.*)

Новая обстановка на Западе

15-я армия под командованием генерала фон Цангена, занимавшая оборону на побережье Ла-Манша фронтом к морю, была единственной немецкой армией, не участвовавшей в боях. Но теперь противник грозил выйти ей в тыл и по частям выкурить ее из укреплений.

Зато 7-я армия подверглась полному разгрому. Из ее остатков с трудом удалось создать несколько боевых групп. 5-я танковая армия вела бои на обоих берегах р Уаза. Своими подвижными боевыми группами она пыталась как можно дольше задержать переправу противника через Сену, а позднее через Марну и Уазу. До тех пор, пока эти боевые группы не были разбиты наголову, они сражались самоотверженно и обеспечили соединениям 15-й армии возможность одному за другим отойти вдоль побережья на север.

Крайне неблагоприятная обстановка сложилась восточнее Парижа. Американские бронетанковые части и соединения легко прорывали оборону ослабленных войск нашей 1-й армии. Опасные бреши возникли сначала в районе Реймса, а затем Шалона-на-Марне. Достаточно было бы американцам направить мощные бронетанковые силы в южном направлении через плато Лангр, как войска группы армий «Г», отступавшие вверх по долине р. Рона, были бы наверняка уничтожены. Странно, что противник этого не сделал.

Отсутствие заблаговременно подготовленных позиций

Читатель, следящий за моим рассказом, видимо, недоумевает, почему у нас не было заранее подготовленных оборонительных позиций, на которые могла бы отойти армия. Немецкие войска находились во Франции, Бельгии и Голландии четыре года, а каждый здравомыслящий командир обязан предвидеть возможность поражения и подготовить для отхода запасную линию обороны в тылу.

Дело в том, что, по мнению Гитлера, такая предусмотрительность являлась величайшим грехом. Никто не смел даже и подумать о возможности отхода, а меры предосторожности вроде создания в тылу линии обороны, как представлялось фюреру, порождали именно такие мысли.

Правда, под величайшим секретом теоретически исследовалась возможность создания рубежа обороны от

устья р. Сомма по р. Марна и р. Сона до швейцарской границы в районе г. Понтарлье. Но этот рубеж так и не был подготовлен, а теперь для создания и занятия его не хватало войск. Во всяком случае сейчас занимать этот теоретический рубеж было бы слишком поздно, ибо противник уже форсировал Марну.

Долгожданная директива

На Западном фронте сложилась такая обстановка, что Модель давно перестал сколько-нибудь реально выполнять функции главнокомандующего. Чтобы не попасть в плен, ему вместе со штабом группы армий «Б» приходилось почти ежедневно менять свое местонахождение. Практически он лишился возможности влиять на решения, принимаемые командующим и штабом группы армий «Г», которые с 1 сентября находились в районе Дижона.

Доклады, отправляемые Гитлеру, и требования, адресованные ОКВ, Модель составлял, основываясь на боевых действиях группы армий «Б». Эти доклады становились все более и более решительными. Модель не подыскивал выражений и обращался к Гитлеру с такими словами, которые вряд ли позволил бы себе кто-либо другой из командующих.

Во второй половине августа он по телетайпу отправил Гитлеру сообщение о том, что удержать позиции невозможно. Из-за тяжелых потерь, понесенных недавно 5-й танковой армией в районе г. Монс, Модель видел только один путь восстановления линии фронта и реорганизации этой армии — отступить на позиции «Западного вала», довоенного оборонительного рубежа, известного за границей под названием «линии Зигфрида». Читатель, должно быть, помнит, что прежде даже упоминание о «Западном вале» строжайше запрещалось.

До сих пор никто не осмеливался делать Гитлеру такие предложения, но телеграмма Моделя нарушила табу. И Гитлер отдал распоряжение: армиям Западного фронта с боями отойти в район, непосредственно примыкающий к «Западному валу», и на так называемую «Западную позицию» по границе с Эльзасом и Лотарингией, чтобы организовать там стойкую оборону. Благодаря такому маневру закрылась бы брешь между левым флангом 1-й немецкой армии и соединениями группы армий «Г», все еще отходившими в северном направлении. Неясным оставалось

только одно: как сможет 15-я армия восстановить контакт с остальными войсками фронта.

Остатки 5-й танковой и 7-й полевой армий противник уже оттеснил на восток за р. Маас. 1-я армия откатилась в Люксембург и на линию р. Мозель. 3 сентября пал Брюссель, 4 сентября английские войска вступили в Антверпен, хотя им и не удалось полностью овладеть городом и очистить подступы к гавани. Вот почему, несмотря на отрезанные противником пути отхода через г. Лир, 15-я армия смогла ускользнуть через устье р. Шельда и острова, заняв новую оборону за каналом Альберта и р. Маас.

Только что созданная 1-я парашютнодесантная армия под командованием генерал-полковника Штудента по приказу Гитлера спешно заняла оборону вдоль канала Альберта, чтобы не допустить противника хотя бы в Голландию, которая играла жизненно важную экономическую роль в военных усилиях Германии.

Возвращение Рундштедта

В процессе длительного и тяжелого отступления фронт немецких войск стал раздробленным и неустойчивым, а их моральное состояние было подорвано. Войскам необходим был сильный и уверенный кормчий. Требовалось в кратчайший срок восстановить единый фронт, который ныне включал в себя голландские водные преграды, «Западный вал» и прилегающую к нему «Западную позицию». Когда во второй половине августа генерал Блюментрит предложил снова передать командование Западным фронтом Рундштедту, он знал, что выражает желание всех участвующих в битве. Модель не только согласился, но и с радостью приветствовал такое решение. Итак, Рундштедт в третий раз возвратился из отставки и 5 сентября прибыл в штаб главнокомандующего войсками Западного фронта, располагавшийся в то время в Аренберге на Рейне против Кобленца. Его сопровождал новый начальник штаба генерал Зигфрид Вестфаль. Штабные офицеры от всего сердца радовались возвращению Рундштедта.

Состояние «Западного вала»

Наши обескровленные дивизии, насчитывавшие в своих полках по 1000—1500 человек, видимо, надеялись, что на «Западном вале» их ждет неколебимая твердыня. Если

так, то они ошиблись. В последние годы оборудование «Западного вала» непрерывно и хищнически растаскивали на нужды «Атлантического вала», и в августе 1944 г. «Западный вал» находился в жалком состоянии. Лишь начиная с этого месяца, ОКВ стал принимать меры для его восстановления. Но вместо того чтобы поручить эту задачу главнокомандующему войсками Западного фронта, Гитлер доверил ее Гиммлеру. Силами населения, привлекаемого к работам в порядке так называемой «трудовой повинности», Гиммлер возводил оборонительные сооружения, на которые напрасно только тратились труд и средства и которые в техническом и тактическом отношении не отвечали условиям современной войны. Наконец, по настоянию Рундштедта, от такой системы руководства отказались и создали Главное фортификационное управление. В пределах возможности оно методически занималось оснащением «Западного вала». Из-за отсутствия хорошо подготовленных крепостных гарнизонов сооружения нередко приходилось передавать учебно-полевым дивизиям.

Рундштедт был совершенно уверен, что союзники могут прорвать «Западный вал» в любом месте. Мнение главнокомандующего подтвердила американская бронетанковая дивизия, прорвавшаяся севернее р. Мозель к г. Битбург и остановленная там лишь с большим трудом. И вдруг, к нашему величайшему удивлению, союзники остановились перед «Западным валом». Видимо, они испытывали недостаток в предметах снабжения.

Силы противника в сентябре 1944 года

По нашим подсчетам, противник имел на Западе 53 дивизии. Еще пять дивизий приковывали к себе «крепости» Бретани и побережья Ла-Манша. Кроме того, мы предполагали, что в Англии находилось еще 34 дивизии, в том числе несколько воздушнодесантных.

Теоретически у нас на Западном фронте было столько же дивизий, но численность личного состава каждой из них едва ли составляла одну треть личного состава дивизии союзников. Особенно слабы были наши танковые соединения Практически против 53 дивизий союзников действовало только 27 немецких.

Увлечение крепостями

По категорическому приказу Гитлера многие крепости, расположенные вдоль побережья Ла-Манша и Атлантического океана, все еще продолжали бесцельную борьбу. Командовали этими крепостями специально отобранные офицеры, принесшие особую присягу. Откуда Гитлер выкопал идею о крепостях, трудно сказать. Может быть, он считал, что крепости оттянут на себя войска противника и когда настанет время решающей битвы за Германию, противнику не хватит людских резервов. Гитлер не учел одного. Поскольку гарнизоны отрываются от главных сил, постольку они и находящиеся у них вооружение и боевая техника перестают иметь какое-либо значение для общего хода войны.

Несостоятельность такой тактики особенно ярко проявилась на примере Нормандских островов, где бездействовала целая усиленная немецкая дивизия. В свое время главнокомандующий войсками Западного фронта Вицлебен назвал приказ об обороне этих островов «островным сумасшествием». Противник довольствовался простым наблюдением за нашими крепостями, так как они не могли причинить никакого вреда кампании в целом. Исключение составлял только Брест, порт которого был крайне необходим союзникам. Нормандские острова отняли у нас 160—200 тысяч человек и дорогостоящую боевую технику.

Столь же оригинально поступал Гитлер и в тех случаях, когда складывалась критическая обстановка или когда какому-нибудь важному объекту грозила опасность. Тогда он приказывал создавать «особые отряды». Перед командирами этих отрядов обычно ставились невыполнимые задачи. Укомплектованные писарями, шоферами, кладовщиками и т. п., «особые отряды», разумеется, были не в состоянии сколько-нибудь успешно бороться с танками противника. Все это приводило к бессмысленным потерям в живой силе.

Ахен, Антверпен и Арнем

В конце первой недели сентября на Западном фронте было сравнительно спокойно, но в районе Ахена противник оказывал сильное давление. После ожесточенных атак

американцы 9 сентября вышли к передовым позициям «Западного вала». Это была как бы увертюра к трем битвам за Ахен осенью 1944 г. и зимой 1944/45 г. Взяв этот город, противник надеялся открыть себе дорогу на Рур.

Одновременно противник был поглощен расчисткой подступов к Антверпену, порт которого был необходим ему для доставки предметов снабжения. Немцы все еще владели островами, прикрывающими устье р. Шельда. Жестокие бои шли за каждый остров и достигли апогея во время борьбы за остров Валхерен. В результате массированного налета авиации союзников были разрушены валхеренские плотины, и 8 сентября те участки территории, которые остались незатопленными, перешли к союзникам. Несомненно, что, пока союзники не имели в Антверпене своей базы снабжения, это сильно связывало их боевые действия.

17 сентября в связи с наступлением американцев на Ахен союзники провели крупную воздушнодесантную операцию в районе Нижнего Рейна. Первая высадка произошла в прекрасную солнечную погоду. Основные силы 1-й английской воздушнодесантной дивизии десантировались южнее реки, в глубине нашей обороны, а часть войск была сброшена на противоположный — правый — берег. Начались тяжелые бои. Фельдмаршал Модель энергично направлял действия всех частей, которые он смог собрать, на борьбу с этой дивизией в районе Арнема. Англичане дрались с беззаветной отвагой, но к концу месяца усилия Моделя увенчались успехом, и 1-я английская воздушнодесантная дивизия перестала существовать.

Вскоре после выброски воздушного десанта перешли в наступление крупные силы 1-й канадской армии. Хотя им удалось овладеть рядом населенных пунктов, их главная цель — захватить плацдарм на правом берегу Нижнего Рейна — окончилась неудачей.

Единственным значительным достижением противника осенью 1944 г. был захват неймегенского моста, который так и остался у него в руках. Однако операция в Неймегене раскрыла стратегический замысел противника. Следовало ожидать, что главный удар будет нанесен в районе между Нижним Рейном и Ахеном с целью овладеть Руром и Северо-Германской низменностью, а в конечном счете — Берлином.

В одной частной беседе незадолго до начала второй мировой войны Гитлер заметил, что он боится только двух человек — Черчилля и Сталина. Тогда он еще не слышал об Эйзенхауэре — иначе, вероятно, добавил бы третье имя к списку своих смертельных врагов.

Как бы в насмешку над нами, Эйзенхауэр, поклонник великих принципов демократических свобод, получил полноту власти над всеми тремя видами вооруженных сил. А мы, живя в условиях диктатуры, при которой так закономерно было бы объединение командования, допускали, чтобы каждый вид вооруженных сил действовал самостоятельно. Ни Рундштедту, ни Роммелю, сколько они ни старались, не удалось изменить установившегося порядка и создать объединенное командование. В результате немецкая сухопутная армия сражалась в одиночку против всех вооруженных сил союзников. Поскольку вооруженные силы союзников во всех отношениях превосходили немецкую армию, наше поражение было неминуемо. Требование же Гитлера проводить тактику жесткой обороны, держаться за каждую пядь земли до последнего солдата, до последнего патрона делало наше поражение еще более неотвратимым. Мы потеряли 500—600 тысяч человек, включая войска, погибшие в «крепостях», отдали Францию и Бельгию. Западная оборонительная линия была перенесена назад, к государственной границе Германии.

В августе 1944 г. нас удивляло, почему противник медлит с наступлением на восток через р. Мозель, в район Меца, и не делает попыток отрезать группу армий «Г» при ее отступлении на север. Однако в ходе событий мы поняли стратегический план Эйзенхауэра. Его целью были Рур, Северо-Германская низменность и Берлин. Предварительно нужно было овладеть Ахеном и Нижним Рейном. Взгляните на карту: Ахен и Рур лежат на прямой линии от Нормандии к Берлину. Если бы осенью 1944 г. стратегический замысел Эйзенхауэра осуществился, союзникам не пришлось бы бороться за «Западный вал», а также за центральный и верхний бассейны Рейна. Они сами собой попали бы в руки союзников.

Решение союзников сделать временную остановку перед «Западным валом» и «Западной позицией» дало нам передышку, которой мы воспользовались до конца. Глав-

ное командование вооруженных сил Германии теперь делало все, чтобы восстановить мощь «Западного вала». Несмотря на сражение в Ахене, на все участки фронта спешно высылались подкрепления, пополнялся танковый парк, усиливалась боевая мощь артиллерии. Рундштедт вместе с самым способным из своих начальников штабов налаживал твердое управление подчиненными ему соединениями. Под их руководством армии были реорганизованы и вновь обрели боеспособность. Группа армий «Г» постепенно отошла из района Шалон-сюр-Сона и, установив на своем правом фланге контакт с 1-й армией, заняла оборону на участке верхнее течение р. Мозель — швейцарская граница. Вопреки ожиданиям мы воссоздали устойчивый и непрерывный фронт обороны.

Когда наступила зима, армии противника располагались следующим образом: 21-я английская группа армий занимала оборону фронтом на север от побережья Ла-Манша до р. Маас; 12-я американская группа армий оборонялась на рубеже р. Маас — Эльзас фронтом на юг; 6-я франко-американская группа армий располагалась на позициях от Эльзаса до швейцарской границы. Восточнее Парижа, в котором находился теперь штаб Эйзенхауэра, формировалась 9-я американская армия. Итак, битва за Францию окончилась, начиналась битва за Германию.

КОНЕЦ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Генерал-лейтенант ЗИГФРИД ВЕСТФАЛЬ

Если на Западе союзники наступали семимильными шагами, то в Италии немецким войскам удалось отразить прорыв противника на широком фронте. Этот успех тем более примечателен, что соединениям генерала Кессельринга противник угрожал не только с фронта, но и с тыла. После повторного августовского наступления в районе Флоренции 5-й американской армии под командованием генерала Кларка и сентябрьской операции 8-й английской армии на Адриатическом побережье линия фронта оставалась более или менее постоянной до весны 1945 г. Она шла от пункта близ Специи на Тирренском море, южнее Модены и Болоньи, закрывая, таким образом, дороги через Этрусские Апеннины, и далее — к озеру Валли ди-Комаккьо и Адриатическому морю. Потеря Южной Франции вследствие франко-американского вторжения в августе 1944 г. заставила создать новый фронт вдоль франко-итальянской границы, чтобы блокировать перевалы через Альпы. Эта задача была поручена соединениям «Неофашистской республики», которые вместе с немецкими частями образовали Лигурийскую армию под командованием маршала Родольфо Грациани — покорителя Абиссинии и последнего военного министра Муссолини. В последующие месяцы большие потери на Западном и Восточном фронтах заставили перебросить туда первоклассные дивизии из группы армий «Италия», которая в результате этого была сильно ослаблена.

Кроме битвы в воздухе, во второй мировой войне появился еще один новый вид боевых действий — это партизанское движение, которое по своему размаху превзошло

все прежние партизанские действия. Крупные партизанские отряды годами приковывали к себе большие соединения немецкой армии, особенно на восточных территориях и на Балканах. Гаагские конвенции не регламентировали действия партизан. На обширных территориях России они временами контролировали целые области. Самым распространенным тактическим приемом партизан было нападение из засады. Часто они неожиданно перерезали железные дороги и шоссе, по которым шло снабжение. Поэтому приходилось принимать особые меры безопасности. Солдаты вообще прибегают к чрезвычайно решительным действиям в ответ на тайные налеты внешне безобидных гражданских лиц, будь то мужчина или женщина. Вот почему при защите наших войск от партизан бывали крайности. В Югославии значительной части югославской армии удалось избежать плена и уйти в горы. Ее офицеры обеспечили командным составом дивизии и бригады сформированной позднее Партизанской армии, а союзники регулярно снабжали ее всем необходимым. О военном значении партизанского движения лучше всего говорит тот факт, что лишь в Югославии и Греции эти нерегулярные части не только оттянули на себя несколько итальянских армий и немецкую группу армий численностью приблизительно в 20 дивизий, но временами грозили лишить их жизненно важных коммуникаций.

В Италии деятельность партизан, в первое время ограниченная, началась зимой 1943/44 г. Она возросла весной 1944 г., а во время немецкого отступления представляла для наших солдат серьезнейшую опасность. Итальянскими партизанами и членами французских отрядов «маки» руководили главным образом коммунисты. В Бельгии и на Скандинавском полуострове подпольные силы до осени 1944 г. придерживались в основном тактики пассивного сопротивления и лишь позднее активизировались.

В течение лета и осени 1944 г. немецкую армию постигло величайшее в ее истории поражение, превзошедшее даже сталинградское. 22 июня русские перешли в наступление на фронте группы армий «Центр». Для этой операции русские сосредоточили огромное количество вооружения и боеприпасов. Вопреки предупреждению генерального штаба сухопутных сил фронт обороны, удерживаемый группой армий «Центр», был опасно ослаблен, так

как Гитлер приказал за ее счет усилить группу армий, расположенную к югу, где он ожидал наступления в первую очередь. Противник во многих местах прорвал фронт группы армий «Центр», и, поскольку Гитлер строго-настрого запретил эластичную оборону, эта группа армий была ликвидирована. Лишь рассеянные остатки 30 дивизий избежали гибели и советского плена. Удивительно, что, несмотря на страшные потери в живой силе, удалось опять создать новый фронт обороны, хотя на этот раз неглубокоэшелонированный.

Час неудачи пробил и на крайнем севере. 9 июня началось крупное наступление русских против доблестной финско-немецкой армии «Лапландия». Глава Финляндии маршал Маннергейм скоро осознал, что во имя спасения своего народа он должен прекратить борьбу и просить мира. В связи с разгромом группы армий «Центр» в Прибалтике оказалась отрезанной группа армий «Север». Снова упрямство Гитлера помешало принятию разумного решения. Он настаивал, чтобы две эти изолированные армии оставались в Курляндии, и отказался дать согласие на эвакуацию отдельных частей и соединений по морю. Но этим дело не кончилось. В середине июля русские нанесли удар по группе армий «Северная Украина», прорвались ко Львову и оттеснили немцев к Карпатам и Висле. В Барануве им даже удалось захватить плацдарм на другой стороне реки. Отсюда в январе 1945 г. они начали решительное наступление.

Казалось, неудачное лето 1944 г. никогда не кончится. 1 августа Варшава поднялась против немецкой оккупации. 24 августа внезапно капитулировала Румыния. Это событие застало немцев врасплох и привело к потери большей части группы армий «Южная Украина». Примеру Румынии последовала Болгария. Теперь под прямой угрозой находилась Венгрия, которая во избежание осложнений была оккупирована немцами в марте 1944 г. В середине октября русские приблизились к словацкому г. Кошице, проникли на равнины Венгрии около городов Сегед и Нови-Сад и находились теперь в каких-нибудь ста километрах от Будапешта. В это время против немцев поднялись и словаки.

На севере наступление русских продолжалось. В конце августа Красная Армия вступила в Восточную Пруссию. Линия фронта настолько приблизилась, что орудийные

выстрелы отчетливо слышались в ставке Гитлера около Растенбурга.

В октябре общая обстановка потребовала начать эвакуацию Балкан, иначе погибли бы все находившиеся там дивизии. После длительного тяжелого перехода через горные районы, где дороги были редкостью, немецкие соединения, непрерывно атакуемые партизанами, а позднее авиацией союзников, оставили Грецию, Албанию и Югославию и соединились, наконец, с нашими восточными армиями. Из-за отсутствия кораблей гарнизоны островов Крит и Родос вывезти не удалось.

Теперь Германия неудержимо катилась в пропасть. Сознавая это, группа, несомненно, бескорыстных высокопоставленных людей, представлявших все классы, профессии и партии, попыталась осуществить давно подготовлявшийся государственный переворот. Возглавляли группу известные генералы. Давно пора было покончить с бедствиями, в которые преступления Гитлера ввергли Германию и другие страны Европы. Члены группы понимали, что это должны сделать немцы в Германии. Но покушение 20 июля не удалось. Особенно жестокого наказания Гитлер потребовал для замешанных в заговоре офицеров. Сотни участников неудавшегося coup d'état [1] или людей, просто знавших о его подготовке, были подвергнуты инсценированному суду и повешены. Армия стала совершенно бессильной. Гиммлер принял командование фольксштурмом и располагал теперь огромной властью. Ему было переподчинено и большое количество армейских дивизий, реорганизованных в «пехотные дивизии народного ополчения». Режим террора в Германии достиг своего апогея.

Чтобы разобраться в настроениях германского народа, нужно понять, что большинство немцев в тылу и на фронте тогда еще не считали Гитлера преступником. Испытывая глубокую симпатию к жертвам 20 июля, подавляющее большинство населения все-таки считало своим долгом безропотно покоряться судьбе и продолжало работать, страдая и погибая во имя Германии. Оно не видело другого выхода. Только этим можно объяснить, что, несмотря на чуть ли не беспрерывные налеты союзной авиации, железные дороги до зимы 1945 г. действовали почти нормально, а наибольший выпуск военной продукции в

[1] Coup d'état *(фр.)* — государственный переворот.

стране приходился на осень 1944 г. С этого времени он начал сокращаться сначала медленно, а потом, с потерей промышленного района Верхней Силезии, все быстрее и быстрее.

Но не только армия приносила себя в жертву. Военно-воздушные силы и военно-морской флот тоже, как обреченные, сражались с численно превосходящим противником. Потеряв свои лучшие экипажи на Востоке и пытаясь дать хоть небольшую передышку сухопутным войскам, летчики доходили до крайнего перенапряжения сил. Самые ценные люди, в том числе инструкторы, были принесены в жертву, когда командование пыталось поддерживать с воздуха окруженные сталинградскую и другие группировки. Так же безрассудно были принесены в жертву и отборные кадры ВВС на Средиземном море. Исход воздушной войны был предрешен и другим фактором. Из поражения немецких военно-воздушных сил в битве за Англию не было сделано правильных технических выводов. Уже тогда наметилась необходимость немедленно перейти к выпуску истребителей с высокими тактико-техническими данными, способных противостоять неизбежному воздушному наступлению союзников. Но экспериментальные работы затянулись на целые годы, поэтому и зимой 1944/45 г. старый «Мессершмитт» Ме-109 оставался основным самолетом немецкой истребительной авиации. Большую долю вины за эту ошибку, стоившую стольких жизней, следует возложить на рейхсмаршала Геринга, который оказался совершенно неспособным выполнять обязанности командующего ВВС. Оговоримся, однако, что работу затрудняло и постоянное вмешательство Гитлера.

Героически сражался и немецкий военно-морской флот, но незначительные успехи достигались теперь чрезмерными жертвами. Современные быстроходные подводные лодки, оборудованные «шноркелями», появились слишком поздно. Потери подводного флота—673 корабля и 30 тысяч человек—говорят сами за себя. Столкнувшись с задачей, для выполнения которой у него явно не хватало сил, немецкий военно-морской флот потерял в ходе войны 2600 кораблей всех классов.

Оставив Францию, Бельгию, большую часть Голландии и отойдя к границам Германии, немецкие армии на Западе получили короткую передышку, так как союзники

временно ослабили нажим. То, что казалось совершенно невероятным, все-таки осуществилось: был создан новый фронт обороны. Он опирался в основном на старую «линию Зигфрида», наспех переоснащенную новым вооружением. Сентябрь, октябрь и ноябрь опять принесли неудачи. Первым пал Ахен, древняя столица империи, бывшая когда-то резиденцией Карла Великого. Город был захвачен американцами. Затем были потеряны Лотарингия и большая часть Эльзаса с крепостями Мец и Страсбург. Но все попытки американцев прорвать фронт, в частности в районе Ахена, не удавались.

В это время в обстановке строжайшей тайны готовилась операция, которой предстояло удивить не только противника, но и население самой Германии. Речь идет о так называемом Арденнском наступлении. Это последнее наступление, предпринятое нашими войсками во второй мировой войне, описано в следующей главе командующим армией, которой удалось дойти почти до г. Динан на р. Маас.

АРДЕННЫ

Генерал ХАССО фон МАНТЕЙФЕЛЬ

Секретное совещание

«Господа, до начала совещания я должен предложить вам внимательно прочитать этот документ и затем расписаться на нем, полностью указав свое имя и фамилию».

Эти слова были произнесены начальником штаба оперативного руководства вооруженными силами генерал-полковником Иодлем 3 ноября 1944 г. Я предполагал, что совещание будет просто обычной встречей командующих тремя армиями, которые обороняли северный участок Западного фронта. Эти три армии входили в состав группы армий «Б», которой командовал фельдмаршал Модель. Совещание происходило в штабе Моделя. Однако достаточно было только мельком взглянуть на документ, переходивший из рук в руки, чтобы тотчас же увидеть, что совещание обещает быть интересным. Каждый из присутствовавших должен был дать обязательство хранить в тайне то сообщение, которое собирался сделать нам Иодль. В случае нарушения кем-либо из нас этого обязательства, говорилось в документе, мерой наказания будет смертная казнь. Мне часто приходилось присутствовать на секретных совещаниях, проходивших под руководством Гитлера в Берхтесгадене и «Логовище волка» как до, так и после событий 20 июля 1944 г. Однако мне еще не приходилось видеть документа, подобного тому, на котором я расписался. Было ясно, что предстояло нечто совершенно из ряда вон выходящее.

И действительно — Иодль сделал небольшой группе генералов исключительно важное сообщение. Фельдмар-

шалы фон Рундштедт и Модель были введены в курс дела за несколько дней до этого совещания. По мере того как я слушал Иодля, мое удивление возрастало. В течение последних недель все части и соединения моей 5-й танковой армии вели крайне тяжелые оборонительные бои в районе Хейнсберг — Ахен, к югу от Рурмонда, и обстановка становилась критической. 21 октября пал Ахен. Следовало предполагать, что американцы разовьют свой успех и нам придется ожидать новых сильных ударов по обороне 5-й танковой армии.

И тем не менее Иодль выступил с проектом плана «решающего наступления», которое предстояло предпринять против западных союзников на участке группы армий «Б». Он выглядел переутомленным и был раздражен. О принужденности, которую он чувствовал, излагая нам этот план, можно было судить по тому, что он слишком часто повторял, что все сказанное им есть результат «твердого решения фюрера».

В августе этого года Гитлер, наконец, понял, что наши армии на Западе разгромлены и что, продолжая бои перед «Западным валом», мы выигрываем только время. Тогда он решил, что ход операций должен быть организован таким образом, чтобы наш предстоящий отход за «Западный вал» стал подготовительным этапом контрнаступления. Даже в самые критические моменты сражений во Франции, Бельгии и Голландии он неоднократно отдавал приказы о местных контратаках с ограниченными целями, чтобы вырвать инициативу у противника. Но как мы увидели в сентябре, эти непрерывные мелкие контратаки не создавали, да и не могли создать такой обстановки, которая позволила бы предпринять контрнаступление в большем масштабе. По сути дела ни на одном из участков Западного фронта нам не удалось вернуть инициативу. Единственное, чего можно было достигнуть ограниченными силами, находившимися в нашем распоряжении, — это заткнуть дыры в нашей слабой обороне. Поэтому решено было подтянуть свежие соединения и после прорыва обороны противника ввести их в действие. Тем самым боевым действиям снова был бы придан маневренный характер, «чтобы (как сейчас нам сообщали) добиться решающего перелома на этом театре военных действий и даже в ходе всей войны в целом».

Гитлер приказал произвести оценку сил противника, а также людских ресурсов и боевой техники, имевшихся в нашем распоряжении внутри Германии и годных для отправки на Западный фронт. Основываясь на полученных им данных, Гитлер сделал вывод, что есть возможность повернуть ход событий в обратную сторону. Удар, не состоявшийся на подступах к «Западному валу», планировалось нанести непосредственно с «Западного вала». Иодль далее сообщил, что наступление, приказ о котором отдал Гитлер, должно быть предпринято на том участке, где «прорыв наличными силами будет гарантирован. Ввиду малочисленности сил противника в Арденнах верховное командование решило, что участок Монжуа — Эхтернах является самым подходящим. Наступая, противник понес тяжелые потери, его резервы расположены главным образом непосредственно за линией фронта, а положение со снабжением очень напряженное. Противник не имеет эшелонированной обороны, к тому же он вовсе не ожидает наступления немцев, а тем более на этом участке. Используя элемент внезапности и метеорологические условия, которые не позволят противнику поднять в воздух его авиацию, мы можем рассчитывать на быстрый прорыв фронта. Такой прорыв создаст возможность для использования наших танковых сил, которые быстро захватят плацдармы на противоположном берегу р. Маас между Льежем и Намюром и затем, обойдя Брюссель с востока, неудержимо устремятся к Антверпену».

Предполагалось, что форсировав Маас, наши танковые силы перережут тыловые коммуникации американских войск, которые, как считалось, проходят через Маасскую долину. С выходом наших танков в район Брюсселя — Антверпена будут поставлены под угрозу и коммуникации английской 21-й группы армий, а после захвата Антверпена эти коммуникации будут перерезаны. Противник еще не успел полностью использовать возможности этого крупного порта, имеющего такое важное значение для операций на континенте Европы. Но вскоре он сделает это, и тогда вся масса живой силы и техники, доставляемая через антверпенский порт, обрушится на нас. В случае же захвата немецкой армией Антверпена сложится обстановка, которая позволит нам со всех сторон атаковать американские войска и английскую 21-ю группу армий, отрезанные (в данных обстоятельствах) от своих баз

снабжения. Это приведет к разгрому 25—30 дивизий союзников. В случае успеха можно будет уничтожить или захватить огромное количество различной боевой техники, сосредоточенной в этом районе для обеспечения обычных операций, а особенно для предстоящего наступления противника на «Западный вал».

Охарактеризовав таким образом чисто военные цели операции, Иодль указал на другие преимущества, которые Гитлер надеялся получить в случае удачного исхода контрнаступления. Планы союзников будут расстроены на длительный срок, и противнику придется произвести принципиальный пересмотр своей политики. Эта задержка заставит военных руководителей отложить необходимые контрмеры. Сам Гитлер во время разговора, который состоялся у меня с ним 2 декабря, подробнее изложил то, что я узнал от Иодля. Он сказал мне, что видит некоторое несоответствие между намерением захватить такой удаленный объект, как Антверпен, и возможностями войск, призванными выполнить эту задачу. И тем не менее он заявил, что именно сейчас настал момент поставить на карту все, «ибо Германии необходима передышка». По его мнению, даже частичный успех задержит осуществление планов союзников на восемь—десять недель и даст Германии желанную передышку. Временная стабилизация Западного фронта даст возможность верховному командованию перебросить войска с Запада на наиболее опасный — центральный — участок Восточного фронта. Гитлер считал, что успешная операция в данный момент не только повысит моральное состояние немецкого народа, но и повлияет на общественное мнение в союзных странах. «Я исполнен решимости, — продолжал Гитлер, — провести эту операцию, пренебрегая риском. Даже если удары союзников в районе Меца и в направлении на Рур приведут к большим потерям нашей территории и укрепленных позиций, я все же намерен осуществить это наступление».

Из этих слов видно, с каким упрямством цеплялся Гитлер за свой план. Ради него он был готов пожертвовать даже тем принципом, который раньше был для него руководящим, а именно: требованием не отдавать врагу ни пяди земли. Возвратимся, однако, к совещанию 3 ноября. Иодль информировал нас о силах, которые, по предположению Гитлера, будут достаточны для наступ-

ления. Эти силы частично состояли из войск, действовавших на нашем участке фронта уже некоторое время или недавно введенных в бой. Их следовало отвести в тыл, дать им время для отдыха, а затем пополнить их потери в технике. Другую часть наступающей группировки должны были составить новые соединения, формируемые в Германии. Однако эти свежие войска можно было бы получить только в том случае, если бы Гитлер намеревался коренным образом изменить общие установки относительно ведения войны. А именно это он неоднократно отказывался сделать. Он не решался произвести какие-либо изменения в стратегии или же отдать необходимые распоряжения тем войскам, которые не были непосредственно связаны с планируемым наступлением. Ему не хватало твердости, чтобы забрать у авиации, флота и армии резерва те силы и средства, которые намечалось использовать для проведения операций на других театрах военных действий, хотя этим операциям не суждено было бы осуществиться в случае провала планируемого наступления на Западе. С приближением своего конца диктатор не мог или не хотел отдать приказ о сосредоточении сил и средств, необходимых для создания такой группировки, которая была бы в состоянии сокрушить фронт противника.

Иодль следующим образом изложил задачи армий, намечаемых для проведения наступления.

6-я танковая армия СС под командованием генерал-полковника войск СС Зеппа Дитриха должна была захватить переправы через р. Маас в районе г. Льежа и переправы через р. Везер. Затем она должна была создать прочную оборону, используя восточные укрепления Льежа. После этого ей предстояло форсировать канал Альберта на участке между городами Маастрихт и Антверпен. На последнем этапе 6-й армии надлежало продвинуться в район к северу от Антверпена.

5-я танковая армия под моим командованием должна была форсировать р. Маас на участке между городами Амей (к западу от Льежа) и Намюр. Затем ей предстояло прикрыть тыл 6-й танковой армии СС от атак резервов противника, перебрасываемых с запада по линии Антверпен — Брюссель — Намюр — Динан.

7-я армия под командованием испытанного боевого генерала Бранденбергера обеспечивала прикрытие юж-

ных и юго-западных флангов войск, участвующих в операции. Задача 7-й армии — выйти на рубеж р. Маас и ее приток Семуа.

Далее нам сообщили, что верховное командование собирается координировать удар группы армий «Г», наносимый в северном направлении, с ударом группы армий «Б» в Арденнах на фронте 12-го танкового корпуса СС (на участке между Ситтардом и Гейленкирхеном). Предполагалось нанести удар по флангу сильной группировки войск противника, которая, как считали, должна была атаковать правый фланг 6-й танковой армии СС.

Намечался следующий состав трех наших армий:

6-я танковая армия СС — четыре танковые дивизии СС и пять пехотных дивизий;

5-я танковая армия — четыре танковые и три пехотные дивизии;

7-я армия — шесть пехотных дивизий и одна танковая.

Иодль не мог сказать, какие силы будут приданы для нанесения вспомогательного удара из района 12-го танкового корпуса СС.

Резервы верховного командования должны были включать три или четыре танковые и три или четыре пехотные дивизии.

Итак, в операции намечалось использовать 28—30 дивизий.

Прорыв на всем фронте осуществлялся пехотными дивизиями. Атаку планировалось организовать таким образом, чтобы гарантировать стремительный прорыв оборонительных позиций противника, а затем ввести в бой танковые войска на начальном этапе операции. Использовав успех первого удара, танки должны были войти в бреши, пробитые в обороне противника пехотой, и продвинуться дальше на запад, глубоко в тыл противника. Важным требованием было то, чтобы танковые армии стремительным броском вышли к р. Маас. Их задачей было обходить населенные пункты или позиции, обороняемые крупными силами, не заботясь о своих неприкрытых флангах. В прошлом такая тактика с большим успехом применялась на Восточном фронте.

На совещании 3 ноября Иодль объявил дату начала наступления — 25 ноября. Новолуние благоприятствовало подготовке наступления. Период темных ночей должен

был обеспечить скрытность выдвижения войск на исходные позиции, дав возможность избежать обнаружения воздушной разведкой противника.

После того как Иодль закончил изложение плана предстоящей операции, меня первым из присутствовавших попросили высказать свое мнение. Обращаясь к фельдмаршалу фон Рундштедту, я сказал, что сейчас я, естественно, не могу еще высказать окончательного мнения, но сделаю все возможное, чтобы выйти к р. Маас и, если позволит обстановка, форсировать ее. Как я полагал, план можно будет осуществить, если будут выполнены обещания верховного командования. Помню, в какой ужас пришел Иодль, когда я заявил, что, на мой взгляд, мы едва ли сумеем начать наступление до 15 декабря. Иодль заявил, что Гитлер никогда не согласится с отсрочкой.

Затем свою точку зрения на возможный вариант решения проблемы высказал фельдмаршал Модель. С учетом сил, выделенных для проведения операции, а также обстоятельств и фактов, упомянутых мною, следовало так изменить план наступления, чтобы оно с большей вероятностью принесло быстрый успех. И вот Модель предложил, чтобы после прорыва обороны противника и выхода на оперативный простор обе танковые армии не продвигались на запад далее рубежа р. Маас, а повернули на северо-запад или север. При этом левый фланг 5-й танковой армии будет упираться в р. Маас, а 7-я армия обеспечит южный фланг наступающих войск. Одновременно немецкая 15-я армия атакует противника в районе Ситтард. Эта армия должна соединиться с войсками, наступающими с юга в районе Тонгрес, к северо-западу от Льежа. Образовавшиеся клещи замкнут в районе Ситтард—Монжуа англо-американские войска численностью до 25—30 дивизий. При благоприятном развитии событий наступление на Антверпен может быть осуществлено в соответствии с планом штаба оперативного руководства вооруженными силами.

Различие между планом, предложенным Иодлем, и планом Моделя заключалось в том, что первый план предусматривал использование ограниченных сил для выполнения очень больших задач, а Модель предлагал использовать гораздо более мощные силы для осуществления задачи, которая на ее начальном этапе была бы значительно легче. Вполне вероятно, что второй план дал бы нам возможность достигнуть р. Маас. Это позволило бы после бы-

строй перегруппировки очистить от противника район Ахена, который был вторым объектом в пределах полосы наступления. Следует указать, что такой подход к замыслу операции требовал иного распределения сил и средств и, как следствие, выбора нового направления главного удара. Для анализа нового замысла у нас еще оставалось время. И вот в результате предложений, внесенных на совещании, штаб главнокомандующего войсками Западного фронта разработал так называемый план «решения малых задач», который почти без изменения повторял вариант Моделя.

Что касается противника, то вначале я полагал, что моей армии на восточном берегу Мааса можно не опасаться сильного противодействия с северного направления. То же самое, в большей или меньшей степени, относилось и к 6-й танковой армии СС. Мы считали, что за дивизиями первого эшелона у противника имеются незначительные резервы. Поэтому, если бы нам удалось прорвать фронт противника до того, как он сумеет подбросить резервы, при продвижении к р. Маас мы встретили бы, вероятно, только слабое сопротивление противника. Гораздо больше беспокоила меня возможность нанесения противником сильного контрудара с юга. Здесь союзники могли бы подтянуть резервы из района Шампани по линии Реймс — Шалон — Шарлевиль — Седан — Монмеди, а также выдвинуть часть сил американской 3-й армии под командованием генерала Паттона, которая находилась на южном участке фронта. Если бы противнику удалось продвинуться на восток от р. Маас, нам пришлось бы считаться с наличием крупной группировки или даже главных сил противника в районе Бастони к вечеру третьего дня наступления. Противник имел в своем распоряжении первоклассную дорожную сеть, обладал высокой маневренностью и был обеспечен большими запасами горючего. Поэтому появление его резервов на поле боя можно было ожидать очень скоро.

Из этого следовало, что к вечеру четвертого дня наступления еще до подхода этих резервов 7-я армия должна была создать прочный оборонительный рубеж, проходящий далеко на запад. Мне казалось, что для этого 7-я армия не была ни достаточно сильной, ни достаточно подвижной. Не хватало ей и танков.

Моя оценка полностью совпадала с точкой зрения

командующего 7-й армией, а также, как я с удовлетворением обнаружил, и командующего группой армий «Б» Моделя. Командующий группой армий, как и я, был озабочен, но скрывал свое волнение. Модель сделал все от него зависящее для ускорения подготовки наступления, чтобы задержка не увеличила риск операции. Командуя группой армий, Модель в то же время никогда не упускал из виду практических проблем, возникавших перед теми, кто непосредственно должен был вести войска в бой. Не забывал он и о потребностях самих войск. Модель всегда с готовностью выслушивал любые предложения, если только они были обоснованы и тщательно продуманы. К войскам фельдмаршал предъявлял суровые требования, но еще более суровые требования предъявлял он к самому себе. В обоих случаях некоторая умеренность иногда бывает более полезна. Однако мне было непонятно тогда и все еще неясно сейчас, почему Модель не попытался привести в соответствие взгляды командующих двумя ударными армиями. До начала наступления он часто высказывал мне свои опасения. С точки зрения искусства вождения войск он считал ошибкой сведение всех танковых дивизий СС в одну танковую армию СС. Но Гитлеру очень хотелось, чтобы танковая армия СС соревновалась с танковой армией регулярных войск. Модель не мог или не хотел оказать давление на штаб армии СС, чтобы заставить его тесно взаимодействовать с моим штабом по таким важным вопросам, как время начала атак и др. Опыт прошлого показывал, как опасно отсутствие такого взаимодействия. Будущие события подтвердили, что я был прав и на этот раз.

Берлинское совещание 2 декабря

Возможность согласования взглядов командования и штабов двух ударных армий представлялась на совещании, проведенном Гитлером в Берлине 2 декабря. Меня, Моделя и Зеппа Дитриха вызвали в имперскую канцелярию, где мы встретили генерала Вестфаля, занимавшего в то время пост начальника штаба Западного фронта. Гитлер уже изложил свои соображения Вестфалю.

Модель, как всегда, был хорошо подготовлен и имел под рукой все необходимые фактические сведения. Сегодня у Моделя был большой день. Каждый из присутствовавших в большом конференц-зале должен был при-

знать способности Моделя, излагавшего свой мастерски разработанный план. Даже Гитлер ни разу не прервал его и явно попал под впечатление сказанного фельдмаршалом. Модель откровенно и чрезвычайно убедительно выразил свою точку зрения. Тем не менее совещание ни к чему не привело. Основной план не был изменен, а главные проблемы так и остались нерешенными. Целью наступления по-прежнему оставался Антверпен. Гитлер категорически отказался обсуждать план «решения малых задач», который он назвал планом «решения половины задач». Не было принято никакого решения также относительно вспомогательного удара, наносимого 15-й армией на северном крыле. Даже и не поднимался вопрос об усилении 7-й армии, которое предусматривалось в первоначальном плане. Наконец, сомнительным было и то, действительно ли своевременно, до начала наступления, прибудут обещанные, но все еще отсутствовавшие войска и материальные средства. Невозможно было узнать, были ли предприняты какие-либо меры, чтобы ввести противника в заблуждение на других участках фронта, а если были, то каковы их масштабы. Возникал также вопрос о тактическом маневрировании на других участках фронта с целью сковать там войска противника. Однако эта важная проблема была оставлена без внимания.

Меня не особенно удивило, что после окончания продолжавшегося семь часов совещания Гитлер еще на полтора часа задержал меня для беседы. Он, очевидно, заметил, что ни я, ни Модель не были удовлетворены результатами обсуждения. С глазу на глаз с Гитлером, если не считать присутствия одного из его адъютантов, я внес некоторые предложения, но они были несущественны и не вызвали больших изменений. Гитлер не понимал, что армия уже не та, какой она была в 1939—1940 гг. или в начале кампании в России. Его солдатам не хватало теперь не только решительности и наступательного духа, но и оружия и боевой техники всех видов. Последний вопрос, заданный мной Гитлеру, касался того, что я должен сказать моим войскам, если они спросят о роли, которую в предстоящей операции сыграют военно-воздушные силы. На нашем участке фронта в эти дни мы ни разу не видели и даже не слышали ни одного немецкого самолета. Гитлер ответил: «Авиация специально воздержи-

вается от участия в боевых действиях. Геринг доложил, что у него есть три тысячи истребителей для этой операции. Вы знаете, чего стоят доклады Геринга. Сбросьте тысячу, и все же останется тысяча для вас и тысяча для Зеппа Дитриха».

Подготовка к наступлению

Бои в районе Ахена служили прекрасной маскировкой намерений нашего верховного командования. Кроме того, они давали возможность скрыть сосредоточение войск для планируемого наступления. Дивизии располагались за линией фронта в районе Ахена таким образом, чтобы противник предположил, будто они предназначаются для ввода в бой на этом участке или же как второй вариант для контратак на случай возможного прорыва американцев к Рейну. Передвижения наших войск были организованы таким образом, чтобы эти предположения показались противнику еще более убедительными.

Командный состав немецких войск хорошо знал местность в Арденнах. Через этот район нам пришлось наступать в 1940 г. и отходить всего несколько месяцев назад. Нам были знакомы узкие, извилистые дороги и те трудности, а вернее, даже опасности, которые подстерегали на этих дорогах наступающие войска, особенно зимой и в плохую погоду. А ведь именно на зиму и плохую погоду мы и рассчитывали, планируя свою операцию. Шоссейные дороги с бесчисленными крутыми поворотами часто проходили по обрывистым скатам. Особенно трудно было обеспечить продвижение по таким дорогам артиллерии, а также понтонно-мостовых средств. Орудия и прицепы приходилось отцеплять и при помощи лебедок перетягивать через повороты. Обгон на этих дорогах был невозможен. В случае нападения с воздуха не могло быть и речи о том, чтобы укрыться в кустарниках или лесах по сторонам дорог — склоны были слишком круты. Далее, большинство наших автомобилей и все наши немногочисленные тракторы находились в плохом состоянии. Даже на удобной местности значительная часть машин не годилась для движения вне дорог. Нам приходилось учитывать вероятность многочисленных поломок автомобилей, танков и орудий.

Боевая подготовка дивизий была недостаточно высокой, а поэтому отсутствовала уверенность в том, что войска

сумеют выполнить свои задачи в борьбе с противником, обладавшим превосходством в живой силе и технике и имевшим в своем распоряжении свежие соединения, обеспеченные прекрасным питанием. Высшие командиры знали об этих недостатках наших войск. Более того, с 1942 г. наши войска не предпринимали ни одной крупной наступательной операции. Чтобы возместить этот недостаток опыта наступательных действий, следовало бы отвести дивизии в тыл, дать им отдохнуть в спокойных условиях и усиленно заняться боевой подготовкой. Гитлер позаботился о том, чтобы большинство дивизий СС отдохнуло и прошло такое обучение, но армейские дивизии были лишены этих преимуществ. Пехотные дивизии, которым отводилась решающая роль в штурме обороны противника, смогли организовать только частичную и, надо признать, недостаточную боевую подготовку новых пополнений к предстоящему наступлению. И за это никак нельзя было осуждать штабы дивизий.

В современной войне, когда такую большую роль играет техника, для обеспечения победы в бою необходима четкая организация системы снабжения. На последнем этапе войны подвоз материальных средств стал для немцев основной проблемой. Участившиеся удары бомбардировочной авиации противника по немецким железным дорогам заставляли выгружать предметы снабжения все дальше от линии фронта. Особенно много неприятностей доставлял нам Рейн. К западу от него осталось всего несколько участков железной дороги, пока еще годных для эксплуатации. Повреждения на многих из них часто вели к крушениям, и тогда приходилось посылать поезда по длинным обходным маршрутам. Многочисленные тоннели во время воздушного нападения использовались в качестве мест выгрузки или укрытий для эшелонов. Постепенно все тоннели заполнялись поездами, и поэтому, когда одни участки дороги в результате бомбардировок выходили из строя, другие, забитые поездами, тоже бездействовали. И в том и в другом случае задерживалась доставка срочных грузов. Кроме того, желая максимально увеличить пропускную способность дорог, железнодорожники с наступлением темноты или неблагоприятной погоды, приостанавливавшей действия авиации противника, направляли на запад огромное количество поездов. Иногда это приводило к полному расстройству

движения, и нередко целые эшелоны часами не прибывали к месту назначения. В таких случаях начальник тыла посылал специального офицера на розыски исчезнувшего эшелона. Обычно обнаруживалось, что поезд застрял в каком-нибудь тоннеле. Тогда приходилось формировать автоколонну, в которую перегружались грузы с эшелона. А это далеко не легкая задача. Да и вся проблема снабжения войск была чрезвычайно сложной. Длительные перебои в снабжении стали обычным явлением. Даже самые срочные грузы прибывали несвоевременно. С самого начала наступления войска обеспечивались прямо с колес, без создания каких-либо запасов. 23 декабря погода улучшилась, авиация союзников возобновила активные действия, и в результате интенсивных ударов по путям подвоза в непосредственной близости к линии фронта снабжение еще более затруднилось. В конце концов в дневное время подвоз предметов снабжения стал невозможен.

С большой тщательностью провели мы ряд мероприятий, чтобы скрыть подготовку операции. Ради сохранения тайны приходилось мириться с трудностями, создаваемыми этими мероприятиями. Маскировка и введение противника в заблуждение проводились в широких масштабах, взаимно дополняя друг друга. Так, штаб моей армии, 25 ноября отведенный, наконец, с фронта в Эйфель для подготовки наступления, был переименован в «полевую команду особого назначения». Офицеры-танкисты сняли свое обмундирование и переоделись в форму пехотинцев. Войскам был выдан древесный уголь, чтобы дым войсковых кухонь и печей не выдавал присутствия войск в лесах. Орудия на конной тяге, зенитные пушки, саперное переправочное имущество были сосредоточены за специально установленной линией, ограничивавшей движение автотранспорта в сторону фронта. Эта линия проходила примерно в десяти километрах за главной полосой обороны. Когда техника выдвигалась на исходные позиции в темное время, на линию фронта высылались ночные истребители, чтобы заглушить шум моторов двигавшихся по дорогам машин. Копыта лошадей обертывались соломой — это уменьшало стук подков по дорогам с твердым покрытием. Всякий раз, когда машина сворачивала с дороги, принимались самые тщательные меры для устранения предательских следов. Чтобы обмануть противника, части новых дивизий, прибывавших в дневное время, пе-

редвигались в северном и восточном направлении в соответствии с определенным планом.

Тщательность этих маскировочных и дезориентирующих мероприятий дала нам возможность в необходимый момент достигнуть полной внезапности контрнаступления. Противник считал невозможным наступление такого масштаба, тем более в Арденнах да еще в столь неблагоприятное время года. С точки зрения соблюдения скрытности, единственным грубым упущением с нашей стороны было проведение подготовительных мероприятий всех видов на рубеже Рейна и к востоку от него. Создание там запасов предметов снабжения должно было причинить нам серьезные неприятности. Я заблаговременно предупредил об этом Гитлера и настаивал, чтобы он лично издал специальный приказ о выделении для перевозки этих запасов достаточного количества автомобильного транспорта. Он записал все сказанное мною, однако автотранспорт, более срочно понадобившийся на других участках Западного фронта, не поступил в наше распоряжение.

Что касается морального состояния наших войск, то оно, конечно, ухудшилось после наших поражений прошлого лета. В последнее время боевой дух войск, правда, снова поднялся в результате успешной обороны на рубеже р. Рур против значительно превосходящих сил противника. Наши солдаты знали, что теперь они несут историческую «вахту на Рейне». Восхищение и уважение вызывало у солдат гражданское население, которое независимо от пола и возраста долгие часы работало под лавиной бомб, обрушивавшихся на немецкие города, и солдаты были преисполнены решимости защитить его.

В армии сейчас не были сильны коммунистические настроения, как в 1918 г. В своей массе солдаты все еще верили в Адольфа Гитлера. Так или иначе, думали они, а он снова сотворит чудо, хотя бы при помощи обещанного удивительного оружия и новых подводных лодок или каким-нибудь другим образом. А сейчас нужно было выиграть время. Даже если солдаты и были недовольны (а небольшая часть действительно была недовольна), хватка фашистского режима слишком цепко удерживала как гражданское население, так и армию, чтобы исключить восстание как реальную возможность. Более того, требование «безоговорочной капитуляции» для основной массы войск, казалось, не оставляло никакого иного выхода, как

сражаться до конца. В армии был хороший офицерский состав, и войска доверяли своим начальникам. По сути дела перед наступлением в Арденнах боевой дух был настолько высоким, насколько можно было ожидать, и это обстоятельство до некоторой степени возмещало нашу относительную слабость в живой силе и технике.

Командный состав понимал, что Арденны — это наш последний шанс, и сознавал, какие последствия будет иметь провал наступления. Так и произошло. После нашего поражения войска едва могли обороняться, и если мы все-таки продолжали воевать, то это объяснялось только духовной силой действующей армии.

Ход событий на фронте группы армий «Б»

В течение второй половины ноября группа армий Моделя продолжала вести ожесточенные бои в районе к востоку от Ахена на участке фронта Вюрзелен—Штольберг. Обе стороны понесли тяжелые потери. Американским танкам удалось прорваться через оборонительные сооружения «Западного вала» возле Валлендорфа. Несмотря на то что наши войска ликвидировали этот прорыв, было доказано, что «Западный вал», обороняемый теми силами, которые тогда имелись у нас, не был тем «неприступным бастионом», каким его представляли наши пропагандисты.

Намерения американцев были ясны. Они хотели расширить участок своего прорыва через «Западный вал» и и овладеть двумя большими плотинами через р. Рур и р. Урфт. Стремление захватить эти сооружения вызывалось тем, что для немцев они были выгодными оборонительными рубежами. Стоит немцам открыть водосбросы плотин, уровень воды в Руре поднимется, и она выйдет из берегов. Это крайне затруднило бы союзникам форсирование реки, особенно если бы немцы удерживали сильные оборонительные позиции на восточном берегу.

Контратака позволила сорвать эту попытку расширения прорыва. Теперь было ясно, что союзникам не удастся быстро осуществить внезапный прорыв к Рейну на участке Кельн — Дюссельдорф. С другой стороны, — и это имело для нас решающее значение в связи с предстоящей операцией, — свой главный удар союзники по-прежнему собирались нанести в районе Ахена. Именно здесь они готовы были вести крупные бои, чтобы перемолоть нашу живую силу. На этом направлении от противника следо-

вало ожидать возобновления столь же яростных атак, как и те, что происходили в течение последних нескольких недель. Наступательные действия вновь начались 16 ноября и в течение нескольких дней распространились на весь район Гейленкирхен — Эшвейлер — Штольберг. 22 ноября пал Эшвейлер, мужественно оборонявшийся частями 12-й пехотной дивизии народного ополчения и 3-й мотопехотной дивизии. Однако линию фронта противнику прорвать не удалось. Вражеские войска находились вблизи р. Рур, и имелись все основания полагать, что усиленные атаки будут возобновлены почти немедленно. В этом случае было маловероятно, что английская 21-я группа армий, расположенная в районе Неймегена, не примет участия в сражении.

Таким образом, главная опасность угрожала на прежнем направлении. Она стала еще более грозной, чем когда-либо. Следующий удар должен был оказаться решающим. Однако и противник понес тяжелые потери, что подтверждалось появлением новых дивизий за фронтом противника в районе Ахена. Введение этих дивизий в действие ослабляло резерв центральной группировки. Последнее обстоятельство было выгодно для нас. Вторым выгодным для нас обстоятельством было то, что американцы перебросили свои 2, 4 и 28-ю пехотные дивизии, понесшие сильные потери в недавних боях, как раз на тот участок фронта в Арденнах, который мы должны были атаковать. Эта перегруппировка увеличивала вероятность нашего успеха, и главный штаб вооруженных сил истолковал ее как доказательство своей точки зрения, что «противник выдыхается».

С другой стороны, цена, которую нам пришлось заплатить за эту благоприятную обстановку, была слишком высокой. Мы понесли тяжелые потери, а наши войска были сильно измотаны. Противник продолжал атаковать на различных участках по всей линии фронта, и одна кризисная ситуация сменялась другой. Поэтому возникла необходимость использовать резервы, выделенные для нашего наступления. Другие дивизии, предназначавшиеся для участия в наступлении, тоже нельзя было отвести с фронта: они продолжали вести бои, и их силы таяли. По этим причинам намеченные планом отдых и обучение войск, которым предстояло участвовать в наступлении, удалось осуществить в ограниченном масштабе. В некоторых случаях отдельные дивизии невозможно было вы-

вести из боя, и им пришлось от обороны сразу же перейти к наступлению.

Все это требовало от командиров огромного напряжения сил. На первое место приходилось выдвигать подготовку к наступлению, не позволяя себе поддаваться естественному желанию оказать помощь войскам, ведущим ожесточенные бои на фронте. В связи со строгими мерами по обеспечению секретности подготовки нельзя было разъяснять сражающимся войскам, почему им отказывают в помощи.

В декабре 10-я танковая армия заняла тот участок фронта, на котором должно было начаться наше наступление и который до этого удерживался 7-й армией.

7-я армия провела тщательную подготовку к наступлению, что в значительной степени предопределило успех обеих ударных армий.

Речь Гитлера

Весь участвовавший в предстоящей операции начальствующий состав, включая командиров дивизий, 11 и 12 декабря был вызван Гитлером в его резиденцию под названием «Орлиное гнездо», возле Цигенберга, земля Гессен. Я и командиры двух моих танковых корпусов прибыли 11 декабря. В «Орлином гнезде» мы встретились с фельдмаршалами Рундштедтом и Моделем. Генерал-полковник войск СС Зепп Дитрих уже был там.

Кроме армейских генералов, были вызваны генералы СС и командиры танковых дивизий СС. Стульев не хватило, и генералы СС услужливо уступили места своим старшим армейским коллегам, а сами остались стоять. Тогда у некоторых армейских генералов создалось впечатление, что к каждому из них приставлен офицер СС. Разумеется, это было заблуждением.

Состав собравшихся был очень пестрым. На одной стороне зала сидели генералы — опытные солдаты, многие из которых прославили свои имена в прошлых сражениях, все прекрасные специалисты, люди, уважаемые своими войсками. Напротив них расположился верховный главнокомандующий вооруженными силами — сутулая фигура с бледным, одутловатым лицом, сгорбившаяся в кресле. Руки у Гитлера дрожали, а левая то и дело судорожно подергивалась, что он всячески старался скрыть. Это был больной человек, явно подавленный бременем

своей ответственности. Его физическое состояние заметно ухудшилось со времени нашей последней встречи в Берлине, которая состоялась всего девять дней назад. Когда Гитлер ходил, он заметно волочил одну ногу.

Рядом с ним сидел Иодль, уже старик, переутомленный, изнуренный чрезмерным трудом. Раньше у него было натянутое выражение лица, чопорная осанка. Теперь, истощенный духовно и физически, он выглядел иначе. Когда он разговаривал с офицерами, собиравшимися небольшими группами, в его голосе проскальзывали нетерпеливые и раздражительные нотки. Судя по виду Кейтеля, он не столь усиленно, как Иодль, занимался разработкой планов и разносторонней подготовкой к «решающей» операции.

Свою речь, продолжавшуюся полтора часа, Гитлер начал тихим, нетвердым голосом. Постепенно он стал говорить более уверенно, и это отчасти сгладило первое впечатление, которое произвел его вид на тех, кто не встречался с ним в последние месяцы и хорошо не знал. И все-таки казалось, что мы слушаем тяжело больного человека, страдающего полным расстройством нервной системы.

Он не сказал ничего нового для меня — все это я уже слышал раньше. Речь Гитлера вызвала разочарование у большинства присутствовавших генералов, включая и меня, по той причине, что ему решительно нечего было сказать по вопросу, который интересовал нас в первую очередь на данном этапе подготовки контрнаступления, а именно: какие шаги предприняло верховное командование, чтобы преодолеть недостатки, столь сильно ощутимые уже сейчас, когда до начала операции осталось несколько дней. Вопреки моим ожиданиям, ни Гитлер в своей речи, ни Иодль в своем сообщении, сделанном позднее, даже не попытались рассеять наши опасения в связи с предстоящим наступлением. Однажды сам Гитлер сказал, что предварительным условием успешной операции является «формирование для целей наступления свежих, вполне боеспособных соединений». Это условие было выполнено только частично, несмотря на все попытки главнокомандующего войсками Западного фронта увеличить численность войск. Хотя Рундштедту в известной степени удалось усилить свои войска, он все же не мог создать ударную группировку такого состава, какой был

необходим для действий на направлении нашего главного удара. В результате берлинского совещания 2 декабря и двух визитов, которые нанес мне в моем штабе министр вооружений и боеприпасов Шпеер, мне стало ясно, что ударные армии получили столько предметов снабжения и боевой техники, сколько в данных обстоятельствах могло быть произведено в Германии.

Во время совещания 11 декабря я не мог избавиться от впечатления, что, вопреки настойчивым донесениям старших военачальников, Гитлер и его свита нарисовали себе слишком оптимистическую картину нашей боевой мощи. В тот момент я был не в состоянии сказать, в какой степени они приукрашивали эту картину, так как не знал, да и не мог знать, общей политической и военной обстановки. Информация о силах противника, которой я располагал, тоже была отнюдь не полной.

Снова мы остро ощутили отсутствие советника, представляющего одновременно армию, авиацию и флот и обладающего достаточным авторитетом, чтобы передать Гитлеру общее мнение всех вооруженных сил.

На этом совещании я пришел к выводу, что единственным обстоятельством, благоприятствующим контрнаступлению, было состояние противника, оцененное лично Гитлером. По его мнению (а он один имел доступ ко всем разведывательным материалам), операция должна была иметь успех. Гитлеру удалось убедить собравшихся, что планируемое наступление будет иметь решающее значение. Основной тезис Гитлера состоял в том, что каждое соединение, каждая часть должны стремительно продвигаться вперед, не обращая внимания на фланги.

После совещания мы возвратились к своим войскам. Вместе с солдатами мы пошли в бой, исполненные решимости сражаться до конца и готовые, если это будет необходимо, умереть.

Общие замечания о ходе операции

Сражение в Арденнах распадается на несколько этапов. Чтобы лучше понять ход операции, целесообразно перечислить эти этапы, прежде чем начать подробный анализ боевых действий.

Первый этап. Первый удар был поразительно успешным. Однако продвинуться удалось не так глубоко, как предполагалось, особенно на правом фланге.

Второй этап. На третий — четвертый день операции вступили в бой резервы союзников, главным образом против южного фланга атакующей группировки. Это вызывало у нас тревогу.

Третий этап. 20 декабря значительно ухудшилась обстановка на всем южном фланге 7-й армии. Это был поворотный момент в ходе операции. Но части 5-й армии, наступавшие на центральном участке, продолжали продвижение до 24 декабря, и небольшие силы немецких войск в определенный момент находились всего в 5 километрах к востоку от Динана. Вследствие этого центр тяжести операции переместился в полосу наступления 5-й танковой армии.

Наступление в районе Монжуа — Мальмеди провалилось, наступавшие войска были расколоты. Усилился ответный натиск противника с северо-запада.

На всех трех этапах операции противник продолжал удерживать г. Бастонь, являвшийся узлом дорог. Ввиду отсутствия у немцев резервов, а также из-за путаного руководства для окружения г. Бастонь пришлось брать войска из ударной группировки. Это значительно ослабило темп наступления в направлении р. Маас.

Четвертый этап. 24 и 25 декабря роли изменились: атакующий стал атакуемым. Немецкие войска перешли к обороне. Гитлер запретил 12-му танковому корпусу СС 5-й армии наступать на участке Маастрихт — Херлен, а это было необходимо для того, чтобы ослабить давление противника на участке южнее этого рубежа. Наоборот, по приказу Гитлера подвижные войска из полосы наступления 12-го танкового корпуса СС были переброшены на юг и введены в Арденнское сражение в тот момент, когда появились первые признаки обходного движения войск противника.

Бои за Бастонь вынудили направить туда войска, взятые у 6-й танковой армии СС.

Пятый этап. В течение нескольких дней натиск противника неуклонно нарастал. Определились два основных направления контрудара противника, а именно: с северо-запада — против северного фланга и с юго-запада — против южного фланга. В ходе тяжелых боев непрерывно усиливалась активность авиации союзников, а их войска вклинились в боевые порядки частей, действовавших на флангах наших армий.

Шестой этап. Обстановка стала критической. Арденнское сражение превратилось для немцев в оборонительное. Мы понесли тяжелые потери в живой силе и технике. Снабжение осуществлялось с перебоями. Ввиду господства в воздухе авиации противника совершенно невозможно было подвозить горючее.

В начале января Бастонь была деблокирована. Стало ясно, что операция провалилась. Фельдмаршал Рундштедт предложил быстро отвести войска на исходные позиции. Однако Гитлер приказал отходить медленно, с боями.

Седьмой этап. Противник оказывал сильное давление на наши фланги. Опасность окружения стала угрожающей. 13 января 1945 г. началось большое русское наступление, и верховное командование вынуждено было перебросить войска с Западного фронта на Восточный, причем это коснулось и группировки, сражавшейся в Арденнах. 6-я танковая армия СС в полном составе была выведена из боя и направлена на Восток.

Восьмой этап. Чтобы скрыть вывод из боя 6-й танковой армии СС, все войска наступавшей группировки 25 января были отведены назад, на рубеж, находившийся перед оборонительными позициями, на которых располагались наши войска до начала наступления. В этот момент противник начал продвигаться к плотинам — верный признак того, что скоро он станет форсировать р. Рур. Одновременно английская группа армий готовилась перейти в генеральное наступление в излучине нижнего Рейна.

Оборонительная мощь немецких войск на Западе была решительно подорвана. Мы потеряли последнюю стратегическую возможность удерживать оборону по р. Рейн.

Ниже я дам общее описание хода событий на фронте 5-й танковой армии. Такой порядок изложения принят мною в связи с тем, что с первого дня Арденнского сражения именно эта армия решала основные задачи операции. Боевые действия 5-й армии в значительной степени повлияли на ход всей операции.

Бои в районе Шне — Эйфель и Сен-Вит

Ночь с 15 на 16 декабря 1944 г. была темная и морозная. Артиллерия противника проявляла обычную активность, а его пехота бездействовала. Это дало нам основания полагать, что подход и сосредоточение наших войск

прошли незамеченными. Детальная подготовка и решительная тактика при атаке дали хорошие результаты. Наша пехота атаковала мелкими подразделениями и в большинстве мест сумела прорвать фронт противника. Многие опорные пункты на участке вблизи Эйфеля были обойдены. Уже к середине дня мы имели основания считать, что первый этап наступления на данном участке успешно завершен. Однако пехота нуждалась в поддержке самоходной артиллерии, так как она встретила трудности в преодолении препятствий, созданных противником на подступах к «Западному валу».

Согласно плану операции на центральном участке Шне — Эйфель никаких действий не предпринималось. Предполагалось, что в результате нашего маневра противник сам оставит свои позиции, и он действительно вынужден был это сделать.

Левый фланг 66-го армейского корпуса продвигался к Эйфелю значительно медленнее, чем ожидалось. Это ставило под угрозу план быстрого окружения группировки противника в районе Шне — Эйфель, что было важным предварительным условием для следующего этапа наступления через Шёнберг к Сен-Виту. Сен-Вит, находящийся в центре довольно развитой дорожной сети, был на этом направлении таким же важным пунктом, как Бастонь на левом фланге 5-й армии.

События этого дня в полосе наступления армейского корпуса, продвигавшегося на правом фланге армии, разочаровали нас. Корпус не выдержал сроков установленного мною плана. Я надеялся, что упущенное время можно будет наверстать, продолжив наступление ночью. Поэтому ночь с 16 на 17 декабря я провел в штабе 18-й пехотной дивизии народного ополчения, от энергичных действий которой зависел успех на этом участке фронта. Благодаря решительности командира дивизии утром 17 декабря его войскам удалось захватить Шёнберг. Этот успех свидетельствовал, казалось, о том, что корпус начинает наверстывать время. Но дальнейшее развитие событий не оправдало наших надежд. Несмотря на отличные действия солдат и командиров всех степеней, пехотный корпус был не в состоянии своими силами нанести удар необходимой мощи и в такие сроки, которые обеспечили бы взаимодействие с двумя танковыми корпусами армии. Корпус не смог быстро захватить и г. Сен-Вит — важный

узел дорог, опорный пункт всей системы обороны противника. Захват этого пункта был необходим для обеспечения левого фланга 6-й танковой армии СС. Войска противника, которым угрожало окружение в районе Шне — Эйфель, атаковали левый фланг корпуса и прорвались к своим. Это задержало корпус, и захватить г. Сен-Вит 17 декабря не удалось.

Правофланговая дивизия корпуса, до сих пор действовавшая успешно, теперь попала в трудное положение, причем без всякой вины с ее стороны. 6-я танковая армия СС, наступавшая справа от этой дивизии, продвинулась только незначительно, и поэтому противник мог обстреливать открытый правый фланг дивизии.

Такие события, как задержка наступления 66-го армейского корпуса и неудача правого соседа, который не смог обеспечить одновременного продвижения своих войск, происходили и в соединениях 6-й танковой армии СС, наступавших севернее. Не могло быть и речи о вводе в прорыв танковой армией СС своих подвижных соединений в первый же день сражения. Продвижение правого фланга этой армии вскоре застопорилось в результате действий на севере американской 9-й армии. Немецким войскам, наступавшим на этом фланге, не удалось захватить даже Монжуа. Армия СС не имела никакого успеха в центре своей полосы наступления, а на участке между Монжуа и пунктом южнее Мальмеди захватила только очень небольшую территорию. Все это означало, что у танковой армии СС на захваченной ею территории не хватало дорог, чтобы обеспечить продвижение своих войск к р. Маас. Следовательно, 6-й танковой армии СС придется использовать дороги в полосе наступления 5-й танковой армии совместно с войсками этой армии. Это означало, что дороги будут забиты войсками и машинами и что возникнут новые задержки. Пять дивизий 6-й танковой армии СС вскоре было сковано противником в тяжелых боях, происходивших с переменным успехом в районе Эльзенборн — Кринкельт. Передовое соединение этой армии — 1-я танковая дивизия—продвинулось вперед в район западнее и юго-западнее Мальмеди, где перед ним возникла угроза окружения. Продвижение этой дивизии не имело никакого значения для развития боевых действий на других участках фронта 6-й танковой армии СС.

Никакого влияния на общий ход наступления не оказала и парашютнодесантная операция под названием «Хоес Венн», проведенная по приказу Гитлера. Планируя наступление, Гитлер решил (по-моему, совершенно правильно) не использовать парашютнодесантные войска. Он считал, что немецкая авиация будет не в состоянии успешно провести воздушнодесантную операцию. Более того, успех наступления ставился в зависимость от плохой погоды, при которой, конечно, почти невозможно применять парашютнодесантные войска. Однако по особому желанию фельдмаршала Моделя было решено выбросить парашютный десант, хотя и не там, где он хотел. Штаб группы армий «Б» просил, чтобы десант был выброшен в районе Кринкельта. Он должен был оказать наземным войскам содействие в прорыве обороны противника на этом участке, который считался сильно укрепленным. Вместо этого парашютный десант был сброшен севернее Мальмеди с задачей занять оборону фронтом на север.

Не имела успеха и операция «Грейф», проводившаяся по приказу верховного командования. План этой операции предусматривал использование войск, переодетых в американскую форму. Они должны были способствовать прорыву фронта противника, затем на р. Маас захватить мосты до того, как противнику удастся взорвать их. При благоприятной обстановке войска этой группы должны были захватить мосты самостоятельно. Провал этого плана был неизбежен, так как обеспечить тщательную и своевременную координацию действий этой группы с главными силами не удалось. Мы не смогли провести самых необходимых подготовительных мероприятий, ибо даже командующие армиями получили только частичную информацию о размерах и планах операции «Грейф». Судя по тому, как организовывалась и проводилась эта операция, она была детищем самого Гитлера, которым он необычайно гордился.

Командование группой «Грейф» было возложено на офицера СС Скорцени — того самого, который возглавлял смелую и успешную операцию по освобождению Муссолини из заключения в Гран Сассо. Теперь перед Скорцени поставили задачу сформировать и возглавить 150-ю танковую бригаду, получавшую приказы и указания непосредственно от Гитлера. Войскам было приказано направлять в эту бригаду, формируемую в Германии,

трофейное оружие, танки и автомобили. При этом командующих не поставили в известность о предполагаемом боевом составе бригады. Когда главнокомандующий войсками Западного фронта получил запрос о направлении в эту бригаду трофейного обмундирования, он отказался удовлетворить его. Он даже настаивал на том, чтобы верховное командование гарантировало, что действия этой бригады не выйдут за пределы обычной, допустимой военной хитрости. Верховное командование дало по этому поводу специальные заверения.

Операция «Грейф» не оказала влияния на действия главных сил, ибо противник своевременно узнал о ней. 16 декабря был захвачен в плен офицер 66-го армейского корпуса, направлявшийся из штаба корпуса на фронт. Этот офицер имел при себе несколько экземпляров боевых приказов группе «Грейф», которые он не смог уничтожить до того, как попал в руки противника. Таким образом, как мы узнали от нашей службы радиоперехвата, американцы получили возможность предупредить свои войска об этой операции. После окончания войны значение операции «Грейф» было чрезвычайно преувеличено.

Но возвратимся к сражению в Арденнах. Обстановка складывалась следующим образом. На правом фланге 6-я танковая армия СС, которой Гитлер отвел главную роль, оказалась неспособной быстро продвинуться к р. Маас. Ее командующий был так подавлен неудачами, что целыми днями не раскрывал рта. Штаб 6-й танковой армии СС явно не мог справиться с усложнившейся обстановкой. За безрассудные действия верховного командования, создавшего 6-ю танковую армию СС, приходилось расплачиваться дорогой ценой. Дороги в полосе наступления 6-й танковой армии были забиты войсками, и штаб не знал, как выпутаться из затруднений с передвижением войск и техники. Младший командный состав этой армии не имел боевого опыта, необходимого для поддержания высоких темпов наступления. В результате возникали роковые задержки. Особенно упорное и решительное сопротивление противник оказал в районе Эльзенборн — Кринкельт. Совершенно забыв о своей главной задаче, 6-я танковая армия СС ввела в бой на этом участке крупные силы. Завязались яростные бои, в ходе которых мы понесли тяжелые потери. Пришлось усиливать войска, действовавшие на данном участке, а это не имело ника-

кого смысла. Когда наступающие войска натолкнулись на упорное сопротивление противника, правильнее всего было бы блокировать позиции противника и продолжать продвижение на запад как можно более крупными силами.

Ночь с 17 на 18 декабря мне пришлось провести в расположении соединений моего правофлангового пехотного корпуса (в течение дня я был в Дасбурге, поддерживая непосредственный контакт с командирами двух моих танковых корпусов), так как судьба всей операции в то время решалась на правом фланге, где проходила разграничительная линия между 5-й танковой армией и 6-й танковой армией СС. Я надеялся, что, находясь в штабе 18-й пехотной дивизии народного ополчения, смогу оказать личное влияние на ход наступления на г. Сен-Вит. По пути в этот штаб вечером 17 декабря я встретил фельдмаршала Моделя. Как и я, он шел пешком, ибо в хаосе, царившем на дорогах к востоку от Шёнберга, ноги были более быстрым средством передвижения, чем автомобиль. Модель сказал, что завтра, то есть 18 декабря, он временно выведет из резерва бригаду «Фюрербеглейт» для участия в наступлении на Сен-Вит. И ему и мне очень не хотелось вводить в бой эту танковую бригаду для поддержки 66-го армейского корпуса, так как в этом случае бригада не будет в состоянии выполнить какие-либо другие задачи. Между тем использование ее на другом участке фронта могло бы определить успех всего наступления. Но захват Сен-Вита имел очень важное значение не только для моей армии, но и — в еще большей степени — для 6-й танковой армии СС.

Согласившись ввести эту бригаду в бой за Сен-Вит, я надеялся, что это превосходное, отлично оснащенное соединение, включившись в наступление всеми своими силами, сможет быстро решить исход сражения на данном участке фронта. Однако переход оказался настолько трудным, что бригада не смогла прибыть на фронт 18 декабря и вступила в бой только 19 декабря. Уже 20 декабря ее действия оказали решающее влияние на ход боя, и в ночь с 21 на 22 декабря войска противника, которые сражались очень храбро, оставили город под натиском 66-го корпуса.

Американцы сумели использовать оборону Сен-Вита и подступов к нему и изменить обстановку в этом районе в свою пользу. Им удалось сковать здесь гораздо больше наших войск, чем мы предполагали. Немцам пришлось

ввести в бой танковое соединение, предназначавшееся для действий на другом участке. Но еще важнее было то, что оборона Сен-Вита дала противнику время для укрепления оборонительных позиций в районе Салма и тем самым для прикрытия своего северного фланга. Несмотря на неоднократные попытки, немцам так и не удалось прорвать созданную там оборону.

Продвижение к реке Маас и первый этап осады Бастони

Два танковых корпуса 5-й танковой армии — 57-й на правом фланге и 47-й на левом — прорвали фронт обороны противника, создав условия для продвижения на запад. Правда, после первого успеха правый фланг 58-го танкового корпуса немедленной контратакой противника был отброшен назад, на восточный берег р. Ур. Эта неудача возмещалась, однако, неожиданным успехом на левом фланге корпуса. Здесь корпусу удалось не только форсировать р. Ур, но и быстро развить первоначальный успех, захватив 10 декабря плацдарм, которому суждено было сыграть важную роль на последующем этапе. 560-я пехотная дивизия народного ополчения, состоящая из очень молодых солдат, впервые участвовавших в бою, достигла выдающихся результатов вопреки плохой погоде и негодным дорогам. Однако 116-я танковая дивизия, следовавшая за 560-й дивизией во втором эшелоне, не смогла переправиться через реку в ночь с 16 на 17 декабря. Тогда эту дивизию попытались переправить по мосту, захваченному соседним соединением, которое действовало южнее. Попытка удалась, хотя на переправе скопилось слишком много войск. 57-й танковый корпус, действовавший на левом фланге моей армии, без особых затруднений форсировал р. Ур и занял передовые позиции американцев. Утром первого дня наступления можно было приступить к наведению наплавного моста возле Дасбурга. В 16.00 через временный мост прошли головные танки, но затем продвижение их замедлилось. Дорога от Дасбурга до р. Клерф на участке в несколько километров была преграждена лесными завалами, созданными немцами во время отступления осенью 1944 г. И вот на всем участке вплоть до самого моста образовались скопления войск и техники. Это замедлило темп наступле-

ния, хотя все соединения стремились продолжать движение вперед. Гигантская дорожная пробка задержала и учебную танковую дивизию, которая смогла переправить через р. Ур только малочисленные подразделения своего разведывательного батальона, так как ее главные силы не могли даже выйти к реке. Я считал задержку этой дивизии очень серьезной неудачей, ибо ожидал больших результатов от ее ввода в бой. Мои опасения полностью сбылись в ближайшие дни.

17 декабря 2-й танковой дивизии левофлангового корпуса удалось вырваться вперед и продвинуться в западном направлении вдоль северного берега р. Клерф. Повернув на юг, она захватила переправу недалеко от железнодорожной станции Клерф. Вскоре сопротивление противника здесь совершенно прекратилось. Более того, американский план боевых действий на этом этапе явно предусматривал отход за р. Клерф, о чем можно было судить по тому, что одновременно противник прекратил сопротивление и в полосе наступления 26-й пехотной дивизии народного ополчения. Один батальон этой дивизии в течение дня с боем проник в населенный пункт Клерф и в 17.00 захватил неповрежденным южный мост. Хотя главным силам дивизии до ночи не удалось выйти к р. Клерф, дивизия все же переправилась через реку, не встретив сопротивления. Она поддерживала контакт со своим левым соседом — 5-й воздушнодесантной дивизией 7-й армии.

Таким образом, обоим танковым корпусам в значительной степени удалось выполнить задачу прорыва обороны противника. В дальнейшем предстояло неотступно преследовать противника, чтобы не дать ему возможности создать новый оборонительный рубеж. Для этого необходимо было быстро ввести в прорыв танковые дивизии, в том числе учебную танковую дивизию, от действий которой зависело очень многое.

На левом фланге наша 5-я парашютнодесантная дивизия захватила переправу через р. Клерф, открыв таким образом путь для дальнейшего продвижения на запад через Вильц. Здесь между 5-й и 7-й танковыми армиями, как нам казалось, находился особенно слабый участок обороны противника. Это было тем более благоприятно для нас, что южный фланг 5-й танковой армии продвигался вперед сравнительно успешно. Однако 7-я армия

из-за недостатка саперных частей не смогла немедленно воспользоваться этой выгодной обстановкой. Только 18 или даже 19 декабря удалось навести три—пять наплавных мостов. Командование 7-й армии справедливо считало, что из-за этой задержки в решающий момент внезапного нападения была упущена наилучшая возможность прорвать фронт противника. Теперь стало ясно, что 7-я армия едва ли сумеет обеспечить растянутый левый фланг 5-й танковой армии, продвигавшейся в западном направлении.

Несмотря на успехи 5-й танковой армии, 17 декабря появились сомнения, что она сможет выполнить свои задачи в установленные планом сроки. Все зависело от благоприятной обстановки, в особенности от того, насколько слабой окажется американская оборона западнее р. Клерф. Однако на это едва ли можно было надеяться. Несмотря на свою малочисленность, войска противника оказывали в большинстве случаев упорное сопротивление.

Днем 18 декабря хаос на дорогах начал оказывать серьезное влияние на ход операций. В 9 часов учебная танковая дивизия переправилась через р. Клерф, однако выйти к Нидер-Вампаху ей удалось только к вечеру. За ночь она продвинулась к Магорету, который к рассвету был очищен от противника. Только утром 19 декабря дивизия подошла к Бастони. Ей пришлось преодолеть много трудностей, особенно на перегруженных дорогах. Несомненно, что все трудности, перечисленные в донесениях командира дивизии, соответствовали истине. В связи с этим возникает вопрос, не целесообразнее ли было бы часть сил дивизии перебросить на юг, — это могло бы привести к значительным успехам на том направлении.

19 декабря темп продвижения 47-го танкового корпуса снова замедлился. В полдень завязались тяжелые бои с подразделениями боевого командования [1] американской 10-й бронетанковой дивизии. Движение этого боевого командования на запад было установлено вечером

---

[1] В целях достижения и организации взаимодействия с другими родами войск на поле боя бронетанковая дивизия армии США делится на три боевых командования (Combat Command) — «А», «В» и «С», которые предусмотрены штатами дивизии. Состав боевых командований зависит от задач, поставленных командиром дивизии. (*Прим. ред.*)

предыдущего дня. Наша разведка обнаружила его утром 19 декабря в районе Лонгвиля. Утром это боевое командование атаковало южный фланг нашей 2-й танковой дивизии. Очевидно, его задачей было дать возможность американцам завершить работы на оборонительном рубеже, который они создавали к востоку от Бастони. Для выполнения этой задачи американцы решили вести беспокоящие действия подвижными силами против наших наступающих войск. В результате напряженных боевых действий боевое командование было полностью уничтожено. Однако, с точки зрения противника, эта дорогостоящая операция не была простой тратой сил. Американцам удалось задержать до 12 часов главный удар 26-й пехотной дивизии народного ополчения и учебной танковой дивизии из состава 47-го танкового корпуса. Противник выиграл несколько ценных часов для подготовки обороны восточнее и юго-восточнее Бастони. Наша разведка установила, что оборону здесь держат отнюдь не слабые силы, поспешно выдвинутые вперед в качестве заслона. Здесь был хорошо подготовленный рубеж, оборонявшийся мощным соединением с использованием артиллерийской поддержки.

Продвижение 26-й пехотной дивизии народного ополчения застопорилось перед Биксори, где у противника были крупные силы. Учебная танковая дивизия заняла Неффе и вечером ворвалась в Варден. Разведывательные части доложили об обнаружении новых крупных сил противника в г. Марви и вокруг него.

Перед 47-м танковым корпусом вечером 19 декабря встал вопрос: вводить ли в бой все свои силы, чтобы захватить Бастонь с ходу, или же в соответствии с первоначальным планом поставить задачу захвата Бастони 26-й пехотной дивизии народного ополчения, а двум танковым дивизиям приказать обойти этот населенный пункт и продолжать наступление на запад.

Решение штаба 5-й танковой армии предусматривало немедленный ввод в бой против Бастони и учебной танковой дивизии, часть сил которой, однако, должна была быть готова возобновить движение на запад через Сибре. Захват Бастони был очень важен. Находясь в руках противника, этот населенный пункт мешал нашему продвижению на запад, срывал функционирование нашей системы снабжения и сковывал значительные немецкие силы.

По этой причине было крайне важно захватить его без промедления. Даже до начала боев за город мы сомневались, достаточно ли у нас войск для одновременного выполнения двух задач — продвижения вперед и обеспечения нашего южного фланга.

Блокада Бастони означала еще больший расход наших и без того незначительных ресурсов. В то же время, находясь в руках американцев, Бастонь, как магнит, притягивала бы силы противника и тем самым представляла бы для нас постоянную угрозу. А если бы противнику удалось деблокировать осажденные там войска, город стал бы превосходным плацдармом, откуда можно было угрожать всей нашей наступающей группировке. С другой стороны, бросив в бой все силы 47-го танкового корпуса для захвата Бастони, мы (в лучшем случае временно) отказались бы от продвижения на запад. Поэтому командование 5-й танковой армии приняло решение силами 2-й танковой дивизии взять Новиль и затем продолжать наступление на запад. 47-му же танковому корпусу 20 декабря был отдан приказ бросить учебную танковую дивизию в повторную атаку Бастони с востока. Задачей 26-й пехотной дивизии народного ополчения было продолжать наступление на Бастонь с захваченных ранее рубежей. Пройдя через дорогу Новиль—Бастонь, дивизия должна была атаковать Бастонь с севера.

Командующий войсками Западного фронта предложил, чтобы соединения, которые по плану «решения малых задач» должны были действовать на правом фланге наших наступающих войск, были переброшены сюда из района Гейленкирхена для наступления в направлении на г. Маастрихт и район восточнее этого населенного пункта. Гитлер отверг это предложение. Более того, он приказал перебросить две танковые дивизии 47-го корпуса из района Гейленкирхена в Арденны. Этот приказ теперь и выполнялся. В тот момент, когда ко мне явился командир 9-й танковой дивизии, его соединение, которому следовало соединиться с 47-м танковым корпусом, было растянуто на стокилометровом участке дороги. Командир дивизии не знал, когда и где дивизия сможет заправить танки горючим для завершения марша.

20 декабря 2-я танковая дивизия захватила Новиль и Фой. В полночь дивизия достигла Ортенвиля, где она захватила неповрежденный мост через р. Урт. Оставив

заслоны, дивизия продолжала продвижение на запад. За это время учебная танковая дивизия заняла Биксори. Однако 26-я пехотная дивизия народного ополчения встретила сильное сопротивление противника и не смогла продолжать продвижение. Наступление из Неффе на Мон совершенно не имело успеха. Был захвачен Варден, но противник продолжал упорно и мужественно оборонять Марви. Сопротивление противника к югу от Бастони было, очевидно, не таким сильным, как к востоку от города.

21 декабря погода улучшилась, и над обоими танковыми корпусами в первый раз появились истребители-бомбардировщики противника, пока, впрочем, в незначительном количестве. 2-я танковая дивизия испытывала теперь недостаток горючего и могла передвигаться только на ограниченные расстояния. Она расширила захваченный ею плацдарм от р. Урт до Теннвиля. После ожесточенных боев 26-й пехотной дивизии народного ополчения удалось захватить Сибре. Однако главные силы, наносившие удар по Бастони с севера и востока, не продвигались. Окружение Бастони было теперь почти завершено — остался лишь коридор между Шаном и Сеноншаном. В этот день в Бастонь был направлен с парламентерским флагом офицер учебной танковой дивизии, который вручил осажденным требование о капитуляции города. Это было сделано без моей санкции. Я считал ультиматум бесцельным, так как при отклонении нашего требования о капитуляции у нас не было средств заставить противника принять его. У нашей артиллерии не хватало боеприпасов, чтобы создать достаточную плотность огня при обстреле города. Когда я встретился с командиром корпуса и он сообщил мне о посылке парламентера, отменять приказ было поздно, так как парламентер уже выехал. Наше требование о капитуляции было отклонено. Вечером 21 декабря в донесениях нашей разведки еще не сообщалось о движении свежих сил противника с запада, направлявшихся против наших двух головных танковых дивизий.

22 декабря активность американской авиации начала расти. Учебная танковая дивизия, продвигаясь в направлении Рошфора, подошла к Сен-Губеру, который был захвачен в течение следующей ночи. В середине дня отдельные машины на дороге Ремишампань—Море попали

под обстрел и были подожжены огнем танков и противотанковых орудий, находившихся недалеко от того места, где дорогу пересекало шоссе Бастонь — Во-ле-Розьер. Выяснилось, что прорвавшаяся с юга небольшая группа войск противника держит под огнем перекрестки дорог с позиций в нескольких стах метрах к северу от Петит-Розьер. Танки учебной танковой дивизии вынудили противника отойти. Я наблюдал за этим боем, находясь в то время в передовых частях этой дивизии.

Из штаба 7-й армии поступило донесение, что в течение дня 5-я воздушнодесантная дивизия подвергалась неоднократным атакам американских разведывательных частей, подходивших с юга. Однако в донесениях из дивизии указывалось, что причин для тревоги нет. Части прикрытия этой дивизии продвинулись вперед и заняли новый рубеж к югу от дороги Шомон — Ремуавиль, а ее передовые части находились в Либрамоне и вблизи него. 26-я пехотная дивизия народного ополчения продолжала наступление, медленно продвигаясь к Бастони. В течение дня вспыхивали сильные бои, и подразделения дивизии в отдельные моменты оказывались в критическом положении. 21 и 22 декабря американская авиация сбрасывала грузы гарнизону Бастони. Так как небо в то время очищалось от облаков, нам были хорошо видны спускающиеся к противнику парашюты с грузами. Вечером 22 декабря американские войска предприняли из Бастони ряд контратак. Собрав все свои резервы, мы с трудом сумели отбить их. Храбро сражавшаяся 26-я пехотная дивизия народного ополчения за несколько последних дней понесла тяжелые потери, и ее боеспособность в значительной степени уменьшилась. Трудно сказать, был ли целью этих контратак противника выход из окружения. Возможно, гарнизон Бастони пытался соединиться со своими войсками, наступавшими с юга и теперь оказывавшими заметное давление на наши части. Выйдя из окружения, гарнизон Бастони, очевидно, должен был атаковать выдвинувшиеся фланги танковых дивизий 5-й танковой армии, которые все еще продолжали продвижение на запад. Во всяком случае именно с таким впечатлением покидал я сильно обстреливаемый противником район юго-западнее Бастони. С вечера 22 декабря обстановка в районе Бастони изменилась коренным образом: осаждающие войска сами перешли к обороне.

Высшая точка в развитии нашего наступления

Когда 22 декабря 2-я танковая дивизия прорвала линию заслонов противника на участке Марш—Рошфор в районе Харжимон и вечером этого же дня заняла Хассонвиль и Жамоденн, казалось, создались условия для успешного продвижения этой дивизии к переправам через р. Маас в районе г. Динан и около него. Общая обстановка, в которой происходило наше наступление, делала такое продвижение опасным. 2-я и 116-я танковые дивизии, которые должны были образовать ударную группу, при этом продвижении вырвались бы далеко вперед. 6-я танковая армия СС застряла и все еще не могла сдвинуться с места. Противник увеличивал натиск на 7-ю армию, перед которой была поставлена задача прикрывать наш южный фланг. 7-я армия попала под удар 3-й американской армии и вынуждена была отойти в центре и на левом фланге. Между правым флангом 5-й танковой армии и 6-й танковой армией СС возник большой разрыв, что заставило нас отвести правый фланг. Теперь мы больше не могли рассчитывать на прикрытие войсками 7-й армии, наступавшими на юг и запад. Судя по донесениям, с юга подходили новые дивизии 3-й американской армии. Модель, имея в виду, вероятно, план «решения малых задач», сторонником которого он всегда был, придавал захвату Бастони очень важное значение и настаивал, чтобы 5-я танковая армия при любых обстоятельствах заняла город. Эту задачу моя армия просто не могла выполнить, не отказавшись от достижения своей основной цели. Теперь уже можно было не сомневаться, что инициатива перешла к противнику. Между прочим, союзники не скрывали, что снимают войска с других участков Западного фронта. Наша служба радиоперехвата отмечала ход этой передислокации с большой точностью.

В ночь с 22 на 23 декабря разведывательный батальон 2-й танковой дивизии продолжал продвижение. К 12.00 следующего дня этот батальон вместе с другими частями дивизии достиг Конне. Во время продвижения дивизии приходилось неоднократно сталкиваться с новыми частями противника, подходившими с севера, и выделять из состава дивизии подразделения для обеспечения ее флангов. С этой целью были оставлены подразделения в Хоне, Сансане, Пессу и Хаверсане.

23 декабря, когда противник из района Марша начал предпринимать сильные контратаки, поддерживаемые танками, обстановка еще более обострилась. Противнику удалось установить временный контроль над дорогой Банд—Харжимон. В течение дня был выдвинут один батальон для поддержки 2-й танковой дивизии, однако его сил оказалось недостаточно, чтобы улучшить обстановку. Этот батальон пришлось использовать для усиления подразделений, прикрывавших фланги дивизии. Все-таки положение на этом участке улучшилось, что дало возможность отбить новые атаки противника с юга и юго-востока. Утром разведывательный батальон уже подошел к Фой-Нотр-Дам и неожиданным ударом прорвал оборону противника. Мы захватили много автомобилей и другой техники. Другие части дивизии также продвинулись на большое расстояние. Однако вскоре давление противника с севера и северо-востока начало возрастать и продвижение пришлось приостановить. Дивизия вынуждена была разделить свои силы на две группы, действовавшие одна фронтом к западу, а другая — к югу от Конне. Войскам прикрытия и тыловым подразделениям дивизии пришлось организовать круговую оборону в различных населенных пунктах, где они выдержали ряд боев с численно превосходящими силами противника. Эти мелкие подразделения были уничтожены первыми. Две боевые группы, которые вели бой в районе Конне, сумели установить контакт и позднее соединиться. Однако недостаток горючего и боеприпасов подрывал их боеспособность. Чтобы позволить танковой армии продолжать продвижение и тем самым облегчить положение 2-й танковой дивизии, учебная танковая дивизия должна была выйти к р. Маас на следующий день, то есть 24 декабря. Согласованные усилия всех сил 5-й танковой армии и группы армий «Б» могли даже с опозданием способствовать успеху нашего наступления.

Перейдем теперь к описанию действий 58-го танкового корпуса, действовавшего на центральном направлении в полосе наступления 5-й танковой армии. План предусматривал следующие задачи для соединений этого корпуса. 116-я танковая дивизия вводилась в бой южнее р. Урт, а 560-я пехотная дивизия народного ополчения — севернее этой реки, так как ее сосед справа все еще вел бой на р. Ур. 116-й танковой дивизии надлежало наступать из

Уффализа на Ларош и оттуда как можно дальше на запад. Однако в ночь на 20 декабря было получено донесение о том, что мост через Урт в 5 километрах к северу от Бертони взорван. Если бы пришлось восстанавливать этот мост силами и средствами дивизии, он был бы введен в эксплуатацию в лучшем случае только к вечеру 21 декабря. Поэтому командование 5-й танковой армии отдало приказ 116-й танковой дивизии остановиться и повернуть назад. Продвинувшись в течение ночи через Уффализ к Самре, 116-я дивизия взяла его рано утром 20 декабря. В тот же вечер дивизия достигла Дошана. Мы думали, что противник на фронте 58-го танкового корпуса разгромлен и поспешно отступает, поэтому было очень важно переправу через р. Урт провести без задержки и захватить плацдарм на северном берегу, прежде чем противнику удастся создать новую оборону вдоль этой реки.

Однако 21 декабря противник начал оказывать более сильное противодействие продвижению 116-й танковой дивизии. Атаки этой дивизии в направлении на Оттон были отбиты. Атакующие части вскоре сами попали под сильный огонь, который противник вел прежде всего с высоты к северу от Соя. Это еще более уменьшило вероятность того, что 116-й танковой дивизии удастся отбросить противника в своей полосе наступления и продвинуться дальше на северо-запад. Я считал, что на этом участке у противника были свежие силы. Однако подтвердить мое предположение захватом контрольных пленных не удалось.

И все-таки приказ требовал продолжать продвижение на запад при любой обстановке. Этот приказ относился и к 58-му танковому корпусу. Развитие успеха 2-й танковой дивизии в южном направлении позволило координировать продвижение 58-го танкового корпуса вдоль южного берега р. Урт. Поэтому 116-й танковой дивизии было приказано выйти из боя 22 декабря и продвигаться вдоль южного берега в северо-западном направлении через Ларош. Мы надеялись, что на следующий день 116-я танковая дивизия продвинется через Ларош, минуя Марш, в направление на Байонвиль. Как я полагал в то время, от удачи или провала ее атаки зависело следующее решение: если удастся выйти к р. Маас, то можно будет еще успеть повернуть два танковых корпуса на север вдоль восточного берега в соответствии со старым планом «решения

малых задач», облегчив тем самым положение 6-го армейского корпуса на правом фланге 5-й танковой армии и позволив 6-й танковой армии СС достигнуть хоть каких-нибудь успехов.

23 декабря мост у Лароша, слегка поврежденный, был восстановлен саперами 116-й танковой дивизии. Почти в это же время из дивизии поступило донесение о появлении перед ее фронтом новой — 84-й американской — пехотной дивизии. Предпринятая нами 24 декабря атака в районе Вардена была отражена, так же как и атаки двух других правофланговых дивизий этого корпуса вблизи Ламормениля. Противник преградил путь 58-му танковому корпусу по всей полосе его наступления. Однако от успешной обороны противник немедленно перешел к наступлению. Тем не менее 116-я танковая дивизия вынуждена была продолжать атаки, чтобы несколько облегчить положение 2-й танковой дивизии, которая вырвалась далеко на запад. Вперед была выдвинута и бригада «Фюрербеглейт», приданная корпусу. Ее задачей было захватить высоты возле Оттона и тем самым помочь 116-й танковой дивизии, которая вела ожесточенные бои в районе Вардена. Однако в момент выдвижения для атаки бригаду остановили и повернули назад, отдав ей приказ ускоренным маршем двигаться к Бастони.

В обороне — Второй этап боев за Бастонь

24 декабря одной танковой дивизии удалось продвинуться до пункта, расположенного всего в 5 километрах к востоку от Динана. Вечером того же дня стало ясно, что наше наступление достигло кульминационной точки. Мы понимали, что обстановка на флангах уже не позволит нам выполнить наши задачи. Однако дело было не только в том, что на обоих флангах наступление приостановилось и войска подвергались все более сильному воздействию противника с северо-запада, юга и юго-запада. Возможно, самым решающим фактором было изменение погоды. Начиная с 23 и 24 декабря авиация союзников могла действовать свободно. Самолеты противника находили выгодные цели во всем районе наступления. Шоссейные и железные дороги за линией фронта подвергались массированным бомбардировкам. Наша и без того неудовлетворительная система снабжения вообще перестала функционировать. Подвижность немецких войск неук-

лонно и быстро снижалась. Пошел снег, упала температура, немногочисленные горные дороги покрылись слоем льда, и к рассвету движение по автомобильным дорогам за линией фронта стало по существу невозможным.

Все это означало неудачу нашей попытки выйти к р. Маас. Теперь основной задачей 5-й танковой армии стало сражение за Бастонь. Таков был эпилог нашего неудачного Арденнского сражения. В Бастони продолжались ожесточенные затяжные бои. В сражение вступала одна дивизия за другой. Как только новая дивизия прибывала в этот район, ее немедленно вводили в бой. Размеры этой статьи слишком ограничены, чтобы можно было сколько-нибудь подробно изложить ход боев за Бастонь. Однако нужно указать, что, когда соединения 5-й танковой армии все еще пытались продвигаться вперед, Бастонь стала своего рода водоворотом, который засасывал немецкие силы, в том числе и предназначенные для выхода к р. Маас. Был такой момент, когда Бастонь связывала девять немецких дивизий. Сражение за Бастонь потребовало переброски соединений 6-й танковой армии СС на поддержку 5-й танковой армии и тем самым сорвало все наступательные планы верховного командования. Обороняя Бастонь, противник, казалось, не имел никаких шансов на успех, и все же именно сражение за этот город определило провал нашей наступательной операции.

Интересно сравнить действительное количество немецких сил, сосредоточенное у Бастони, с тем составом войск, который первоначально был выделен 5-й танковой армии для ее прорыва к р. Маас. Огромные усилия, затраченные для того, чтобы захватить Бастонь, то есть на операцию, которая по сути дела не должна была повлиять на общую обстановку на фронтах, далеко превзошли те усилия, которые была бы в состоянии сделать 5-я танковая армия во время ее продвижения на запад.

Согласованное наступление на Бастонь могло бы иметь успех даже сейчас, если бы только удалось за несколько дней собрать все находившиеся на этом участке силы и сразу бросить их в бой. Однако такой возможности не было. Части и соединения застревали на дорогах и прибывали в район боевых действий в неполном составе. И все-таки верховное командование настаивало на неуклонном выполнении его планов. Несмотря на изменившуюся обстановку, отдавались приказы предпринимать без соот-

ветствующей подготовки одну атаку за другой, но все эти атаки оканчивались неудачей. Только после того как наступление 1-й танковой дивизии СС на Лютрбуа с целью перерезать дорогу из Бастони на юг сорвалось, верховное командование, наконец, согласилось с точкой зрения командования группы армий «Б» и 5-й танковой армии, что атаки на этом участке ничего не могут дать, так как войска, доблесть которых была выше всяких похвал, слишком малочисленны и имеют слишком мало оружия и боеприпасов, чтобы одолеть противостоящие им силы противника. Холодный, пронизывающий ветер также причинял войскам большие неприятности, к которым добавлялись затруднения в снабжении.

Теперь все старшие начальники настаивали, чтобы атаки были немедленно прекращены, а войска выведены из того глубокого выступа, который образовался в результате нашего вклинения в оборону противника. Эти просьбы основывались на нашей оценке обстановки на 29 декабря. Противник сосредоточил такие большие силы к северу и югу от этого выступа, что мы не могли и надеяться (при наличной численности и оснащении войск) предупредить прорыв на Уффализ ни на левом, ни на правом фланге. Кроме того, господство противника в воздухе ограничивало действия наших войск сумерками, а передвижение, окопные работы, снабженческие перевозки и т. д. позволяло проводить только при полной темноте. Но несмотря на серьезное ухудшение обстановки по обеим сторонам р. Урт и на правом фланге 7-й армии в районе Вильца, только после начала наступления противника верховное командование, наконец, с трудом согласилось 3 января 1945 г. разрешить отход наших войск.

12—13 января русские предприняли свое большое наступление с баруновского плацдарма [1]. Влияние его немедленно сказалось на Западном фронте. Мы уже давно с тревогой ожидали переброски своих войск на Восток, и теперь она производилась с предельной быстротой. Туда была переброшена 6-я танковая армия СС с отдельными частями армейского подчинения, двумя штабами корпусов и четырьмя танковыми дивизиями СС, бригада «Фюрер-

---

[1] В советской военной литературе это наступление принято называть наступлением с сандомирского плацдарма Баранув — населенный пункт на восточном берегу Вислы. (*Прим. ред.*)

беглейт» и гренадерская бригада, а также вся их артиллерия и переправочные средства. Нетрудно представить, как сказался отвод с фронта такой массы живой силы и техники на постоянном, катастрофическом недостатке у нас горючего. Теперь нам пришлось расплачиваться за промедление в отходе из большого выступа, который все равно в конце концов был бы нами потерян. В ставке верховного главнокомандующего не понимали, как сильно были измотаны наши войска. Физически и морально они были утомлены даже больше, чем мы считали, и уже не могли успешно бороться с крепкой американской армией, отлично снабжаемой боевой техникой и продовольствием. Полученное в январе пополнение ни качественно, ни количественно не соответствовало требованиям войск. В состав пополнения входили главным образом пожилые люди, ограниченно годные к службе и плохо обученные. Военная промышленность Германии разрушалась под нарастающими ударами бомбардировочной авиации союзников. В середине января были потеряны промышленные районы Верхней Силезии. Вскоре это стало сказываться на снабжении вооружением, боеприпасами и всеми видами военного имущества. Следя за непрерывным ростом сил противника, которые накапливались для нового удара, солдаты на Западном фронте теряли веру в победу. Потеряв веру, они утратили и наступательный порыв, хотя продолжали выполнять свой долг. Эта преданность войск до конца была, пожалуй, самым замечательным явлением последних месяцев войны.

Заключение

В течение пяти недель наши войска как в наступлении, так и в обороне сражались с удивительным мужеством и упорством, без отдыха, в чрезвычайно тяжелых условиях. На эти почти сверхчеловеческие усилия их воодушевляла вера в то, что, жертвуя собой, они выиграют нашим политическим руководителям время для завершения войны.

Несмотря на преданность войск, наступление провалилось. Уже через несколько дней после начала наступления стало ясно, что оно закончится неудачей. Цель была слишком отдаленной, а силы наступающих войск совершенно не соответствовали поставленным перед ними задачам. Чтобы обеспечить стремительное и энергичное раз-

витие успеха после прорыва, наши войска были недостаточно эшелонированы в глубину. В то же время мы не могли обеспечить фланги наших наступающих группировок, не взяв для этого части и соединения из состава сил, предназначенных для быстрого продвижения к р. Маас.

7-я армия была слишком слабой, чтобы выполнить свои ближайшие задачи — прикрыть южный фланг двух танковых армий и выделить специальные силы для наступления на Люксембург. 7-я армия не смогла удовлетворительно выполнить ни одной из этих двух задач. А ведь успешное продвижение 7-й армии имело важное значение для левого крыла 5-й танковой армии.

Общая нехватка сил имела еще одно серьезное последствие. Не было установлено определенного направления главного удара. Настойчивое стремление во что бы то ни стало выполнить первоначально поставленную задачу, несомненно, было ошибкой. Ошибочными были также организация и тактика наших войск. Верховное командование, не знавшее обстановки на фронте и проявлявшее повышенное и неуместное упрямство в своих требованиях выполнять его приказы со скрупулезной точностью, уже не обладало необходимой оперативностью и не могло согласовывать ход операций с конкретной обстановкой. В конечном итоге это вина Гитлера. Когда выяснилось, что на самом деле мы не располагаем всеми теми дивизиями, которые намечались для Арденнского наступления 1944 г., нужно было изменить план действий с учетом слабых сил, находившихся в нашем распоряжении. И далее, как только стало очевидно, что мы не можем больше продолжать наступление, следовало своевременно принять решение о переходе к обороне и отойти на исходные позиции.

С моей точки зрения, наше поражение вызвали три основных фактора:

1. Противник гораздо быстрее, чем предполагало наше верховное командование, реагировал на наступление, начатое 16 декабря.

2. Контрмеры противника были согласованы и осуществлялись по единому плану.

3. Когда погода прояснилась, противник снова стал господствовать в воздухе, как и во время вторжения в Нормандию.

Правда, сейчас можно сказать, что контрнаступление противника началось преждевременно. Если бы противник перешел в контрнаступление чуть позже, он мог бы уничтожить в Арденнах всю нашу наступавшую группировку. Другими словами, победа противника была «обычной» в обстановке, когда потерпевшая поражение немецкая армия, несмотря на тяжелые потери, отходила на те рубежи, с которых она начала наступление. В это время союзники вынуждены были прекратить атаки по всей линии фронта на западе. Им пришлось опять отвоевывать территорию, за которую они совсем недавно сражались.

Германия получила передышку. Внутренний фронт в тылу, страдавший от бомбардировочной авиации союзников, почувствовал некоторое облегчение. Однако заплатить за это пришлось такой дорогой ценой, что наступление не принесло ожидаемого результата. Последние немецкие резервы понесли огромные потери и больше не могли влиять на обстановку на Западном и Восточном фронтах.

Стремительное продвижение Красной Армии свело на нет последствия передышки, достигнутой Арденнским наступлением, и сделало неизбежным быстрое окончание войны. Поэтому выигрыш времени на Западном фронте оказался обманчивым.

Провал наступления отразился на моральном состоянии, а следовательно, и на поведении как армии, так и гражданского населения. Возможно, это ускорило окончание войны.

Несмотря на трагический исход наступления, нельзя отрицать, что немецкие солдаты и офицеры сделали все возможное, чтобы смягчить жестокий удар, который судьба готовила Германии. Уступая противнику в численности войск и вооружения, атакующие дивизии сражались превосходно. Отрицать это — значит отнять у американцев возможность по-настоящему оценить их победу.

ФИНАЛ

Генерал-лейтенант ЗИГФРИД ВЕСТФАЛЬ

Когда в Арденнах измотанные войска группы армий «Б» отходили под натиском противника назад, на исходные позиции «Западного вала», Гитлер в своей ставке «Орлиное гнездо» близ Бад-Наугейма получил известие, которое заставило его с большой поспешностью вернуться в Берлин. Это было донесение о новом большом наступлении советских войск с баранувского плацдарма на Висле. Событиям трех последующих месяцев суждено было привести войну к концу.

Окончание войны было ускорено ослаблением Восточного фронта, откуда часть войск была переброшена в Арденны, и резким спадом производства вооружения и боеприпасов. Немецкому народу, многим миллионам мужчин, женщин и детей, бежавших от Красной Армии по обледенелым дорогам Центральной Европы, последние события войны приносили только непрерывные бедствия. Русские заняли Силезию, Восточную и Западную Пруссию, Померанию и даже Бранденбург — колыбель старой империи Гогенцоллернов. Был окружен Рур. Англичане вступили в Гамбург и Киль, а американцы заняли Франкфурт-на-Майне, Штутгарт и Мюнхен. Были потеряны Саксония и Тюрингия, и передовые отряды русских встретились с американцами на Эльбе возле Магдебурга. Красная Армия заняла Берлин, и немецкие вооруженные силы, наконец, капитулировали, сложив оружие перед победоносными военачальниками противника. За последние месяцы немецкий народ испытал такие ужасные страдания и голод, что сообщение о самоубийстве Гитлера, избежавшего таким образом людского суда, не вызвало

почти никакого интереса и даже не стало темой для разговоров. В то время народ находился в состоянии такой апатии и усталости, что у него оставалось только одно страстное желание — чтобы со всем этим было покончено раз и навсегда. Однако многим немцам (и притом далеко не самым худшим из моих соотечественников) пришлось вынести еще одно испытание. Этим испытанием было жестокое открытие, что все огромные жертвы и беззаветная преданность войск были напрасными, что миллионы храбрых людей рисковали своей жизнью и погибали ради дела, которое, как теперь стало ясно, было нечестивым. И неизбежно возникали вопросы. Почему война окончилась именно так? Разве нам суждено было проиграть войну, несмотря на все наши великие победы первых дней, несмотря на то, что в свое время мы были хозяевами почти всей Европы?

Сейчас разумные и трезво рассуждающие немцы знают, как ответить на эти вопросы. Преступное правительство Гитлера вызвало за границей такое отвращение и ненависть, что немцы не могли и надеяться в течение длительного времени с оружием в руках угрожать всему миру. Просто мир был слишком велик. Победа немцев при таком колоссальном преимуществе их союзников в живой силе, сырьевых ресурсах и промышленной мощи стала совершенно невозможной уже тогда, когда сравнительно ограниченная война 1939—1940 гг. переросла в мировой конфликт, в котором Соединенные Штаты Америки и Советская Россия выступали против нас. Многие немецкие солдаты хорошо понимали это и так же мало желали этой войны, как и гражданское население Германии. Многие даже правильно предугадали ее вероятный исход, и это отнюдь не облегчало им выполнение их долга. Однако у солдат нет другого выбора, кроме выполнения своего долга. После декларации в Касабланке о том, что для союзных правительств единственным приемлемым условием будет только безоговорочная капитуляция Германии, даже те, кто был полностью осведомлен об истинной обстановке, не видели никакого выхода, кроме продолжения войны до ее горького конца. Только немногие реагировали настолько сильно, что решились на открытый мятеж. С другой стороны, в Германии сейчас есть небольшая и все уменьшающаяся группа людей, которые не научились смотреть действительности прямо в глаза. Эти

люди во что бы то ни стало хотят снова поверить в возрожденную сказку 1918 г., в легенду об «ударе ножом в спину»[1]. Даже теперь они приписывают наше поражение измене. Но где в мире нет глупцов — людей, которые не замечают очевидных фактов, людей, которых опыт буквально ничему не научил?

С этой точки зрения, роковые решения, описанные в данной книге людьми, которые знают то, о чем они пишут, вовсе не были роковыми в подлинном смысле слова. Иначе говоря, якобы не эти решения превратили верную победу немцев в несомненное поражение. Результаты различных операций в известной степени предопределяло взаимоотношение сил, и первой причиной поражений была ложная оценка наших возможностей в то время, когда принимались эти решения. Даже если бы немецкая авиация выиграла сражение за Англию, Великобритания едва ли стала бы на колени, а захват Сталинграда или своевременный отвод 6-й армии едва ли привели бы к быстрому прекращению советского сопротивления. Поражение под Эль-Аламейном в октябре—ноябре 1942 г. было неизбежным ввиду плохого материального обеспечения войск Роммеля. В этих условиях победа в Арденнах ничего не дала бы Гитлеру, разве что несколько продлила бы его земное существование. И даже поражение союзников в Нормандии — почти невероятное, если принять во внимание их подавляющее превосходство на море и в воздухе, — все равно не заставило бы англичан и американцев отказаться от новых попыток вторжения.

Основным роковым решением было то, которое исходило из ошибочного предположения Гитлера, что западные державы позволят ему уничтожить Польшу, не заступившись за своего союзника. Как только было принято решение о вторжении в Польшу, решилась и наша судьба.

Уроки войны 1914—1918 гг. снова повторились четверть века спустя: Германия не может выиграть войну, ведя ее более чем на одном фронте. Благодарение богу, сегодня мы научились большему. Мы усвоили более глу-

---

[1] Легенда об «ударе ножом в спину», пущенная Людендорфом в 1918 г., имела своей целью вину за поражение Германии в первой мировой войне переложить с истинных виновников — немецких империалистов — на германский рабочий класс, на революцию, вспыхнувшую в Германии в ноябре 1918 г. (*Прим. ред.*)

бокую истину. Немецкий народ теперь искренне желает полного и окончательного примирения со своими бывшими врагами. Сейчас мы убеждены, что никогда больше не должны скрещивать мечи с нашими соседями. Давайте же соревноваться с ними, но только в условиях мира [1]. Мы проиграли войну. Теперь мы должны бороться только за то, чтобы завоевать любовь и уважение своих бывших врагов. Если все вместе цивилизованные нации завоюют мир, то тогда — и в этом наше утешение — 6 миллионов немцев, павших на полях сражений или нашедших смерть под бомбами, обрушивавшимися на наши города, не напрасно принесли свои жизни в жертву родине.

---

[1] Фарисейские «мирные» заявления фашистского генерала Вестфаля никого не могут ввести в заблуждение. Известно, что авантюристические правящие круги Западной Германии при явном покровительстве милитаристов США усиленно возрождают вермахт. Особенно активную роль играют при этом бывшие гитлеровские генералы, включая и самого З. Вестфаля. (*Прим. ред.*)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит, Ф. Байерлейн, К. Цейтцлер, Б. Циммерман, Х. Мантейфель

РОКОВЫЕ РЕШЕНИЯ

Редактор полковник *Жеребцов Л. П.*
Литературный редактор *Куркина М. Ф.*
Переплет художника *Шамро О. П.*
Технический редактор *Губина З. А.*
Корректор *Поташкова Н.В.*

Сдано в набор 17.03.58 г. Подписано к печати 17.06.58 г.
Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$ 10 печ. л. = 16,4 усл. печ. л. = 16,289 уч. изд. л.
Г-40480.
Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-9, Тверской бульвар, 18.
Изд. № 12/242. Зак. 909.

1-я типография
Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, 3.

Цена 9 р. 15 к.